ВЕСТНИК МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO Review of International Relations

• 18(3) • 2025

Журнал индексируется в следующих системах и каталогах: Scopus, Web of Science, РИНЦ, Google scholar, список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

http://www.vestnik.mgimo.ru/

Редакционная коллегия:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России. Главный редактор (Россия).

Байков А.А. – кандидат политических наук, доцент, проректор по научной работе МГИМО МИД России. Заместитель главного редактора (Россия).

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, директор по научным коммуникациям МГИМО МИД России. Шеф-редактор (Россия).

Артизов А.Н. – доктор исторических наук, руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации (Россия).

Вайц Р. – старший научный сотрудник и директор Центра военно-политического анализа в Институте Хадсона (США)

Войтоловский Ф.Г. – член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН, директор ИМЭМО РАН (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук Университета Аризоны (США).

Гаман-Голутвина О.В. – член-корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России (Россия).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Казанцев А.А. – доктор политических наук, независимый исследователь (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН, заведующий кафедрой международной безопасности МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия).

Колосов В.А. – доктор географических наук, заведующий Лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН (Россия).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России (Россия).

Липкин М.А. – доктор исторических наук, профессор РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по развитию МГИМО МИД России (Россия).

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Печатнов В.О. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России (Россия).

Рутланд П. – профессор Уэслевского университета (США).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Сергунин А.А. – доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Столбов М.И. – доктор экономических наук, заведующий кафедрой прикладной экономики МГИМО МИД России (Россия).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Уолфорт У. – профессор им. Дэниэла Вебстера Факультета управления Дартмутского колледжа (США).

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

http://www.vestnik.mgimo.ru/

Editorial Board:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Academician of the Russian Academy of Sciences. Editor-in-Chief (Russia).

Baykov A.A. – Vice-Rector for Science and Research of MGIMO University, PhD in Political Science, Associate Professor. Deputy Editor-in-Chief (Russia).

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO University. Editor-in-Charge. (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

Gaman-Golutvina O.V. – Corresponding member of RAS, President of Russian Political Science Association, Head of Comparative Politics Department, MGIMO University (Russia).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

Kazantsev A.A. – Doctor of Political Sciences, independent researcher.

Kokoshin A.A. – Head of International Security Department, Lomonosov Moscow State University Academician of the RAS (Russia).

Kolosov V.A. – Doctor of Geography, Head of the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Lebedeva M.M. – PhD in Psychology, Doctor of Political Sciences, Professor, the Head of the World Politics Department, MGIMO University (Russia).

Lipkin M. – Doctor of Sciences (History). Director of the Institute of World History of the RAS, professor of the RAS (Russia).

Malghin A.V. – PhD in Political Sciences, Vice-Rector for Strategic Development MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Pechatnov V.O. – Doctor of Sciences (History), Professor at the Department of History of European and American countries, MGIMO University (Russia). (Russia).

Rutland P. – Professor of Government at Wesleyan University (USA).

Sakwa R. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Sergunin A.A. – Doctor of Sciences (Politics), Professor of theory and history of international relations, Saint Petersburg University

Stolbov M.I. – Doctor of Sciences (Economics), Head of Applied Economics Department, MGIMO University (Russia).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Voitolovsky F. – Doctor of Sciences (Politics), Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Corresponding Member of the RAS (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Weitz R. – Senior Fellow and Director of the Center for Political-Military Analysis at Hudson Institute (USA).

Wohlforth W.C. – Daniel Webster Professor of Government, Dartmouth College (USA).

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14. Тел./факс: 8 (495) 234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru
e-mail: vestnik@inno.mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.
ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., Захарова Е.А., Гожина А.В., Кузнецов Д.А., Уруева М.С., Учаев Е.И., корректор - Кубышкина Е.В., вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 14,22 усл. п.л. Заказ № ____.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007. Reregestered ПИ № ФС77-69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14. Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;
e-mail: vestnik@inno.mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160.
ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

Содержание • 18(3) • 2025

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Теория и история дипломатии

7 Gupta A.K. – Bridging Theory and Diplomatic Practice: A Survey of Diplomats on the Relevance of International Relations Theories

27 Ивонина Л.И. – Взаимодействие политических элит Великого княжества Литовского и Королевства Польского в контексте формирования Вестфальской системы международных отношений

51 Кудрявцева Е.П. – Черноморский флот на службе первой дипломатической миссии России в Греции

69 Фетисенко О.Л. – Одесский «дневник» дипломата: письма М. А. Хитрово Н.П. Игнатьеву (1868–1871)

87 Сенников А.И. – Турецкий политический кризис в политике администрации Дж. Картера в 1977–1978 гг.

Гуманитарное измерение мировой политики

115 Стрельцов Д.В., Фокин Я. П. – Нарративы травматического прошлого в японских музеях исторической памяти

134 Аракелян Д. Э. – Реакция Всемирного совета церквей на Украинский кризис (2022–2024 гг.)

Table of Contents • 18(3) • 2025

RESEARCH ARTICLES

Theory and History of Diplomacy

7 Gupta A.K. – Bridging Theory and Diplomatic Practice: A Survey of Diplomats on the Relevance of International Relations Theories

27 Ivonina L.I. – Political Elites of the Grand Duchy of Lithuania and the Kingdom of Poland in the Formation of the Westphalian International Order

51 Kudryavtseva E.P. – Black Sea Navy in the Service of the First Diplomatic Mission of Russia in Greece

69 Fetisenko O.L. – A Diplomat's Diary from Odessa: The Letters of Mikhail Khitrovo to Nikolai Ignatiev, 1868–1871

87 Sennikov A. I. – The Carter Administration and the Turkish Political Crisis, 1977–1978: An Analysis of U.S. Foreign Policy Responses

The Humanitarian Dimension of World Politics

115 Streltsov D.V., Fokin I.P. – Narratives of the Traumatic Past in the Japanese Historical Memory Museums

134 Arakelian D. E. – The World Council of Churches' Response to the Ukrainian Crisis (2022–2024)

Вестник МГИМО-Университета. 2025. 18(3). С. 7–26
DOI 10.24833/2071-8160-2025-3-102-7-26

Check for updates

Bridging Theory and Diplomatic Practice: A Survey of Diplomats on the Relevance of International Relations Theories

A.K. Gupta

Guru Ghasidas Vishwavidyalaya

Abstract. The relevance of International Relations (IR) theory to policymaking has been a subject of ongoing scholarly debate. A widespread yet problematic assumption persists in policy discourse that theories are purely abstract constructs, lacking practical applicability. Addressing this assumption, the article critically evaluates the extent to which IR theories hold practical value and significance for policymakers engaged in international politics.

To substantiate this analysis empirically, the authors conducted a field survey involving 50 active and retired diplomats representing 32 countries across five continents. The survey examined respondents' perceptions of the utility, applicability, and limitations of IR theories in the context of their diplomatic and policymaking practices. Complementing these primary findings, the article integrates scholarly discussions and case-based examples from international politics, thereby providing a comprehensive assessment of how IR theories serve as analytical tools for both practitioners and scholars.

The study identifies central arguments underpinning the perceived limitations of IR theories, while simultaneously emphasizing their practical strengths. According to survey results, the majority of diplomats affirmed the continuing relevance of IR theories, noting their utility in diagnosing international events, elucidating causal relationships, assessing impacts, and informing strategic analysis. Furthermore, the findings highlight the inherent international applicability of dominant IR paradigms, which broadly encompass contemporary global political developments.

Respondents advocated for stronger interaction between academia and policymakers, underscoring the necessity of making IR theories more accessible and comprehensible for diplomatic practitioners. Additionally, the diplomats suggested that IR theorists should pursue greater intellectual and ideological neutrality to enhance the practical value of their analytical frameworks.

In conclusion, the field survey and subsequent analysis demonstrate that characterizing IR theories as merely abstract constructs is inaccurate. On the contrary, IR theories constitute indispensable analytical instruments enabling policymakers to interpret, assess, and effectively navigate the complexities of contemporary international politics.

Keywords: International Relation theories, policy makers, eclectic approach, diplomats, global politics, theory and practice

UDC: 327:001.891
Received: September 21, 2024
Accepted: March 12, 2025

Theories of International Relations (IR) fundamentally aim to clarify the complex and multifaceted domain known as international politics (Weber, 2009). The discipline of international relations is inherently interdisciplinary. IR theories provide structured analytical frameworks that allow scholars and practitioners to interpret, explain, and anticipate complex international phenomena.

Nevertheless, there remains considerable debate surrounding the practical applicability of theoretical frameworks, frequently encapsulated by the widely cited notion: "In theory, theory and practice are the same. In practice, they are not." Although this statement has been attributed to various prominent figures such as Albert Einstein, Yogi Berra, and Richard P. Feynman[1], its exact origin remains unclear. Despite its anecdotal nature, the sentiment resonates within certain segments of the academic and policy-making communities, where theories are sometimes viewed as detached from or only partially relevant to practical decision-making.

Addressing this prevalent skepticism, the current article seeks to systematically examine the extent to which International Relations theories maintain relevance and applicability for contemporary policymakers. To strengthen empirical insight, the authors conducted a field survey of 50 serving and retired diplomats from 32 countries across five continents, exploring their perceptions of the utility and significance of IR theories within their professional practice.

In addition, the article integrates selected case examples and key theoretical debates from academic literature to illustrate the tangible value of IR theories for policymakers and scholars alike. The analysis concludes with a critical evaluation of arguments commonly presented against the practical applicability of IR theory, ultimately highlighting both the limitations and the significant contributions theoretical approaches offer in guiding the complex realities of international politics.

Essence of Theories

"No one sees the world just 'as it is'. All of us interpret the world through a veil of theories, presuppositions, and assumptions" (Heywood, 2011: 53). This statement underscores the idea that whenever we attempt to comprehend the workings of the international system, we inherently engage in the construction of meaning. Thus, theories are crucial for the understanding of international politics, as they provide "shape and structure to an otherwise shapeless and confusing reality" (Heywood, 2011: 53).

Theories serve as tools through which the fragmented and disorganized phenomena of political reality, both historical and contemporary, can be structured into systematic, coherent patterns. They offer frameworks for explanation and prediction,

[1] Garson O'T. 2018. In Theory There Is No Difference Between Theory and Practice, While In Practice There Is. *Quoteinvestigator*. URL: https://quoteinvestigator.com/2018/04/14/theory/ (accessed 23.06.2025)

enabling us to conceptualize complex situations that might otherwise remain unclear. Most importantly, theories guide and direct our thinking processes[2]. A theory, therefore, can be understood as a well-substantiated explanation, derived through rigorous scientific methods, observations, and repeated empirical testing. In fact, theories represent validated knowledge about how particular phenomena function, enabling predictions not only about existing conditions but also about future developments. A robust theory withstands rigorous scrutiny, thereby justifying placing theories and empirical facts on essentially the same epistemological plane[3]. Thus, in both the natural and social sciences—including International Politics—theory is not merely speculative; it is fundamentally intertwined with factual evidence and practical knowledge.

According to Baylis et al. (2011), "A theory is not simply some grand formal model with hypotheses and assumptions. Rather, a theory serves as a simplifying device that allows one to distinguish significant facts from irrelevant ones." Reinforcing this perspective, Dr. Thomas Boysen Anker emphasizes that without theory, generalizing and interpreting data or situations becomes particularly challenging. It is equally difficult to grasp the broader significance and implications of empirical findings without a coherent theoretical framework. A situation remains largely meaningless until it is examined through an appropriate conceptual lens[4]. Thus, theories provide precisely such lenses, clarifying our understanding of reality and revealing diverse perspectives through which phenomena can be analyzed.

Hence, theories constitute systematic explanations of natural or social behaviors, events, or phenomena. Bacharach (1989) formally defines a theory as "a system of constructs (concepts) and propositions (relationships among those constructs) that collectively offer a logical, systematic, and coherent explanation of a phenomenon of interest, given certain assumptions and boundary conditions."

It is important to emphasize that theories are neither ideologies nor beliefs; rather, they represent empirically validated frameworks of understanding. In other words, theories are not mere guesses or intuitive assumptions but constitute systematic and rigorous attempts to explain specific phenomena. Within scholarly disciplines, including the natural sciences and international relations, the term "theory" carries significant weight. As cell biologist Kenneth R. Miller succinctly stated, a theory "doesn't mean a hunch or a guess; it is a system of explanations that ties together a multitude of facts, explaining them and predicting outcomes that can be verified through further observations and experiments."[5]

---

[2] Kastanakis M.N. 2018. Why is Theory so Important. *Elsevier Journals.* March 20.

[3] Hanson J. 2015. Fact vs. Theory vs. Hypothesis vs. Law… explained. October,7. URL: https://magazine.scienceconnected.org/2015/10/theory-vs-hypothesis-vs-law-explained/ (accessed 23.06.2025)

[4] Anker T.B. 2018. Why is Theory so Important. *Elsevier Journals.* March 20.

[5] Zimmer C. 2016. In Science, It's Never Just a Theory. *The New York Times.* April 09. URL: https://www.nytimes.com/2016/04/09/science/in-science-its-never-just-a-theory.html (accessed 23.06.2025)

In the field of International Politics, theory does not simply require deliberate application because systematic analysis of practical experiences and policy decisions itself generates theory. International events and relations are often influenced by propaganda, strategic considerations, and competing interests. Thus, a country's intentions or actions considered benign today might be viewed as malign tomorrow. To achieve a comprehensive understanding of international affairs, scholars and policymakers need to interpret events through the lens of major IR theories. This eclectic approach involves integrating diverse theoretical perspectives, seeking "more usable and comprehensive forms of knowledge."[6]

Indeed, IR theories allow us to construct coherent interpretations of the complex global landscape. Familiarity with prominent theories provides policymakers with a nuanced picture of contemporary events in international politics and equips them to choose the most appropriate course of action. Policymakers do not use theory as a manual offering ready-made solutions; rather, theory offers a foundational understanding that enhances their capacity for effective decision-making. Academic scholarship, based on rigorous research, debates, and theoretical narratives, provides policymakers with critical analytical tools that guide them toward informed decisions.

The primary value of IR theories lies in their capacity to enhance our comprehension of global realities. When properly internalized, a robust theory aligns closely with what might be described as informed common sense. Thus, when policymakers apply practical reasoning in decision-making, theoretical assumptions and frameworks implicitly guide their actions. Recognizing this implicit yet fundamental influence of theory in policy formulation underscores the necessity of critically examining the theory-practice relationship, leading to a more profound exploration of this enduring debate within academic discourse.

Literature Insights on the Theory–Practice Divide

The relationship between International Relations (IR) theory and policy practice has long been a prominent topic in scholarly debates. Alexander George's seminal work, *Bridging the Gap: Theory and Practice in Foreign Policy* (George, 1993), lays foundational ground in this discourse, highlighting both challenges and opportunities involved in rendering academic research relevant and applicable for policymakers. George emphasizes the significance of analytical frameworks capable of informing real-world decision-making, while acknowledging institutional and epistemological barriers that frequently obstruct effective theory-policy translation. Similarly,

[6] Adiong N.M. 2011. Theoretical Eclectic Approach in the International Relations of the Middle East: An Introduction. URL: https://nassef.info/2011/01/10/theoretical-eclectic-approach-in-the-international-relations-of-the-middle-east-an-introduction/ (accessed 23.06.2025).

in the edited volume *Beyond the Ivory Tower,* Lepgold and Nincic (2001) argue explicitly that IR scholars bear responsibility for active engagement in policy discussions, maintaining that such engagement strengthens both scholarly rigor and practical relevance.

This concern over the limited policy influence of IR theory is echoed by Jentleson (2002) in *International Studies,* who underscores the need for "good judgment" in balancing rigorous academic standards with policy relevance. According to Jentleson, scholars should aspire to produce research that is methodologically robust while remaining accessible and actionable for policy practitioners. Walt (2005), writing in the *Annual Review of Political Science,* critically evaluates the frequent disconnect between political science—particularly IR theory—and policy formulation. He attributes this gap to factors such as excessive methodological sophistication, disciplinary insularity, and insufficient active engagement with practical policy debates.

Joseph Nye (2008), in his work published in *Political Psychology,* adopts a more optimistic perspective, suggesting that academic theories do indeed inform policy, albeit often indirectly and implicitly. According to Nye, policymakers regularly utilize academic research to frame policy issues, clarify causal linkages, and evaluate strategic options, even if explicit citations or direct references to scholarly works remain infrequent. Jahn (2018), writing in *International Studies Quarterly,* further supports this position by demonstrating how norms and theoretical paradigms consistently shape the discourse and practices of international relations, even when policymakers remain unaware of their theoretical origins or explicitly avoid referencing academic sources.

In recent years, significant empirical efforts have been undertaken to assess the practical impact of IR scholarship. Notably, the Teaching, Research, and International Policy (TRIP) project has conducted influential surveys on this subject. Maliniak, Peterson, and Tierney (2012), in their study, as well as in their comprehensive volume *Bridging the Theory-Practice Divide in International Relations* (Maliniak, Peterson & Tierney, 2015), examine perceptions among both IR scholars and policymakers regarding the practical utility of academic research. Their findings reveal a persistent gap in mutual understanding: scholars tend to underestimate policymakers' receptiveness to theoretical insights, while policymakers often perceive academic work as excessively abstract or insufficiently tailored to the practical demands of their profession.

Avey and Desch build upon this empirical investigation in their influential survey of U.S. national security decision-makers (Avey & Desch, 2014), published in *International Studies Quarterly.* Their findings suggest that while policymakers generally acknowledge the value of scholarly research, they typically prioritize its accessibility, clarity, and direct relevance to policy issues over methodological complexity or theoretical nuance. A subsequent study by Avey and colleagues (2022) provides further depth to these insights, demonstrating variations in policymakers' preferences across distinct policy domains such as national security, international trade, and development. Their work underscores the necessity of tailoring academic research outputs to meet the specific informational and analytical needs of various policy communities.

Addressing the theoretical critique within the discipline itself, the seminal article by Mearsheimer and Walt, "Leaving Theory Behind," published in *International Security* (Mearsheimer & Walt, 2013), provides an important intervention. The authors argue persuasively that International Relations scholarship has increasingly sidelined grand theory in favor of narrowly focused, data-driven studies. This shift, they contend, has weakened the explanatory power of the discipline and diminished its practical utility for policymakers. Mearsheimer and Walt advocate for renewed engagement with broader theoretical frameworks that directly address practical issues confronting policymakers and explain significant real-world phenomena.

The present article builds upon these theoretical and empirical foundations, contributing to the ongoing scholarly debate by offering a novel, empirically grounded analysis of the practical relevance of IR theories for policy practitioners. By including survey responses from diplomats representing five continents (excluding Australia and Antarctica), this research provides broader empirical evidence and nuanced insights. This global perspective not only enriches existing discussions but also highlights both the universal applicability and ongoing contestation regarding the relevance of IR theories in contemporary policy-making contexts. The specific details and findings from this field survey are presented in the following sections.

Analysis of Field Survey

In 2021, the author conducted a field survey aiming to capture diplomats' perceptions regarding the relevance of International Relations (IR) theories to policymaking and diplomatic practice. The survey, designed as an exploratory study, involved the distribution of 110 questionnaires to diplomats representing various countries. A total of 50 completed questionnaires were returned by diplomats from 32 countries[7]. Respondents were selected using a simple random sampling technique, ensuring representativeness and objectivity. The questionnaire comprised both closed-ended and open-ended questions to gather comprehensive and multidimensional insights into the diplomats' perspectives.

Of the 50 respondents, 10% were retired diplomats, while 90% were actively serving in diplomatic roles ranging from Ambassadors to Third Secretaries within their respective ministries of foreign affairs. At the time of the survey, most respondents were serving abroad in diplomatic missions, such as embassies, high commissions, and consulates. Gender distribution among respondents included 54% male and 46% female diplomats.

[7] Considering research ethics and the secrecy behind the working of the policy makers, the name of the countries are not being revealed.

The age composition of respondents was as follows: 10% were above 60 years old, 14% belonged to the 40–60 years age bracket, 70% were between 25 and 40 years old, and 6% were below 25 years. Regarding diplomatic experience, 12% of respondents had over 20 years of service, 26% possessed 10–20 years of diplomatic experience, 30% had between 3 and 10 years, and 32% had less than 3 years of professional experience in foreign service.

Educational qualifications varied among respondents: 4% held doctoral degrees (PhD), 52% possessed postgraduate degrees, and 44% held undergraduate degrees. Furthermore, in terms of academic backgrounds, 68% graduated in humanities and social sciences, 12% in sciences, 4% in commerce, and the remaining 16% held degrees in other unspecified fields.

The initial five questions on the survey included both closed-ended and open-ended items. Closed-ended questions utilized a Likert scale, asking respondents to indicate their level of agreement with specific statements by selecting from five options: "strongly agree," "agree," "neutral," "disagree," or "strongly disagree." Responses to these questions were subsequently analyzed in detail to provide insights into diplomats' attitudes toward the practical applicability and relevance of International Relations theories.

Question 1: Whether International Relations (IR) theories are relevant for policy making?

When respondents were asked whether International Relations (IR) theories are relevant for policymaking, a majority provided affirmative responses: 26% strongly agreed, and 56% agreed. Of the remaining respondents, 16% indicated neutrality, and only 2% disagreed. The mean score for responses was 4.06[8] on a five-point Likert scale, reflecting strong consensus among diplomats regarding the practical relevance of IR theories. Notably, the small percentage (2%) who disagreed consisted exclusively of respondents with less than three years of diplomatic experience.

In response to a subsequent open-ended question seeking clarification on the nature of IR theories' relevance, participants provided extensive feedback. The majority of respondents emphasized that IR theories serve as conceptual frameworks that enable policymakers to navigate the complexities of international politics, even when theories are not explicitly referenced in policy discourse. According to respondents, theories—combined with historical experiences—guide decision-making, offering policymakers a systematic approach that enhances analytical clarity and strategic decision-making capabilities. Some diplomats underscored that familiarity with IR theories grants them an advantage in event analysis and in providing informed

[8] In the 5 point Likert scale, the interpretation of mean scores of less than 2.33 are considered as low level, 2.33 to 3.67 are considered moderate level, and 3.68 and above are considered as high level (Landall 1997; Saari 2013; Alsari 2016; Nasidi et al. 2019).

recommendations to policymakers. They highlighted that IR theories are crucial for diagnosing international events, identifying underlying causes, and assessing policy impacts. Furthermore, theories facilitate the interpretation of past events, optimize current decision-making, and enable strategic foresight. According to Prof. Vijaylakshmi, theories offer policymakers working hypotheses, context, conditions, and simulations that enhance policy decisions.

Several respondents emphasized that IR theories typically arise from empirical observation and real-world evidence, reflecting diverse global perspectives and enabling analysts to apply abstract concepts concretely to real-life scenarios. One respondent noted, "It is always advantageous to possess multiple analytical frameworks when seeking to understand or explain complex issues; IR theories represent precisely such frameworks." Additional respondents pointed out that IR theories help policymakers comprehend fundamental features of international interactions, including asymmetries of knowledge, commitment problems, and collective action dilemmas, by establishing causal relationships among various elements of international politics. Moreover, respondents emphasized that IR theories foster a deeper understanding of historical processes that continue to shape contemporary international relations.

Question 2: Whether 'theories are just theories' and that they are not relevant in practice?

When respondents were asked to evaluate the statement "theories are just theories and not relevant in practice[9]," only a small minority agreed: 2% strongly agreed, and 4% agreed. In contrast, the majority of respondents disagreed with this assertion, with 56% disagreeing and an additional 26% strongly disagreeing. A smaller proportion (12%) chose a neutral stance. The mean response score was 2.0 on a five-point Likert scale, clearly indicating overall disagreement with the notion that theories are purely abstract and lack practical applicability. This reinforces the broader argument advanced by the respondents that the phrase "theories are just theories" constitutes a mischaracterization of their practical relevance.

When prompted to elaborate on their perspectives regarding the practical applicability of theories, respondents who supported the statement provided critical observations. Some argued that decisions in international politics are rarely influenced directly by theoretical frameworks; instead, they are shaped predominantly by situational contingencies, ministerial directives, personal intuitions, attitudes, and interests. One respondent remarked: "Political decision-making is largely intuitive, inductive, and interest-driven, and rarely informed explicitly by theories. Decisions emerge primarily from political orientations shaped by social circumstances or personal convictions, not academic theoretical constructs." Another respondent echoed this sentiment,

[9] Question number 2 and Question number 3, finds certain resemblance with the first question. This was done on purpose to get a more accurate depiction and elaborate comments on the questions posed.

stating that "IR theories might provide analytical frameworks in an academic setting, but I have not observed serving officials relying explicitly on theoretical literature when making policy decisions or offering advice." Reinforcing this point, another diplomat asserted, "We never reached for theoretical texts when confronted with practical issues."

Conversely, those respondents advocating the relevance of International Relations theories argued that theories provide essential analytical lenses for interpreting global events. As one respondent succinctly noted, "We can never dismiss theories as merely theoretical, as they enable us to interpret events systematically. Policymakers who leverage professional insights informed by theoretical frameworks and supported by empirical evidence are more likely to make precise and effective decisions." Another respondent emphasized that IR theories offer a foundation for understanding global phenomena by supplying verifiable explanations that can be empirically tested and validated. Finally, underscoring the inherent practical value of theory, one respondent concluded, "I do not believe that any aspect of human experience—especially theory-informed insight—can ever be irrelevant."

Question 3: Whether IR theories are only partially relevant for policy makers?

When asked whether International Relations (IR) theories are only partially relevant for policymakers, responses were varied: 8% strongly agreed, 28% agreed, 24% remained neutral, while 22% disagreed and 9% strongly disagreed. The mean response score on a five-point Likert scale was 2.86, indicating overall ambivalence among respondents regarding the claim that IR theories possess only partial relevance for policymaking.

When invited to elaborate on their responses, respondents provided nuanced reflections. Those supporting the partial relevance view noted that political scenarios are continuously evolving, becoming increasingly complex, and thus IR theories might not always offer comprehensive solutions or explanations. Some respondents emphasized that context significantly shapes theory applicability: certain situations align well with existing theoretical frameworks, while others—particularly crisis events—often defy neat theoretical categorization or have no clear precedent in established theory.

Moreover, one respondent argued that policymakers utilize IR theories primarily in a general and passive manner, suggesting that theories typically describe rather than predict policy decisions and outcomes. This perspective underscores the idea that theory serves predominantly as a descriptive and interpretive tool, rather than offering precise predictive capacity.

Question 4: Whether the dominant IR theories lack international applicability (or 'internationalness')?

Among the respondents, 4% strongly agreed and 12% agreed with the statement that dominant IR theories lack internationalness. Meanwhile, 34% remained neutral, 40% disagreed, and 10% strongly disagreed. The resulting mean score was 2.6 on a

five-point Likert scale, reflecting an overall perception among most respondents that dominant IR theories do maintain sufficient international applicability and inclusively cover global politics.

Respondents were also invited to elaborate on their positions regarding the perceived internationalness of dominant IR theories. Most argued that central elements of major IR theories, such as realism and liberalism, are consistently evident in the foreign policy behaviors of almost all states. Consequently, claims of inadequate international applicability are considered to underestimate the broad explanatory power of existing theoretical frameworks. Several respondents noted that while the changing dynamics of international politics might necessitate the adaptation and refinement of existing theories, there is currently no pressing need to develop entirely new theoretical paradigms.

In contrast, respondents who believed dominant IR theories do indeed lack international applicability argued primarily that existing IR theories remain heavily influenced by Western scholars and institutions. According to these critics, this "Western-centrism" results in a noticeable neglect of perspectives from countries of the Global South. One respondent emphasized, "Different countries and regions operate under distinct historical experiences, cultural contexts, governance structures, and developmental stages. Therefore, a genuinely comprehensive understanding of global politics must also incorporate perspectives from Third World countries." Another respondent similarly pointed out that dominant IR theories "were developed primarily through Western thinking, values, and interests," adding that countries in Asia, Africa, and Eastern Europe often find themselves "chasing a moving train," compelled to conform to theoretical frameworks shaped by fundamentally different historical experiences and assumptions.

Question 5: The relevance of a working knowledge of major IR theories for policymaking

When respondents were asked whether a working knowledge of the major International Relations (IR) theories helps policymakers in practical decision-making, the majority provided strongly affirmative responses: 38% strongly agreed, and 44% agreed. Among other respondents, 12% indicated a neutral stance, and only 6% disagreed with the proposition. The mean score was 4.14 on a five-point Likert scale, clearly reflecting that an overwhelming majority consider familiarity with major IR theories beneficial for policymakers.

When invited to elaborate on their positions, respondents emphasized that policymakers who lack knowledge of major IR theories are at a distinct disadvantage. Without theoretical awareness, a policymaker remains detached from ongoing scholarly debates, narratives, and counternarratives that shape contemporary international discussions. Such policymakers often lack the conceptual vocabulary and analytical tools necessary for engaging meaningfully with policy advisors, scholars, and think-tanks worldwide. As articulated by respondents, major IR theories provide essential

frameworks for unpacking complex international problems and placing policy solutions within the broader context of world order dynamics. In this sense, theory is viewed as foundational to practice.

According to one respondent, "Theory remains essential for diagnosing international events, explaining their underlying causes, prescribing appropriate responses, and evaluating the implications and effectiveness of policy measures." Further reinforcing this perspective, another respondent argued that theoretical knowledge "helps policymakers understand the rationale behind the policies they must professionally address," providing depth to the formulation of policy strategies. For instance, a thorough grounding in realism enables policymakers to appreciate the significance of nation-states and the principle of self-help in international affairs, whereas familiarity with liberalism and constructivism emphasizes the role and importance of international organizations and ideational factors. Policymakers should therefore cultivate comprehensive theoretical literacy, allowing them to apply appropriate theoretical frameworks in accordance with specific situational demands.

Several respondents highlighted that IR theories constitute foundational knowledge essential for adopting a comprehensive, global approach toward addressing emerging and ongoing international issues. Such theories aid policymakers in comprehending the logic underpinning government decisions and provide the analytical baseline from which global policies are formulated and implemented. Additionally, respondents stressed that IR theories enable policymakers to anticipate possible outcomes of international events, thereby enhancing preparedness for future scenarios.

As one respondent succinctly expressed, "The world order is inherently chaotic; to make sense of events, policymakers must repeatedly revisit foundational concepts. IR theories are instrumental in providing essential insight and perspective—helping us understand why nation-states act as they do." Another respondent similarly concluded, "Knowledge is a powerful asset. The more comprehensively one understands IR theories, ideally supported by empirical facts and real-world contexts, the better equipped one becomes in policy formulation and practical tasks related to foreign affairs."

Question 6: Respondents' Level of Knowledge and Understanding of Major IR Theories

The sixth question aimed to gauge the respondents' level of familiarity with and understanding of key International Relations (IR) theories. The theories assessed included Realism, Neo-Realism, Liberalism, Democratic Peace Theory, Neo-Liberalism, Game Theory, Marxist approaches (Dependency and World Systems Theory), Feminist Approaches to IR, Constructivism, Postmodernism, and Post-Colonialism. Participants were asked to rate their understanding using a five-point Likert scale, choosing among the following categories: "In-depth Knowledge," "Working Knowledge," "Heard of It," "Not Sure," and "No Clue." The detailed results are summarized in Table 1.

Table 1: Respondents level of knowledge or understanding of the major IR theories

Sl. No.	IR Theories	In-depth Knowledge	Working Knowledge	Heard of It	Not Sure	No Clue	Mean
1	Realism	34%	54%	10%	2%	0	4.2
2	Neo-Realism	28%	46%	18%	6%	2%	3.92
3	Liberalism	38%	54%	6%	0	2%	4.26
4	Democratic Peace Theory	24%	34%	26%	10%	6%	3.6
5	Neo-Liberalism	34%	46%	16%	2%	2%	4.08
6	Game Theory	18%	36%	32%	4%	10%	3.48
7	Marxist theories (Dependency and World System Theory)	34%	44%	18%	2%	2%	4.06
8	Feminist Approaches to International Relations	18%	50%	28%	2%	2%	3.8
9	Constructivism	22%	34%	32%	4%	8%	3.58
10	Post-Modernism	22%	34%	34%	6%	4%	3.64
11	Post-Colonialism	30%	42%	24%	2%	2%	3.96

Source: Field Survey (2020–2021)

Table 1 illustrates the respondents' self-assessed knowledge and understanding of the specified IR theories. According to the survey results, the respondents demonstrated the strongest familiarity and understanding with classical Realism, Liberalism, Neo-Liberalism, and Marxist perspectives (Dependency and World Systems Theory). The next highest level of familiarity was noted for Post-Colonialism and Neo-Realism.

The respondents displayed moderate levels of understanding regarding Democratic Peace Theory and Postmodernism. In contrast, the respondents' familiarity with Constructivism and Game Theory appeared relatively lower in comparison to the aforementioned theories. Overall, these findings indicate varying levels of theoretical familiarity among diplomatic practitioners, with clear distinctions in respondents' perceived strengths and weaknesses across different theoretical traditions.

Question 7: IR Theories Deemed Relevant for Policymakers

When respondents were asked to subjectively list the International Relations (IR) theories they considered most relevant for policymakers, 34 respondents directly identified specific theories. Realism emerged as the most frequently cited, identified by 89.47% of respondents. Liberalism and Constructivism followed, each named by 52.63% of respondents. Marxist theories (Dependency and World Systems Theory) were highlighted by 44.73%. Further, Neo-Liberalism and Post-Colonialism were mentioned by 36.84% of the respondents, while Postmodernism was indicated by 31.57%. Game Theory and Feminist approaches to IR each were cited by 28.94% of respondents. Neo-Realism was selected by 26.31%, and Democratic Peace Theory was mentioned least frequently, by 18.42%.

Additionally, several respondents provided nuanced perspectives on the applicability of IR theories in policymaking. One senior retired ambassador emphasized the significance of historical experience and contemporary global issues over theoretical constructs, stating, "More than theories, practitioners like me are mindful of past historical events, alliance systems that led to World Wars, post-colonial and neo-imperial tendencies among global powers, new geopolitical rivalries such as the 'Great Games' in the Middle East, and contemporary challenges including racism, ultra-nationalism, and xenophobia."

Another respondent highlighted the contextual nature of theory applicability, noting: "It greatly depends on the region or country in question. In regions marked by strained interstate relations, realist approaches often dominate policy frameworks, whereas in more cooperative environments like the European Union, there is greater receptivity to modern and liberal IR theories. Thus, the effectiveness of particular theories may vary significantly by context."

Other respondents emphasized the general relevance of IR theories for practical policy-making. One respondent stated, "While states utilize a combination of theories in their decision-making, policymakers in the twenty-first century require an in-depth understanding of Realism, Neo-Liberalism, Marxist theories, and Game Theory." Another respondent suggested that "all the mentioned theories have practical relevance, as each provides policymakers with unique analytical tools and theoretical perspectives." Furthermore, a respondent noted, "IR theories generally assist in understanding, predicting, and evaluating international events, but Realism and Neo-realism remain most directly relevant for policymakers."

Some respondents, however, pointed out the need to consider regional cultural, religious, and political systems, arguing that certain theories, such as Feminist IR approaches, may not be universally applied or studied due to specific cultural or regional contexts.

Finally, a subset of respondents stressed the importance of additional theoretical frameworks in policymaking, including Decision-Making Theory, theories of Foreign Policy Analysis, Power Transition Theory, trade and dispute settlement theories, as well as cultural, social, democratic, and incrementalist theories.

Question 8: Respondents suggestions to IR scholars and theorists

Respondents were asked to provide recommendations to scholars and theorists within the discipline of International Relations (IR) regarding the applicability and relevance of IR theories to policymaking.

Most respondents advocated greater engagement between academics and policymakers to facilitate reciprocal exchange. Such cooperation, they argued, would allow existing IR theories to be rigorously tested in practice, thereby enabling policymakers to benefit more directly from scholarly research. Simultaneously, stronger collaboration would ensure that IR scholars gain a deeper and more realistic understanding of the practical complexities involved in policy decisions—including unexpected "black

swan" events, geopolitical disparities, economic dynamics, negotiation strategies, and the compromises necessary in real-world diplomacy. According to respondents, such a two-way dialogue would help IR scholars appreciate why states behave as they do and realize the inherent asymmetries that shape international politics. Respondents also emphasized that closer interaction with practitioners could significantly reduce the gap between theory and practice, ensuring that theoretical formulations remain grounded in empirical realities, since, as one respondent put it, "only real-world events can truly validate theoretical assumptions."

Another frequent recommendation highlighted the importance of simplifying and clearly communicating IR theories to policymakers. Respondents noted that diplomatic personnel often originate from diverse academic backgrounds, including natural sciences and engineering, thus making overly complex theoretical articulations difficult to comprehend. Several respondents expressed concern that IR scholars tend to prioritize theoretical sophistication over practical applicability, creating overly abstract constructs that can seem disconnected from the practical needs of policy practitioners. One respondent vividly compared this issue to "a chef who, originally tasked with cooking for people, has become so engrossed in creating dazzling but ultimately inedible dishes, losing sight of the essential purpose of their work." This perspective aligns closely with C. Wright Mills' critique of "Grand Theory," in which theoretical abstraction supersedes practical understanding of social realities (Mills, 1959).

Furthermore, some respondents criticized the tendency of IR scholars to emphasize a particular theoretical perspective aligned with their personal specialization, often overlooking alternative theories. Such an approach, respondents argued, can result in narrow judgment and limited analytical capacity. Instead, respondents advocated a balanced and comprehensive approach, considering multiple theoretical perspectives simultaneously. One diplomat specifically stated, "Actual policymaking involves a complex combination of different theoretical perspectives; therefore, developing hybrid theoretical frameworks can provide more effective analytical tools." Another respondent recommended further scholarship on the intersections of psychology and international relations, highlighting this area as potentially enhancing the practical applicability of IR theories.

Additionally, respondents emphasized the importance of intellectual neutrality among IR scholars to ensure that theoretical work remains relevant and appealing to policymakers. Ideologically-driven theories, according to respondents, are often limited in their practical utility.

Finally, most respondents expressed appreciation for IR scholars, emphasizing that continued rigorous research and scholarship remain vital for informed policymaking. As summarized by one respondent, "IR scholars should remain committed to their areas of interest and continue their research and analyses, as the practical world of policymakers greatly depends upon their work, which indeed holds significant value."

Key Findings

The survey has yielded several significant findings. Primarily, respondents strongly affirmed the relevance of International Relations (IR) theories for policymakers. According to respondents, IR theories are essential analytical tools for diagnosing international events, elucidating underlying causes, and assessing the impacts of policy decisions. They enable policymakers to effectively analyze historical precedents, respond optimally to current events, and prepare strategically for future challenges, thereby simplifying complex global dynamics into comprehensible frameworks.

Importantly, the survey findings strongly contest the notion that theories are merely theoretical or abstract constructs. Instead, IR theories provide policymakers with explanatory frameworks and empirically verifiable propositions that enhance understanding and inform decision-making processes. In the words of one respondent, "human experience can never be irrelevant," underscoring that theories, rooted in practical experience, retain meaningful practical applicability.

Respondents expressed skepticism regarding the proposition that IR theories are only partially relevant to policy practitioners. According to the participants, theories are not consulted merely to obtain ready-made solutions; rather, their primary value lies in offering a comprehensive understanding of international affairs, which helps policymakers approach distinct situations thoughtfully and strategically.

The survey also revealed that respondents broadly viewed dominant IR theories as inherently international in scope. While acknowledging the global applicability of these theories, several respondents emphasized the necessity of incorporating perspectives from the Global South to achieve a truly comprehensive understanding of international politics.

Another central finding was that a working knowledge of major IR theories significantly aids policy formulation. Respondents argued that policymakers lacking theoretical grounding risk becoming detached from critical academic debates, historical narratives, and contemporary counter-narratives, thereby reducing their effectiveness in meaningful policy discussions with academics, policy advisors, and global think tanks.

Diplomats participating in the survey demonstrated substantial familiarity with major IR theories, notably Realism, Liberalism, Neo-Liberalism, and Marxist approaches (Dependency and World Systems Theory). Among these, Realism was identified as the most practically relevant IR theory, closely followed by Liberalism and Constructivism.

Respondents offered several key recommendations for enhancing the practical relevance of IR theories to policymaking:

- Encouraging more frequent and productive engagement between academics and policymakers, allowing for empirical testing of existing theories and enabling policymakers to gain practical insights.

- Simplifying theoretical concepts and improving their clarity, making them accessible to policymakers who often come from diverse educational and professional backgrounds.
- Exploring hybrid theoretical approaches, recognizing that policymaking often integrates insights from multiple theoretical frameworks simultaneously.
- Promoting intellectual and ideological neutrality among IR scholars to enhance the acceptability and applicability of IR theories in policy contexts, as ideologically driven theories can become limited or problematic from the perspective of practitioners.

In summary, the survey findings highlight the importance of ongoing dialogue between academics and policy practitioners. It is essential, especially for policymakers and students of international relations, to engage actively with academic discourses on IR theories and their practical relevance. In the following section, the article will delve deeper into major IR theories, providing illustrative examples of their real-world applicability to events and phenomena in international politics.

* * *

Several scholarly articles suggest a more nuanced and critical view regarding the practical relevance of International Relations (IR) theories for policymakers. There is broad acknowledgment of inherent complexities, primarily arising from the differing professional incentives, operational environments, time constraints, and ways in which scholars and policymakers frame questions and seek answers. As Lepgold (1998) points out, the academic and policy-making communities typically differ in their approaches, interests, and the type of knowledge they pursue. Despite these inherent challenges, this article underscores that a thorough understanding of major IR theories remains instrumental in enabling policymakers to formulate robust, well-informed foreign policy decisions by providing systematic analytical frameworks and guidance for critical thinking.

However, certain limitations remain notable. First, a significant issue stems from the nature and training of policymakers themselves. IR theories typically do not account for individual factors such as incompetence or personal ego, which inevitably influence decision-making. Additionally, within systems where recruitment for diplomatic and civil service positions is based primarily on general rather than specialized criteria, many diplomats enter service with limited or no knowledge of IR theories, directly impacting their policy formulation capabilities. A striking example emerged from this study's fieldwork, wherein one senior retired diplomat, when approached to participate in the survey, responded that IR theory was outside their area of expertise. Furthermore, nepotism, corruption, and internal bureaucratic dynamics within certain Foreign Service structures further limit professional specialization, rendering decision-making processes less predictable and rational. Dominant IR theories generally do not engage explicitly with these practical deficiencies within diplomatic systems,

complicating the prediction of rational behavior in international relations. This partly explains historical instances of poor decision-making that have negatively impacted diplomatic relationships for generations.

Second, the intentional manipulation of variables by policymakers within the international system creates significant challenges for micro-level analyses conducted by IR theorists. Such manipulations can undermine foundational assumptions of prominent IR theories. While policymakers often manipulate diplomatic circumstances strategically, theoretical frameworks frequently remain silent on such intentional maneuvering, preferring instead broader explanatory models that overlook detailed bargaining processes. Policymakers frequently argue that most scholars lack direct access to behind-the-scenes diplomatic negotiations, resulting in analyses or theoretical formulations that policymakers deem incomplete or insufficiently practical. Nonetheless, certain scholars, though relatively few in number, do gain direct governmental exposure, enabling more nuanced insights into the complexities of policy formation.

Third, unresolved theoretical disputes among academics further complicate the use of IR scholarship by policymakers. The existence of multiple competing theoretical perspectives, as well as ongoing academic debates about how to understand the international system, exemplifies these divergences. However, viewed constructively, such scholarly pluralism actually enriches our comprehensive understanding of international politics by offering multiple lenses through which to interpret complex phenomena.

Considering these limitations, Alexander George's assessment is particularly relevant: " scholars may not be in a good position to advise policymakers how best to deal with a specific instance of a general problem that requires urgent and timely action", but "they can often provide a useful, broader discussion of how to think about and understand that general problem …" (George 1993: xix, xxiv; Nye 2008). Following this logic, it can be convincingly argued that an eclectic understanding of major IR theories significantly enhances the analytical capabilities of policymakers and all those involved in the study or practice of international relations. Ultimately, the findings from this field survey offer important clarification regarding misconceptions about IR theories, particularly from the perspective of those most directly engaged in policymaking and diplomatic practice.

About the author:

Amit Kumar Gupta – PhD, Associate Professor, Department of Political Science, Guru Ghasidas Vishwavidyalaya. Koni, Bilaspur-495009, Chhattisgarh, India. E-mail: akgupta.ggv@gmail.com

Conflict of interest:
The author declares the absence of conflict of interests.

УДК: 327:001.891
Поступила в редакцию: 21.09.2024
Принята к печати: 12.03.2025

Преодоление разрыва между теорией и дипломатической практикой: опрос дипломатов о значимости теорий международных отношений

А.К. Гупта
DOI 10.24833/2071-8160-2025-3-102-7-26

Гуру Гасидас Вишвавидьялая

В международной политике продолжаются дебаты об актуальности теорий международных отношений для политиков и лиц, принимающих внешнеполитические решения. В этой связи существует распространённое представление о том, что теория – это «просто теория», и она абсолютно не применима в реальной политике. Размышляя над этим заблуждением и исходя из потенциально высокой практической значимости теорий, автор предпринимает попытку найти ответ на вопрос, имеют ли теории международных отношений какое-либо реальное практическое значение для политиков, и в чём оно может заключаться. Для достижения этой задачи было организовано анкетирование, в ходе которого были опрошены 50 дипломатов, как действующих, так и в отставке, из 32 стран с пяти разных континентов. На основе полученных ответов автором были сделаны выводы относительно применимости теорий международных отношений в дипломатической деятельности. Выводы сделаны на основе сопоставления аргументов относительно как применимости теорий международных отношений к современным реалиям, так и их ограничений. В исследовании подчёркивается, что теории международных отношений остаются актуальными для большинства политиков, которые в большинстве своём рассматривают теории в качестве важного инструмента для анализа событий, объяснения их причин, оценки их взаимовлияния и прогнозирования. Проведённый опрос показал, что большинство дипломатов признаёт значимость теорий МО как важного аналитического инструмента, способного объяснять причины и последствия международных событий, оценивать внешнеполитические решения и прогнозировать развитие международной обстановки. По мнению дипломатов, доминирующие теории МО в достаточной мере охватывают различные аспекты мировой политики и являются универсальными в глобальном контексте. Тем не менее, подчёркивается необходимость более активного включения в теоретические дискуссии незападных подходов и концепций.

Респонденты рекомендуют усилить взаимодействие между академическим сообществом и практикующими дипломатами. Они считают необходимым упрощать и адаптировать теоретический аппарат МО, чтобы сделать его более доступным и понятным для дипломатов, имеющих разное образование и профессиональный опыт. Отдельно указывается на важность интеллектуальной и идеологической нейтральности авторов теоретических исследований для повышения их практической востребованности.

Таким образом, проведённое исследование демонстрирует, что утверждение о том, будто «теории — это всего лишь теории», не соответствует действительности. Теории международных отношений обладают несомненной практической ценностью для

дипломатической работы, предоставляя дипломатам проверенные и практически применимые знания, необходимые для глубокого понимания международной политики и принятия эффективных внешнеполитических решений.

Ключевые слова: теории международных отношений, политика, эклектичный подход, дипломатия, мировая политика, теория и практика

Об авторе:

Амит Кумар Гупта – доктор философии, доцент кафедры политологии, Гуру Гасидас Вишвавидьялая. Кони, Биласпур-495009, Чхаттисгарх, Индия.
E-mail: akgupta.ggv@gmail.com

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

References:

Alsari I.G.A. 2016. The Impact of Satellite Programs on Forming the Religious Awareness among Individuals with Motor and Visual Disabilities in Jordan. *International Journal of Humanities and Social Science.* 6(11). P. 90–98.

Avey P.C. & Desch M.C. 2014. What Do Policymakers Want from Us? Results of a Survey of Current and Former Senior National Security Decision Makers. *International Studies Quarterly.* 58(2). P. 227–246. DOI: 10.1111/isqu.12111

Avey P.C., Desch M.C., Parajon E., Peterson S., Powers R. & Tierney M.J. 2021. Does Social Science Inform Foreign Policy? Evidence from a Survey of US National Security, Trade, and Development Officials. *International Studies Quarterly.* 66(1).

Bacharach S.B. 1989. Organizational Theories: Some Criteria for Evaluation. *Academy of Management Review.* 14(4). P. 496–515.

Barnett M. 2011. Social Constructivism. J. Baylis, S. Smith and P. Owens (eds.). *The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations.* Oxford University Press.

Basu R. 2012. Realism. In Basu, Rumki (ed.). *International Politics: Concepts, Theories and Issues.* New Delhi: Sage Publications.

Baylis J., Smith S., Owens P. 2011. *The Globalization of World Politics.* Oxford University Press.

Chin C. 1998. *In Service and Servitude: Foreign Female Domestic Workers and the Malaysian 'Modernity Project'.* Columbia University Press.

Devetak R. 2005. Critical Theory. S. Burchill, A. Linklater, D. Devetak, , M. Paterson, C. Reus-Smit, and J. True. *Theories of International Relations.* Palgrave Macmillan.

Dunne T. & Schmidt B.C. 2011. Realism. J. Baylis, S. Smith and P. Owens (eds.). *The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations.* Oxford University Press.

George A.L. 1993. *Bridging the Gap: Theory and Practice in Foreign Policy.* Washington: United States Institute of Peace Press.

Heywood A. 2011. *Global Politics.* Palgrave Macmillan.

Jahn B. 2018. Theorizing the Political Relevance of International Relations Theory. *International Studies Quarterly.* 62(1). P. 172–183.

Jentleson B.W. 2002. The Need for Praxis: Bringing Policy Relevance back in. *International Studies Review.* 4(1). P. 157–163.

Keohane R.O. & Nye J.S.Jr. 2008. Power and Interdependence. *Survival: Global Politics and Strategy.* 15(4). P. 158–165.

Kumar M. 1967. *Theoretical Aspects of International Politics.* Agra: Shiva Lal Agarwala & Company.

Lamy S.L. 2011. Neo-Realism and Neo-Liberalism. J. Baylis, S. Smith and P. Owens (eds.). *The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations.* Oxford University Press.

Landell K. 1997. *Management by Menu.* London: Wiley and Sons Inc.

Lepgold J. & Nincic M. (eds.). 2001. *Beyond the Ivory Tower.* International Relations Theory and the Issue of Policy Relevance. Columbia University Press.

Lepgold J. 1998. Is Anyone Listening? International Relations Theory and the Problem of Policy Relevance. *Political Science Quarterly.* 113(1). P. 43–62.

Maliniak D., Peterson S. & Tierney M.J. 2015. *Bridging the Theory-Practice Divide in International Relations.* Georgetown University Press.

Mearsheimer J.J. & Walt S.M. 2013. Leaving Theory behind: Why Simplistic Hypothesis Testing is Bad for International Relations. *European Journal of International Relations.* 19(3). P. 427–457. DOI: 10.1177/1354066113494320

Mills C.W. 1959. *The Sociological Imagination.* Oxford: Oxford University Press.

Mingst K. 2004. *Essentials of International Relations.* New York: W.W. Norton.

Nasidi Y., Makera A.U., Kamaruddeen A.M. & Jemaku I.M. 2019. Assessing the Impact of Work Environment on Employee Engagement among Non-Academic Staffs of the University. *SEISENSE Journal of Management.* 2(1). P. 57–68.

Nye J.S.Jr. 2008. Bridging the Gap between Theory and Policy. *Political Psychology.* 29(4). P. 593–603.

Saari H.A. & Rashid A.M. 2013. Competency Level of Employability Skills among the Apprentices of the National Dual Training System: A Comparative Analysis of Industry Perception by Company Status. *International Journal of Education and Research.* 1(11). P. 1–12.

Sheehan M. 2008. The Changing Character of War. J. Baylis, S. Smith and P. Owens (eds.). *The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations.* Oxford University Press.

Smith S. & Owens P. 2008. Alternative Approaches to International Theory. J. Baylis, S. Smith and P. Owens (eds.). *The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations.* Oxford University Press.

Smith S., Baylis J. & Owens P. 2008. Introduction. J. Baylis, S. Smith and P. Owens (eds.). *The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations.* Oxford University Press.

Sylvester C. 2011. J. Baylis, S. Smith and P. Owens (eds.). *The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations.* Oxford University Press.

Tickner J.N. 1992. *Gender in International Relations: Feminist Perspectives on Achieving Global Security.* New York: Colombia University Press.

Walt S.M. 2005. The Relationship between Theory and Policy in International Relations. *Annual Review of Political Science.* №8. P. 23–48. DOI: 10.1146/annurev.polisci.7.012003.104904

Whitworth S. 1998. Gender, Race and the Politics of Peacekeeping. *A Future for Peace Keeping,* Edward Moxon-Browne (ed.). Springer. P. 176–191.

Вестник МГИМО-Университета. 2025. 18(3). С. 27–50
DOI 10.24833/2071-8160-2025-3-102-27-50

Check for updates

Взаимодействие политических элит Великого княжества Литовского и Королевства Польского в контексте формирования Вестфальской системы международных отношений

Л.И. Ивонина

Смоленский государственный университет

В статье исследуется взаимодействие политических элит Великого княжества Литовского (ВКЛ) и Королевства Польского в контексте формирования Вестфальской системы международных отношений в XVII веке. На основе системного подхода, концепции композитарного государства и теории конфессионализации анализируется влияние международной среды на политическую динамику между литовской и польской элитами.

С момента подписания Люблинской унии 1569 г. элиты ВКЛ стремились закрепить равноправие с польской стороной и последовательно защищали свои интересы во всех политических вопросах, включая внешнюю политику. Особенно интенсивным это взаимодействие стало в XVII веке, что во многом было связано с масштабными политическими и конфессиональными изменениями в Европе, достигшими кульминации в период Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.) и получившими юридическое оформление в Вестфальском мире 1648 года.

Исследование показывает, что, несмотря на периодически возникавшие разногласия между элитами Польши и ВКЛ, они не рассматривали друг друга как противников. Напротив, их объединяло конституционное устройство, формировавшаяся вследствие полонизации общая культурная идентичность и необходимость поддержания авторитета Речи Посполитой в новой Вестфальской системе европейских государств.

Автор приходит к выводу, что формирование Вестфальской системы международных отношений оказало заметное влияние на взаимодействие элит Великого княжества Литовского и Королевства Польского. Международная среда этого периода способствовала скорее интеграции, нежели дезинтеграции обоих составных частей Речи Посполитой. Несмотря на частые изменения конфессионально-политических союзов и внутренние разногласия, общие внешнеполитические вызовы, связанные с окружением Польско-Литовского государства сильными конкурентами, такими как Московское государство и Швеция, вынуждали элиты обеих частей

УДК 327:323.17(438+474.5)"17"
Поступила в редакцию: 04.04.2025
Принята к публикации: 02.06.2025

стремиться к согласованию интересов и укреплению единства. Таким образом, международные процессы середины XVII века выступали в качестве важного внешнего фактора, определявшего характер политического взаимодействия польской и литовской элит и способствовавшего усилению внутренней консолидации Речи Посполитой в новых реалиях Вестфальского порядка.

Ключевые слова: Речь Посполитая; Великое княжество Литовское; Королевство Польское; сейм; сенат; выборы; прерогативы

С XVI в. в Европе, во многом в ответ на усилившуюся динамику международной жизни, происходили процессы формирования системы государств и отдельных подсистем. Классическим примером подсистемы считается Священная Римская империя (в историографии её ещё называют имперской системой) (Ingrao 1994; Malettke 2012), которая, будучи федерацией имперских княжеств и городов различного статуса, заключивших с императором договоры, не являлась государством в полном смысле этого слова (Ивонина 2024: 13). Вместе с тем, на континенте возникали композитарные государства, которые развивались в условиях конкуренции тенденций универсализма и партикуляризма, обозначавших их внешние очертания и внутренние структуры – и такие государства тоже можно рассматривать как подсистемы.

Сегодня концепция композитарной монархии служит для анализа крупных и многокомпонентных государственных образований, равным образом, как и этнокультурных и этнополитических процессов в них. С точки зрения теоретиков данной концепции Х. Кенигсбергера и Дж. Эллиотта, большинство государств раннего Нового времени и в территориальном, и в административном отношении структурно представляли собой сложные объединения, состоявшие из автономных (среди них могли быть автономии с высоким уровнем административной субъектности, или бывшие самостоятельные государства, оказавшиеся в союзе) или полуавтономных территориальных единиц – композитов. Процесс взаимодействия композитов рассматривается исследователями преимущественно в формально-правовом ключе (Koenigsberger 1969; Koenigsberger 2007; Elliott 1992: 48-71; Elliott 2006: Augustyniak 2008; Frost 2015: Wilson 2020). Между тем, огромную роль в этом процессе играл международный фактор, определяя течение интеграции и дезинтеграции композитарного государства.

Одна из самых крупных композитарных держав Европы своего времени – Польско-Литовское государство, или Речь Посполитая, возникла после подписания 28 июня 1569 г. в Люблине унии между Польским королевством и Великим княжеством Литовским (далее – ВКЛ). С образованием этого композитарного государства политическая элита ВКЛ позиционировала себя равноправной польской элите и активно защищала свои прерогативы, хотя по условиям Люблинской унии литовские границы были существенно сокращены.

Уния последовала за реформами, с помощью которых Сигизмунд II Август (великий князь литовский с 1529 г. и король польский с 1530 г.) преобразовал государство по образцу Королевства Польского. Эффективности реформ способствовал процесс полонизации элиты ВКЛ с начала XVI в. К середине столетия литовская шляхта уже свободно говорила на польском языке, а в XVII в. активно шла полонизация простонародья.

Происходившие трансформации усложняли определение этнической идентичности населения Литвы, тем более что в этом государстве уже существовала традиция культурной ассимиляции. Ещё в XIII–XIV вв. Литва поглотила огромные территории Руси, превратившись с языковой и этнической точки зрения в Литовско-Русское государство (Дворниченко 1993; Петкевич 2005: 78-93). Примечательно, что Статут ВКЛ 1588 г. был издан на западнорусском (старобелорусском) языке – это подчёркивало независимость княжества. В Статуте закреплялся суверенитет ВКЛ, провозглашалась программа восстановления прежних границ, и фиксировалось положение, что только местные жители (не «чужеземцы» или «соседи») могут получать земельные владения и занимать церковные и государственные посты[1].

В Польско-Литовском государстве литовская элита добивалась равных прав с польской, прежде всего, на государственном и международном уровнях. В XVII в. её активность возросла, что во многом было связано с политическими и конфессиональными изменениями в Европе.

В современной польской и литовской историографии немало исследований посвящено взаимоотношениям ВКЛ и Польской короны, а также работ, анализирующих конкретные события, во время которых сталкивались их интересы. Польские исследователи подчёркивают выгоду от Люблинской унии как для Королевства, так и для Литвы, нередко обращая внимание на сепаратизм литовской стороны и её пренебрежение общими интересами, а литовские – на попытках спасти самостоятельность ВКЛ (Wisner 1991; Opaliński 2001; Rachuba 2002; Lulewicz 2002; Sawicki 2010; Ziober 2019; Kempa 2016; Sliesoriunas 2020). При этом в польской историографии первой половины прошлого столетия высказывалось мнение, что в результате Люблинской унии литовские магнаты и шляхта, ничего не утратив, получили помощь против Москвы, и что литовская цивилизация была «незрелой» (Łowmiański 1934: 110, 112). В свою очередь литовские историки, начиная с изданной на польском языке многотомной «Истории литовского народа» Т. Нарбута (Narbutt 1835-1841), утверждают, что от унии Литвы и Польши получила выгоду лишь польская сторона. Данная позиция присуща не только литовской историографии периода национального возрождения и независимой Литвы (1919-1940), но и ряду современных работ. Порой

[1] См.: 1811. *Статут Великаго Княжества Литовского с подведением в надлежащих местах ссылки на конституции, приличные содержанию онаго.* СПб. Ч. 1. XXII.

исследователи из Литвы даже используют термин «Люблинская трагедия», а для поляков уже с Кревской унии 1385 г. начинается державный период их истории (Петкевич 2005).

Противоречия между литовской и польской элитами рассматриваемого периода затронуты в трудах белорусских исследователей истории Великого княжества Литовского (Снапкоўскі 1995; Тихомиров 1998; Краўцэвич 1998, 2000). В солидных отечественных трудах, посвящённых русско-польским отношениям, чётко отражены разногласия между элитами ВКЛ и Королевства Польского (Кочегаров 2008; Флоря 2015), а Л.В. Заборовский обратил внимание на сепаратизм литовской элиты во время Северной войны 1655-1660 гг. (Заборовский 1981: 154-155). Вместе с тем, в общих работах по истории Литвы и появившемся сравнительно недавно учебном пособии по государству и праву ВКЛ (Чибинев, Голованов, Макаров 2008; Беляев 2022) польско-литовские противоречия не охарактеризованы. Кроме того, конкретный вопрос о воздействии на них внешнего фактора специально не освещён.

Отсюда цель настоящей статьи – проанализировать роль международного фактора в отношениях между элитами Великого княжества Литовского и Королевства Польского в XVII в. на фоне взаимодействия государств в рамках европейской системы и польско-литовской подсистемы. Исследование опирается на системный подход, рассматривающий Речь Посполитую и в качестве политической множественности, совокупности вступающих во взаимодействие друг с другом композитов, и как элемент европейской системы. Помимо этого, использованы упомянутая выше концепция композитарной монархии и теория конфессионализации, согласно которой во второй половине XVI – первой половине XVII вв. отличительной чертой жизни европейского общества было принуждение к религиозному единообразию и формирование религиозно-политических союзов (Schilling 2007: 7-8).

Факторы системного воздействия

Значительное влияние на взаимоотношения ВКЛ и Королевства Польского оказала Тридцатилетняя война (1618-1648), частью которой была Смоленская война (1632-1634). В определённой степени эти вооружённые противостояния были связаны с глобальным похолоданием XVII в. («Малым ледниковым столетием»), ставшим катализатором войн и политических потрясений почти во всех регионах мира. Совокупности этих дестабилизировавших государства событий американский историк Дж. Паркер дал название Глобального кризиса (Parker 2013: XVII, 82). На этом фоне кризис лояльности по отношению к власти, разразившийся в Речи Посполитой в середине XVII в., был характерным явлением для всей Европы.

Другой отличительной чертой политического развития европейских государств в XVII в. стал процесс централизации, в результате которого в абсолютных монархиях власть оказалась в руках монархов и их министров, а в государствах, ставших на путь буржуазно-правового развития, – в руках представительских структур. В Речи Посполитой ни королю, ни представительским структурам не удалось монополизировать власть из-за целого ряда причин, среди которых можно выделить право liberum veto и сложносоставной в этническом, территориальном, политическом и конфессиональном отношениях характер государства.

Становление новых моделей политической жизни Европы заставляло государства активно конкурировать друг с другом и приспосабливаться к переменам, вследствие чего правители средних и малых государств стремились получить корону, тем самым повышая свой статус в новом мире «дворов и альянсов». В рамках системы обретение короны предоставляло возможность эффективнее защищать за столом переговоров государственные интересы. Это явление, ранее уже ранее отмеченное нами, получило в литературе название «монархизация» (лат. регализация) (Duchhardt 2003: 38; Schnettger 2008: 605-609; Ивонина 2012: 104-118).

В композитарных государственных образованиях со сложной политической, религиозной и этнической структурой свои особенности имела и конфессионализация. Варшавская конфедерация 1573 г. разрешала исповедовать свою религию более или менее свободно основным христианским конфессиям в Речи Посполитой: католикам, кальвинистам, лютеранам и православным[2]. Но к середине XVII в. Польско-Литовское государство стало существенно ограничивать религиозную терпимость путём дискриминационного законодательства. В 1658 г. сейм обвинил протестантов в поддержке шведов и изгнал из страны «польских братьев»[3], отстаивавших идеи рационализма и религиозной терпимости и оказавших влияние на правовую мысль в Европе и Северной Америке (Quatrini 2023: 124-165).

Ещё совсем недавно польские (и не только (Quatrini 2023: 124)) исследователи не сомневались в том, что Варшавская конфедерация стала важной вехой на пути к религиозной свободе и к взаимопониманию между христианскими конфессиями (Ptaszynski 2024: 215). Классическая телеологическая история религиозной терпимости и толерантности постулирует переход от нетерпимо-

---

[2] J. Ohryzki (Nakł.). 1859. *Volumina Legum. Prawa, konstytucje i przywileje Królestwa Polskiego, Wielkiego Księstwa Litewskiego i wszystkich prowincji należących na walnych sejmach uchwalonych*. T. 2. St. Petersburg. S. 861-867.

3 Церковь, возникшая в результате раскола среди сторонников кальвинизма в 1562–1565 гг. под влиянием итальянских антитринитариев - сторонников течения в христианстве, основанного на вере в Единого Бога и отвергающих концепцию «триединства Бога» (Троицу). К ней присоединилась значительная часть интеллектуальной элиты польских протестантов.

го прошлого (особенно в период между Реформацией XVI в. и Вестфальским миром 1648 г.) к религиозному плюрализму конца XVII – XVIII вв. (Quatrini 2023). В её рамках случай Речи Посполитой можно считать одним из исключений (к ним также можно отнести отмену Нантского эдикта во Франции в 1685 г. и карательные законы против католиков в Англии и Ирландии). Однако, как отмечается в свежих работах, «минималистская» Варшавская конфедерация не легализовала деятельность протестантских церквей, не определила сферы религиозной свободы и не привела к всеобщей свободе совести. Она лишь гарантировала свободу от преследований за веру и тем самым стабилизировала религиозные отношения (Ptaszynski 2024: 218). Вместе с тем, положения Конфедерации обходили – например, около 1600 г. в Великом княжестве Литовском действовало 260 евангелических церквей (Kotljarchuk 2006: 47). Конфессиональная ситуация в Речи Посполитой существенно влияла на взаимодействие композитов федерации.

Элита ВКЛ во время выборов королей

В контексте поставленной нами исследовательской цели нет смысла останавливаться на спорах между литовской и польской элитами по поводу системы представительства, которые прекрасно освещены в историографии (Opaliński 2001; Rachuba 2002; Czwołek 2012). Следует лишь отметить, что идентичные должности в ВКЛ и Короне Польской, установленные Люблинской унией[4], были представлены третью литовских представителей на сейме и примерно пятой в сенате (Opaliński 2001: 124-125; Radaman A. 2005: 606-614), что, естественно, вызывало их недовольство своим положением.

Международный резонанс имели периоды бескоролевья и выборы нового монарха в Речи Посполитой, во время которых элита ВКЛ вступала в острые разногласия с польской элитой. Эти дискуссии инициировались желанием партий получить «своего короля», и, в равной степени, стремлением одних иностранных государей распространить своё влияние на Польско-Литовское государство, а других – повысить свой статус до королевского титула. Кроме того, после заключения Унии одним из важнейших аспектов для литовских магнатов и шляхты, значительная часть которых исповедовала кальвинизм, была религиозная терпимость будущего монарха, которая предполагала и сохранение политических свобод. Под воздействием событий Тридцатилетней войны, в которой Речь Посполитая принимала участие, уже после смерти 30 апреля 1632 г. Сигизмунда III на престол был предложен кандидат-протестант. По инициативе

[4] Акт Люблинской унии между Великим княжеством Литовским и Королевством Польским от 1 июля 1569 г. *Белоруссия в эпоху феодализма.* Сб. документов и материалов. Т. I. Минск, 1959. С. 150-157.

гетмана польного литовского Кшиштофа Радзивилла религиозные диссиденты ВКЛ задумались о выдвижении кандидатуры протестантского «мессии» в Европе Густава II Адольфа, который к тому же происходил из правившего тогда в Польше рода Ваза. По сути, это бы означало создание религиозно-политического союза между протестантами Речи Посполитой и предполагаемым будущим королём. В итоге Радзивилл учёл ситуацию и настроения в Речи Посполитой. Старший сын покойного короля Владислав Сигизмунд пользовался популярностью у шляхты всех вероисповеданий, а фигура шведского короля могла вызвать негативную реакцию католиков, что грозило продлением бескоролевья или гражданским конфликтом. В условиях начавшейся Смоленской войны это было крайне опасно (Dzięgielewski 1986: 13-14).

Радзивиллы – богатейший род, первым в ВКЛ получивший титул князей князей Священной Римской империи, были ключевыми фигурами оппозиции Короне Польской. К тому же многие представители этого рода, начиная с Миколая Кшиштофа Радзивилла Чёрного (1515-1565), исповедовали кальвинизм. Когда в 1632 г. архиепископ Гнезненский и примас Польши Ян Венцик созвал Сенат, чтобы выбрать дату проведения местных сеймиков и Элекционного сейма, Кшиштоф Радзивилл его проигнорировал. Несмотря на увещевания гетмана великого литовского и виленского воеводы Льва Сапеги, он, чтобы подчеркнуть равноправие ВКЛ и Короны, созвал Виленский сейм для обсуждения проблем безопасности границ Литвы во время противостояния с Московским государством (Ziober 2019: 182).

Параллельно Кшиштоф Радзивилл мобилизовал на выборы в Варшаве своих приверженцев и расположился лагерем на другом берегу Вислы, чтобы продемонстрировать политическую силу и потенциально высокое влияние представителей ВКЛ на выбор нового короля. Но Лев Сапега со своими сторонниками отказался поддержать его, обвинив в нарушении традиции выборов. Это событие зафиксировал в своих мемуарах канцлер великий литовский Альбрихт Станислав Радзивилл: «Князь, гетман польный литовский, стал на другом берегу реки. Он хотел удержать здесь виленского воеводу, и… других крупных сенаторов…»[5]. Между тем, переписка Радзивилла с Владиславом IV Вазой свидетельствует о «солидарности» гетмана с королём и его готовности служить ему[6]. Выборы Владислава IV, равно как и других польских королей, нашли широкое отражение в европейской печати. Например, главной причиной, заставившей сейм проголосовать за него, французская газета «La Gazette» назвала «его войну с Московией за Смоленск»[7].

---

[5] Przyboś A., Żelewski R. (transl. and ed.).1980. *A. S. Radziwiłł. Pamiętnik o dziejach w Polsce.* Vol. 1. 1632-1636. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy. S. 141-142.

[6] 1867. *Listy Wladyslawa IV do Krzystofa Radsivila. Pisane 1612-1632 roku.* Krakow. S. 68.

[7] 1632. *La Gazette.* P. 339.

На споры между литовскими и польскими магнатами, во время которых первые нередко угрожали разрывом унии с Короной, серьёзное влияние оказывала конфессионально-политическая ситуация в Европе. Окончание Тридцатилетней войны не только принесло мир и положило начало оформлению системы государств, но и погрузило последних в пучину политических потрясений. В 1648 г. в Польше началось восстание запорожских казаков под предводительством Богдана Хмельницкого, охватившее почти всю Правобережную Украину. Та же «La Gazette» сравнивала ситуацию в Польше с Фрондой (1648-1652) – гражданской смутой во Франции[8].

Сложное положение Варшавы усугубила смерть Владислава Вазы в мае 1648 г. Помимо его братьев – участника Смоленской и Тридцатилетней войн, бывшего члена ордена иезуитов Яна Казимира и епископа Вроцлава Кароля Фердинанда (последнего поддерживали император Священной Римской империи и Папа римский), в выборах короля приняли участие князь-кальвинист Трансильвании Дьёрдь I Ракоци, курфюрст Бранденбурга Фридрих Вильгельм и Филипп Вильгельм, герцог Пфальц-Нойбургский (Wójcik 1997: 44, 47). Иностранные кандидаты стремились повысить свой статус среди европейских государей, решить территориальные проблемы и выйти из экономического кризиса, в который повергла Европу Тридцатилетняя война. Берлин, например, рассчитывал избавить Пруссию от ленной зависимости от Польши: бранденбургский посол Иоганн фон Ховербек в учтивой манере заметил тогда, что ради трона Речи Посполитой можно даже перейти в католицизм (Kamieński 2006: 31). При этом Трансильвания, в отличие от Бранденбурга, который сделает это только в 1655 г., вступила в контакт с Богданом Хмельницким.

Религиозные диссиденты ориентировались главным образом на Дьёрдя I Ракоци. Кальвинист Януш Радзивилл, сын Кшиштофа Радзивилла и гетман великий литовский, выдвинул эту кандидатуру, чтобы обрести в результате выборов огромное влияние в ВКЛ и в Польше. Но он не согласовал свои действия с другой влиятельной семьёй Литвы – Сапегами. 20 мая 1648 г. на встрече в Вильно Радзивилл и его сторонники – Виленский епископ Авраам Война, епископ Жемайтии Ежи Тышкевич и другие лица – предложили созвать Литовский сейм, чтобы обсудить выдвижение на польский трон приемлемой для литовцев кандидатуры (Rachuba 2002: 243-284; Ziober 2018: 193-203).

Исход выборов обусловили два события: в сентябре 1648 г. под Пилявцами запорожские полки разгромили остатки польского войска, а в октябре того же года скончался Дьёрдь I Ракоци. В столь критической ситуации 22 октября сейм Речи Посполитой, призывавший к быстрому избранию короля ради «спасения отчизны» и объявлявший о сокращении срока выборов. Универсал подписали

[8] 1648. *La Gazette*. P. 401, 505.

поляк и литовец – архиепископ Гнезненский Мацей Лубенский и маршал войский мозырский[9] Филипп Казимир Обухович[10]. Большинство сторонников трансильванского князя во главе с Янушем Радзивиллом приняли сторону Яна Казимира, однако приверженцы Кароля Фердинанда продолжили агитировать за своего кандидата. В ответ Радзивилл и его фракция заявили, что, если консенсус не состоится, они изберут Яна Казимира государем своего княжества, и в таком случае уния ВКЛ с Королевством Польским будет упразднена (Sawicki 2010: 116; Ziober 2019: 183). Параллельно Радзивилл, вступивший в переговоры с Богданом Хмельницким, предлагал Яну Казимиру проекты мирного соглашения с восставшими на условиях принятия значительной части их требований (Заборовский 1981: 53).

После отречения в 1668 г. Яна Казимира на трон претендовали 14 человек – уникальный случай в истории выборов королей Речи Посполитой. Среди иностранных кандидатов выделим русского царя Алексея Михайловича и его сыновей Алексея и Фёдора, французского принца Луи Бурбона де Конде (Великого Конде) и его сына Анри, перешедшую в католицизм бывшую королеву Швеции Кристину Ваза и герцога Лотарингского Карла V – от проавстрийской партии при дворе (Przyboś 1984: 38). В пропагандистской кампании была задействована европейская интеллектуальная элита: в частности, Г.В. Лейбниц под псевдонимом Георгиус Улицовиус Литуанус по заказу архиепископа Майнца составил справку о претендентах на корону, акцентируя внимание на преимуществах Филиппа Вильгельма Нойбургского[11].

Но ни польская, ни литовская шляхта не стремились возвести на престол кандидата-иностранца ввиду усиления соседей – Швеции и Бранденбург-Пруссии после Тридцатилетней и Северной (1655-1660) войн и Русского государства после Тринадцатилетней войны (1654-1667). Популярными стали идеи избрания на престол «своего» кандидата – потомка Ягеллонов, или «пяста»[12]. Из числа «пястов» кандидатами были Дмитрий и Михаил Вишневецкие, а из потомков

---

[9] Его должность не совсем точно переведена в Универсале на русский язык. С 1625 г. он был войским мозырским - должностным лицом в ВКЛ, не имевшем аналога в Королевстве Польском. Войские отвечали за внутреннюю безопасность, присматривая за теми, кто не смог принять участия в посполитом рушении (ополчении) и оставался дома. В 1648 г. он был маршалком элекционного сейма, с 1653 г. - воеводой смоленским. Rachuba A. (Red.). 2003. *Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy, tom IV: Ziemia smoleńska i województwo smoleńskie. XIV-XVIII wiek*. Warszawa. S. 381.

[10] *1648 г. октября 22. - Универсал сейма Речи. Посполитой об ускорении выборов короля Польши в связи с поражением польско-шляхетской армии на Украине.* Государственный воеводский архив в Кракове, Ягеллонская библиотека в Кракове, рукопись № 90, л. 11 об. Копия. Available at: https://vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVII/1640-1660/Vojna1/61-80/64.htm (accessed 31.03.2025).

11 Leibniz G. W. 1983. Specimen demonstrationum politicarum pro eligendo rege Polonorum. *Leibniz G. W. Sämtliche Schriften und Briefe.* Hrsg. von der Preußischen Akademie der Wissenschaften, nach 1950 von der Akademie der Wissenschaften der DDR. Vierte Reihe: Politische Schriften. Bd. I. Berlin: Akademie-Verlag. S. 3–98.

[12] В XVII—XVIII вв. при избрании королей Речи Посполитой «пястом» именовался кандидат на престол польского происхождения.

Ягеллонов – кузен Януша Радзивилла Богуслав, великий хорунжий, великий конюший и депутат сейма. Кроме того, элекционный сейм 1669 г. впервые постановил, что королём Речи Посполитой может стать только католик, что предполагало переход представителей других исповеданий в католицизм[13]. Вследствие возвращения значительной части магнатов-кальвинистов, а также обращения православных магнатов ВКЛ в католическую веру (в 1670 г. православный князь Марциан Огинский стал католиком, чтобы занять должность воеводы Трокского) во время последующих выборов споры на конфессиональной почве между литовской и польской элитами потеряли смысл. Контрреформация в Речи Посполитой, начатая Сигизмундом III Ваза, завершилась.

В то время самым популярным из пропагандистских журналов был Censura candidatorum архиепископа Гнезненского и примаса Польши Анджея Ольшовского, поддерживавшего Михаила Корибута Вишневецкого[14]. Мнение Ольшовского оспаривал канцлер великий литовский Кшиштоф Зигмунт Пац, утверждавший, что архиепископ Гнезненский претендует на роль «польского» Ришелье (или Мазарини) при новом короле (Chmielewska 2006: 113). Во время голосования за Вишневецкого Пац предложил поддержать более достойную, на его взгляд, кандидатуру герцога Лотарингского, обещавшего потратить огромные суммы на военное и внутреннее развитие Польско-Литовского государства. Современники отмечали, что во время выступления канцлера «выстрел пронзил его платье…»[15]. После этого происшествия элита ВКЛ стала агитировать в пользу потомка Ягеллонов князя Богуслава, набравшего на родине немалое количество голосов (Ziober 2019: 185). Более того, во время беспорядков в Варшаве, спровоцированных гетманом коронным Яном Собеским, имело место нападение на карету Богуслава Радзивилла.

На этих выборах стала особенно заметной ориентация части шляхты ВКЛ на восточного соседа: Тринадцатилетняя война завершилась, а угроза со стороны Османской империи возросла, вследствие чего Московское государство стало рассматриваться как потенциальный союзник Речи Посполитой. Одним из значимых пунктов, выдвинутых в поддержку Москвы, было обещание царя Алексея Михайловича обратить своего сына Фёдора в католицизм в случае, если последний будет избран. Согласно записям в дневнике ректора Замойской академии Рудомича, сторонники Москвы якобы распространяли слухи о принятии царём католической веры и о его стремлении к церковной унии[16]. По сути,

[13] 1860. *Prawa, konstytucye y przywileie Królestwa Polskiego, Wielkiego Xięstwa Litewskiego y wszystkich prowincyi należących na walnych seymiech koronnych od seymu wiślickiegoroku pańskiego 1347 aż do ostatniego seymu.* Volumina legum. Przedruk zbioru praw. 5. Ab Anno 1669 Ad Annum 1697. Warszawa. S. 11.

[14] Przyboś K., Perłakowski A. 2014. *Censura candidatorium sceptri polonici. Ocena kandydatów do tronu polskiego.* Kraków. P. 57.

[15] Niemcewicz J. U. 1839. *Zbiór pamiętników historycznych o dawnej Polszcze z rękopismów, tudzież dzieł w różnych językach o Polszcze wydanych oraz listami oryginalnemi królów i znakomitych ludzi w kraju naszym.* Vol. 4. Lipsk. S. 309-310.

[16] Rudomicz B. 2002. *Efemeros, czyli Diariusz prywatny pisany w Zamościu w latach 1665–1672.* T. 2: 1656–1664 / ed. by W. Froch, M. L. Klementowski. Lublin. S. 202.

последний слух был недалёк от истины, но иного толка: в правление Алексея Михайловича возникла политическая теория, основанная на единении русской и греческой церквей (Скрипкина 2012: 17). Как и следовало ожидать, католическая церковь и большинство магнатов и шляхты Речи Посполитой не поверили обещаниям русского государя[17]. В итоге гетман великий литовский в 1667-1682 гг. Михаил Казимир Пац и другие сторонники Алексея Михайловича отказались от этого политического варианта (Bobiatyński 2008: 199).

Во время бескоролевья 1674 г. кандидатуру царевича Фёдора поддержали контактировавшие с посольством из Москвы Михаил Казимир и Кшиштоф Сигизмунд Пацы. Главным требованием опять была смена вероисповедания, что на сей раз встретило открытое противодействие Алексея Михайловича. Как обоснованно подчёркивают российские и польские историки, контакты семьи Пац и русским царём были всего лишь элементом давления на переговорах с другими претендентами на корону и на польскую элиту (Флоря 2015: 275-279; Ziober 2018: 125).

Важно подчеркнуть, что поддержка претензий иностранных кандидатов, включая религиозных диссидентов, на польский престол была обусловлена целым рядом причин, среди которых значимое место занимало политическое соперничество между элитами ВКЛ и Королевства Польского. Наличие диссидентов среди кандидатов на трон было не только следствием этого соперничества, но и свидетельством сопротивления новой конфессиональной политике, по общеевропейским меркам призванной централизовать государство. В отличие от западноевропейских протестантов, добивавшихся не только свободы совести, но и господства своей веры, литовских кальвинистов интересовала, прежде всего, религиозная свобода, служившая существенным признаком их независимости. Вследствие этого конфессионально-политические союзы быстро распадались. Со второй половины XVII в. в связи с возросшей активностью иностранных кандидатов и разногласиями в среде польско-литовской знати выборы королей стали значимыми моментами в истории международных отношений Вестфальской системы.

Фаза дезинтеграции

Яркое проявление дезинтеграции ВКЛ и Польши – соглашение в Кейданах, подписанное Янушем Радзивиллом со шведами в 1655 г. В условиях «Шведского потопа» и военных успехов русской армии Радзивилл с марта 1655 г. вынашивал идею выйти из польско-литовского союза и заключить унию со Швецией. Карл X Густав, хороший полководец и командующий одной из лучших в Европе

[17] Przyboś K., Perłakowski A. (Ed.) 2014. *Censura candidatorium sceptri polonici. Ocena kandydatów do tronu polskiego.* Kraków. P. 7.

армий, рассматривался немалой частью литовской элиты как Спаситель отечества. А Польша, не получив поддержки от венского и французского дворов, ничем не могла помочь Литве. Секретарь польской королевы Марии-Людовики француз де Нуайе, сравнивая «Шведский потоп» и гонения на протестантов-вальденсов в Савойе в том же году, поддержанные европейскими протестантами и лордом-протектором Английской республики Оливером Кромвелем, замечал: «Боже, никто не выступает в защиту гибнущего католического государства [Речи Посполитой – *Л.И.*]! Протестанты более ревностно относятся к своей религии, чем католики. Нигде в мире мы не находим поддержки – такова христианская любовь!»[18].

Отсутствие военной помощи стало для Радзивилла весомым аргументом в пользу любых действий. Януш и его кузен Богуслав усматривали единственный выход из сложившейся ситуации в присоединении на конфедеративных началах к Швеции, которая обещала освободить от русского царя литовскую территорию «до последнего камня». Согласно заключённой 17 августа Кейданской унии ВКЛ должно было стать субъектом Шведского королевства при сохранении всех прерогатив: армии, законодательства и чеканки своих монет. Януш Радзивилл был уверен в поддержке большинства жителей Литвы, ожидая, что Карл X Густав восстановит свободы кальвинистов, лютеран, православных и ариан, а в случае успеха усилит политическое влияние протестантов и отодвинет католиков и иезуитов на второй план. Радзивилл просил шведского короля выделить 3000 солдат под его командование[19].

Уния со Швецией не была просто авантюрой великого гетмана. Не отрицая, что литовские диссиденты во главе с Радзивиллами сыграли вдохновляющую роль в подготовке и заключении договора со шведами, который можно рассматривать и как своего рода религиозно-политический союз, обратим внимание на то, что их поддерживали некоторые представители католической шляхты и римско-католического духовенства, включая епископов Жемайтийского Петра Парчевского и Виленского Ежи Тышкевича. Свои подписи под Кейданской унией поставили более 2 000 человек[20]. Однако значительная часть литовской элиты не приняла планов Радзивилла. Кейданский договор, как заключённый без ведома и разрешения сейма, был незаконным с точки зрения законодательства Речи Посполитой. Тот же Ежи Тышкевич незадолго до этого (25 июля) отправлял своего гонца к представителям Алексея Михайловича с письмом, в котором отмечал: «… у нашего короля… люду много и при гетмане полском, так при гетмане Великого княжства Литовского, и ещё много прибывает силы с поветов и воеводств наших... И… все мы готовы помереть за коро-

[18] 1844. *Portofolio królowéj Maryi Ludwiki, czyli Zbiór listów, aktów urzędowych i innych dokumentów, ściągających się do pobytu téj monarchini w Polsce.* T. 1. Poznań. S. 194.
[19] 1754. Rudawski L.J. *Historarium Poloniae ab excessu Vladislai IV ad pacem oliviensem usque.* Libri IX. Varsovia. P. 178.
[20] 1935. Konopczyński W., Lepszy K. (eds.) *Akta ugody kiejdańskiej 1655 roku.* Wilno.

левство наше Полское и Великое княжство Литовское до единого... Не похочете ли взять миру с нами вечного?»[21] Как видно, Тышкевич в первую очередь намеревался заключить союз с Русским государством, а не со Швецией.

Негативное отношение значительной части Литовской элиты к Кейданской унии приняла во внимание русская дипломатия. Василий Лихарев, пребывавший в Кейданах в августе 1655 г., сказал в своей речи гетману: «Писал ты, великий гетман, ц. в-а [царского величества – *Л.И.*] к бояром и воеводам в своей грамоте свое имя свийского короля и ВКЛ великим гетманом, вилинским воеводою. И ц. в-а бояре и воеводы тому удивляютца, что ты так писал, потому что ВКЛ и город Вилна николи не бывала за свийским королем, Вилна город была полского короля. А за его неправды тот город Вилну государь наш ц-го в-а взял и заступил ее сам…»[22]. На «незаконность» Кейданской унии опирались воевода Витебский Ян Павел Сапега и польный гетман литовский Винцент Гонсевский, образовавшие против неё конфедерацию. В ноябре 1655 г. силы конфедерации под командованием Сапеги осадили замок Тыкоцин, где укрепился Януш Радзивилл. Гетман не дождался военной помощи от шведов и в ночь с 30 на 31 декабря скоропостижно скончался[23].

И сегодня соглашение в Кейданах вызывает много споров и рождает полярные точки зрения. Заключив договор со Швецией, Радзивилл фактически разорвал унию между ВКЛ и Королевством Польским. Некоторые исследователи считают, что он руководствовался преимущественно религиозными соображениями, поскольку считал, что Литва ближе к лютеранской Швеции (Rachuba 2002: 299-300). Но чаще всего Кейданский договор рассматривали как акт измены или попытку найти выход из тяжёлой международной ситуации. По мнению польского историка Г. Визнера, Януш Радзивилл оказался перед сложной дилеммой выбора политического курса. Князь видел альтернативу не между Речью Посполитой и Швецией, а между последней и полным уничтожением Польско-Литовского государства. И проблема не в том, было ли его решение изменой (что тоже следует уточнить: чьи интересы он предал – Речи Посполитой, Короны, или самой Литвы?), а в том, как должен был поступить человек, взявший на себя ответственность за своё отечество и столкнувшийся с серьёзными препятствиями (Wisner 2011: 59-78).

Точка зрения Г. Визнера относительно дилеммы, вставшей перед Радзивиллом, требует коррекции. Оказавшись перед альтернативой - Москва или Стокгольм, честолюбивый гетман рассчитывал при шведах не только сохранить Литву, но и иметь в ней полноту власти. Одновременно некоторые магнаты

[21] Заборовский Л.В. 1994. *Великое княжество Литовское во время Польского потопа (1655-1656 гг.). Документы, исследование.* Москва: Наука. С. 9.
[22] Там же. С. 25.
[23] Rudawski L.J. *Historarium Poloniae ab excessu Vladislai IV ad pacem oliviensem usque.* Libri IX. P. 180.

части ВКЛ от Велижа до Минска, которую в мае – июле 1655 г. заняли русские силы, предложила паритетную унию с Русским государством (Флоря 2003: 25-39). Так, внук Андрея Курбского, эмигрировавшего в Литву при Иване Грозном, князь Анджей (Андрей) Курбский, намеревался присягнуть на верность Алексею Михайловичу, собрать на свои средства войско для борьбы против шведов, и даже перешёл в православие. А сенатор и православный князь Марциан Огинский на деле дал присягу русскому царю и руководил одним из отрядов во время жемантийского восстания против шведской оккупации (Kotljarchuk 2006: 172). В сущности, переговоры со Швецией и Москвой следует рассматривать не столько как проявление литовского сепаратизма, сколько как стремление найти приемлемый выход из тяжёлой ситуации.

Провал Кейданской унии, по сути, был предрешён до её заключения. Причина заключалась не только в нарушении конституционных основ Польско-Литовского государства. Из сказанного выше очевидно, что литовские магнаты не были едины ни в своей политической ориентации (Королевство Польское, Россия, Швеция), ни по конфессиональному признаку (католики, православные, кальвинисты). Население белорусских городов ориентировалось на Московское государство. Так, в мае 1654 г. могилёвские жители подали Алексею Михайловичу «прошение о защищении их от поляков, жестоко их притесняющих»[24]. При этом русский фактор в провале планов Радзивилла и его сторонников дополнялся казацким фактором. Во время Русско-польской войны, а затем «Шведского потопа» Богдан Хмельницкий выступал союзником и Москвы, и Стокгольма. Казаки Ивана Золотаренко участвовали во взятии Смоленска и наступлении на белорусские города ВКЛ[25]. Одновременно в сентябре-декабре 1654 г. шла активная переписка между подканцлером коронным Иеронимом Радзиевским, перешедшим на шведскую сторону, гетманом Хмельницким, писарем Выговским и тем же Золотаренко «о склонении их со всем войском в шведское подданство»[26]. Хмельницкий вступил в отношения со шведами, как противниками Польши, начав в 1655 г. военные действия на Правобережной Украине. Своими действиями он способствовал как продвижению шведов вглубь польской территории, так и установлению русского влияния на значительной части Литвы, что привело к конфронтации Москвы и Стокгольма и помешало реализации Кейданской унии.

По большому счёту, в международном плане Кейданская уния была направлена против Польско-Литовского государства. Так, 6 декабря 1656 г. в Радноте представители Карла X Густава, курфюрста бранденбургского Фридриха Вильгельма, Богуслава Радзивилла, Богдана Хмельницкого, обиженного на Москву,

[24] РГАДА. Фонд 124. Опись 1. 1654. Л. 26 об. № 10.
[25] РГАДА. Фонд 124. Опись 1. 1654. Л. 24. № 28.
[26] РГАДА. Фонд 124. Опись 1. 1654. Л. 27. № 15.

заключившую в октябре 1656 г. Виленское перемирие с Варшавой, и трансильванского князя Дьёрдя II Ракоци подписали договор о разделе между собой Речи Посполитой[27]. Одним из главных его последствий стало вторжение в Речь Посполитую армии Ракоци численностью 25 000 человек в январе 1657 г. Изменившаяся геополитическая ситуация не позволила реализовать договор, поскольку в конце концов Польско-Литовскому государству удалось объединиться и изгнать шведов. В литературе договор в Радноте рассматривается как предшественник разделов Речи Посполитой в XVIII в. (Frost 2004: 71-86).

Споры по вопросам внешней политики

Методам реализации внешней политики и организации дипломатической службы Польско-Литовского государства историки уделили достаточное внимание, что подтверждает относительно недавний специальный выпуск Eastern European History Review, целиком посвящённый уникальной дипломатии Речи Посполитой (Gregorowicz 2021). Генриковы артикулы 1573 г. обязывали короля Польского и одновременно Великого князя Литовского обращаться за советом в сенат или информировать совет сената по поводу принятия любых мер в сфере внешней политики[28]. А географическое положение Литвы во многом обуславливало тот факт, что элита ВКЛ стремилась контролировать отношения с Москвой – ведь значительная территория княжества, а именно Смоленское воеводство и белорусские земли, служили ристалищем борьбы между Речью Посполитой и Московским государством.

Литовских магнатов также интересовали связи со Швецией и Османской империей. Но ведение отношений с последней и вассальным ей Крымским ханством, а также с Персией, папством и странами Западной Европы оставались в руках Королевства Польского. Обязанностью и привилегией канцлера ВКЛ являлся предварительный доклад о состоянии дел с Москвой. С одной стороны, сферы дипломатической компетенции ВКЛ и Польши были чётко разграничены, а с другой – польские официальные лица активно привлекались к дипломатическим контактам. Поэтому литовским политикам приходилось согласовывать свои действия не только с королём, но и с должностными лицами Королевства Польского (Gregorowicz 2021: 28; Sirutavičius 2021: 42).

Примечательно, что иностранным послам Люблинская уния представлялась равноправным союзом ВКЛ и Польского Королевства. «А полская рада и литовская меж себя посполито соедналися, тому другой год, что им стояти заодинъ

[27] Wasilewski T. (Ed.). 1979. *Bogusław Radziwiłł. Autobiografia (1620 –1667)*. Warszawa: Państ. Instytut Wydawniczy. S. 258-262.

[28] Literae confirmationis articulorum Henrico Regi antea oblatorum. Available at: https://pl.wikisource.org/wiki/Literae_confirmationis_articulorum_Henrico_Regi_antea_oblatorum (accessed 26.03.2025).

полским людем Литве, а литовским людем Полше помогати без найму на своих пенезех, а именья им держати, полским людем в Литве, а литовским в Полше по-прежнему; да и чины и всякие по замком давати посполитожъ, литовским в Полше, а полским в Литве», – так в 1571 г. расценивало заключение Унии русское посольство И. Канбарова (Толмачёв 2017: 88). Посольский взгляд практически не поменялся и столетие спустя. Во время бескоролевья после смерти Яна III Собеского в 1696 г. французская дипломатия, стремившаяся купить голоса магнатов для кандидата французского короля Людовика XIV принца де Конти, уделяла одинаковое внимание консультациям с польской и литовской элитой (Sawicki 2013: 149-165).

На самом деле в проведении внешней политики отношения между композитами федерации были достаточно сложными. Литва и Польша, особенно в первой половине XVII в., сами отвечали за сохранность своих границ, что фактически способствовало созданию двух театров военных действий. Совместные вооружённые акции предпринимались только для защиты всей Речи Посполитой, но и тогда оба композита не всегда сотрудничали. Например, Польша и Литва были относительно едиными во время интервенции в Россию в начале XVII в. и во время Смоленской войны, но во время восстания Хмельницкого и в годы Шведского потопа воевали поодиночке.

В 1634 г. для ратификации Поляновского мирного договора Владислав IV Ваза направил в Москву великого писаря литовского Казимира Леона Сапегу, мстиславского стольника Петра Казимира Вязевича и кастеляна Каменца Александра Пясечинского[29]. В столице Русского государства Пясечинский выдвинул условие: для того, чтобы после клятвы не нарушать мир, крест после царя должны целовать бояре и жители пограничных территорий. Затем он настаивал на том, чтобы в случае смерти одного из царей присяга возобновлялась его преемником, и, наконец, потребовал, чтобы польскому королю было позволено нанимать солдат в Москве. Во всем этом ему было отказано. Сапега конфликтовал с Пясечинским, упрекая его в затягивании миссии, игнорировании литовской стороны, гордыне и некомпетентности и пригрозил, несмотря на почтенный возраст поляка, что в следующий раз «дёрнет его за бороду» (Rachuba 1994: 32).

На фоне взаимоотношений между Речью Посполитой и Московским государством в 1635 г. прозвучала знаменитая фраза молодого Януша Радзивилла: «Придёт время, когда [литовцы – *Л.И.*] укажут полякам выход не через двери, а через окна»,[30] – явный намёк на Пражскую дефенестрацию 1618 г., когда представители чешского протестантского дворянства выбросили из окна Пражского града двух имперских наместников и их секретаря. Эти слова стали реакцией

[29] M. Grabowski i A. Przezdecki (Wyd.). 1843. *Zrodla do dzejow polskich*. T. 2. Wilno. S. 196.

[30] Przyboś A., Żelewski R. (transl. and ed.).1980. *A. S. Radziwiłł. Pamiętnik o dziejach w Polsce.* Vol. 1. 1632-1636. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy. S. 327.

на оглашение на совете сената в Вильно, созванном Владиславом Вазой по поводу известий из Москвы, отчётов польских послов представителем Польши, а не Литвы (Czapliński 1959: 224-227).

К.А. Кочегаров описал противоречия между литовскими и польскими послами во время заключения Вечного мира 1686 г. между Русским государством и Речью Посполитой (Кочегаров 2008: 300-384). Ян III Собеский делегировал в Москву посольство в составе почти 1 000 персон, возглавляемое канцлером литовским Марцианом Огинким и воеводой познанским Кшиштофом Гжимултовским. Король знал, что уже несколько лет гетман Пац через Огинского вёл сепаратные переговоры с Москвой о Вечном мире и союзе, который отвечал стремлениям литовских магнатов обезопасить свою восточную границу. Но Ян III не учёл противоречий между литовской и польской элитами. Канцлер Огинский старался дискредитировать польского сенатора в глазах русских и добивался отдельного постоя в Москве более представительной литовской делегации. Москва же в лице князя Василия Голицына использовала польско-литовские противоречия в своих интересах, требуя закрепления Андрусовских соглашений 1667 г., выдвинув претензии на Запорожье и большую территорию вокруг Киева, а также отказавшись вести переговоры о союзе прежде переговоров о Вечном мире. В такой ситуации Ян III не дал послам иных указаний, кроме как заключить союз «любой ценой»[31]. Марциан и Николай Огинские, упорно отстаивавшие суммы компенсации, фактически сорвали первую фазу переговоров. На второй фазе из-за отказа Москвы от организации полномасштабной военной кампании в Крыму Гжимултовский выступал против договора, а Марциан Огинский поддерживал его заключение. Контуры будущего мира определились лишь на третьей встрече сторон.

Отдельно стоит подчеркнуть, что соперничавшие друг с другом литовские магнаты приходили к единому мнению как в вопросах о нуждах и безопасности ВКЛ, о чём свидетельствует корреспонденция Льва Сапеги и Кшиштофа Радзивилла в 1632 г. (Ziober 2019: 187-188), так и в сфере общей дипломатии Речи Посполитой. Так, в 1690-е гг. в своей корреспонденции в Версаль французский дипломат кардинал Форбен обратил внимание на согласие между гетманом великим литовским и воеводой Виленским Казимиром Яном Сапегой и подканцлером литовским Каролем Станиславом Радзивиллом в вопросах антиосманской политики, несмотря на тяжбу между Сапегами и Радзивиллами за ряд земельных владений. Оба они с 1692 г. состояли в оппозиции королю Яну III Собескому, который вынашивал планы выхода Речи Посполитой из Священной лиги против турок, и выступили против его политики на Гродненском сейме 1693 г. (Sawicki 2013: 152).

[31] Tindal Palmer Al. (Ed.) 1815. *Authentic memoirs of John Sobieski, King of Poland.* L.: John Murray. P. 272.

В вопросах внешних сношений следует также отметить сотрудничество между польской и литовской элитами. На Варшавском сейме 1611 г. они единым фронтом выступили против финансовой политики Сигизмунда III[32]. А в 1646 г. Владислав IV без согласия сейма решил собрать войско и привлечь украинских казаков для военных действий против Крымского ханства и Османской империи. 12 мая того же года канцлер великий литовский Альбрехт Станислав Радзивилл заметил в своих мемуарах, что на документе, разрешающем незаконный набор посполитого рушения [ополчения – *Л.И.*], он не поставит свою подпись и печать, а скорее предпочтёт, чтобы ему отрубили руку. Его поддержал великий канцлер коронный Ежи Оссолинский, хотя в целом он был сторонником короля. 21 мая оба канцлера отклонили решение Владислава IV ввиду отсутствия согласия сейма[33]. В этом случае и Радзивилл, и Оссолинский выступили за принцип верховенства права против незаконного акта короля.

В октябре 1672 г, проигравшая войну Речь Посполитая заключила с Османской империей мир в Бучаче, по условиям которого она потеряла Подолию, Каменец и Правобережную Украину, а также обязалась выплачивать Турции ежегодную дань. В такой ситуации гетман Михаил Пац и его сторонники стали угрожать Михаилу Вишневецкому, что, если последний не предпримет действий для спасения государства, они уйдут в подданство русского царя. В определённой степени благодаря их давлению в апреле 1673 г, сейм принял решение не ратифицировать Бучачский договор, повысил налогообложение и стал набирать новое войско[34]. Но, что самое важное, они нашли поддержку в лице Яна Собеского, который обычно характеризовал Паца как «военачальника, отлично разбирающегося в военных делах, но злого и капризного человека…»[35].

Заключение

В рамках одной статьи не представляется возможным рассмотреть все аспекты взаимодействия между ВКЛ и Королевством Польским в XVII в., связанные с внешней политикой, и обозначить все грани европейской дипломатии в отношении Речи Посполитой. Важно, что разногласия между элитами ВКЛ и Королевства не означали, что литовская элита, в среде которой тоже имели место противоречия, относилась к полякам, как к противникам. Конституционная идентичность польско-литовского дворянства, равно как и формировавшаяся

[32] Bielowski A. 1861. *Pisma Stanisława Żółkiewskiego.* Lwów. S. 558–561.
[33] Przyboś A., Żelewski R. (transl. and ed.).1980. *A. S. Radziwiłł. Pamiętnik o dziejach w Polsce.* Vol. 2. 1637-1646. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy. S. 246-249.
[34] Dalairac Fr.-P. (Trans.). 1700. *Polish Manuscripts, or The Secret History of the Reign of John Sobieski, Polish Manuscripts, or The Secret History of the Reign of John Sobieski, The III of that Name, King of Poland, containing a particular account of the siege of Vienna.* London: Rhodes, Bennet, Bell, Leigh & Midwinter. P. 39.
[35] *Authentic memoirs of John Sobieski.* P. 47.

вследствие процесса полонизации культурная идентичность, были важными факторами, интегрировавшими федерацию и объединявшими политическую элиту Речи Посполитой. Вместе с тем, наряду с процессом интеграции имели место периоды дезинтеграции Речи Посполитой, когда Польша и Литва не сотрудничали во внешней политике (как во время «Шведского потопа»). На оба процесса оказывали влияние международный и конфессиональный факторы. При этом внешние обстоятельства скорее сплачивали государство, а конфессионально-политические союзы с иностранными государями-протестантами быстро распадались.

Люблинская уния диктовалась условиями своего времени, но эти условия с оформлением системы государств после Вестфальского мира претерпели изменения. Кризис лояльности по отношению к власти, разразившийся в Речи Посполитой в середине XVII в., был характерным явлением всей Европы. Однако последовавшая централизация власти в соседних странах и стремление к регализации, свойственное средним и малым государствам Европы, представители которых желали получить корону, в том числе и польскую, расходилось со внешнеполитическими потребностями Речи Посполитой. С середины века Польско-Литовское государство оказалось окружено сильными соперниками, в первую очередь, Русским царством и Швецией. Поэтому Литва и Польша, несмотря на расхождения по конституционным и дипломатическим вопросам, были вынуждены сохранять единство.

Анализ отношений между ВКЛ и Королевством Польским в XVII в. демонстрирует очень высокую степень зависимости взаимодействия композитов Речи Посполитой от изменения международной ситуации (особенно от русского, шведского и османского факторов), а, следовательно, функционирования подсистемы от динамики развития европейской системы.

Об авторе:

Людмила Ивановна Ивонина – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Смоленский государственный университет. Адрес: ул. Рыленкова, д. 42, кв. 126, г. Смоленск, 214036, Россия. E-mail: ivonins@rambler.ru.

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC 327:323.17(438+474.5)"17"
Received: 4 April 2025
Accepted: 2 June 2025

Political Elites of the Grand Duchy of Lithuania and the Kingdom of Poland in the Formation of the Westphalian International Order

L.I. Ivonina
DOI 10.24833/2071-8160-2025-3-102-27-50

Smolensk State University

Abstract: This article examines the interaction between the political elites of the Grand Duchy of Lithuania (GDL) and the Kingdom of Poland in the context of the emergence of the Westphalian system of international relations during the seventeenth century. Applying a systemic approach, the composite-state concept, and the theory of confessionalization, the study investigates how the international environment influenced political dynamics between the Lithuanian and Polish elites.

From the moment of signing the Union of Lublin in 1569, the elites of the Grand Duchy of Lithuania sought to affirm their equal status with their Polish counterparts and consistently defended their political interests, particularly in foreign affairs. These interactions intensified notably during the seventeenth century due to significant political and confessional transformations in Europe, culminating during and after the Thirty Years' War (1618–1648), which were institutionalized by the Peace of Westphalia in 1648.

The study demonstrates that, despite periodic disagreements between the elites of Poland and the GDL, neither side viewed the other as an adversary. Instead, they were united by a shared constitutional structure, a common cultural identity forged through the process of Polonization in the GDL, and the necessity to uphold the international standing of the Polish-Lithuanian Commonwealth within the emerging Westphalian order in Europe.

The author concludes that the formation of the Westphalian system significantly shaped interactions between the Lithuanian and Polish elites. The international environment of that period fostered integration rather than the disintegration of the two components of the Polish-Lithuanian Commonwealth. Although confessional and political alliances often shifted rapidly and internal disputes emerged regularly, shared external challenges—particularly those posed by powerful rivals such as the Tsardom of Muscovy and Sweden—encouraged the elites of both constituent parts to reconcile their interests and strengthen unity. Thus, mid-seventeenth-century international developments served as a crucial external factor, shaping the political interactions between the Polish and Lithuanian elites and reinforcing internal consolidation within the Commonwealth in the context of the newly established Westphalian international order.

Keywords: the Polish-Lithuanian Commonwealth, the Grand Duchy of Lithuania, Polish Crown, Sejm, Senate, election, prerogatives

About the author:

Liudmila I. Ivonina – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of World History and International Relations, Smolensk State University. Address: 42 Rylenkova Street, Apt. 126, Smolensk 214036, Russia. E-mail: ivonins@rambler.ru.

Conflict of interest:
The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Gregorowicz D. 2021. Diplomacy of the Commonwealth, Diplomacy of the King: the Peculiarity of Foreign Policy Making. *Eastern European History Review. Diplomats and Diplomacy in the Early Modern Polish-Lithuanian Commonwealth (XVII century).* Ed. by D. Gregorowicz. № 4. P. 19-35.

Elliott J.H. 1992. A Europe of Composite Monarchies. Past and Present. № 137. P. 48–71. Elliott J.H. 2006. *Empires of the Atlantic World: Britain and Spain, 1492–1830.* New Haven, 2006. 546 p.

Frost Robert I. 2004. *After the Deluge: Poland-Lithuania and the Second Northern War, 1655-1660.* Cambridge University Press. 236 p.

Frost R. 2015. *The Oxford History of Poland-Lithuania. Volume I: The Making of the Polish-Lithuanian Union, 1385–1569.* Oxford University Press. 564 p.

Ingrao Ch. 1994. *The Habsburg Monarchy 1618-1815.* Cambridge. 276 p.

Koenigsberger H.G. 1969. *The Practice of Empire.* Ithaca, N.Y.: Cornell University Press. 229 p.

Koenigsberger H.G. 2007. *Monarchies, states generals and parliaments: the Netherlands in the 15th and 16th centuries.* Cambridge: Cambridge University Press. 408 p.

Kotljarchuk A. 2006. *In the Shadows of Poland and Russia. The Grand Duchy of Lithuania and Sweden in the European Crisis of the mid-17th Century.* Södertörns högskola. 361 p.

Parker G. 2013. *Global Crisis: War, Climate Change and Catastrophe in the Seventeenth Century.* New Haven: Yale University Press. 871 p.

Quatrini F. 2023. Tolerance, Society, and Sovereignty: The Retreat from Pluralism in the Polish-Lithuanian Commonwealth. Renaissance Quarterly. No 76. P. 124-165.

Sirutavičius M. 2021. Partnership in a Union with Diverging Interests: Cooperation between the Kingdom of Poland and Grand Duchy of Lithuania in Diplomatic Activities at the Turn of the Sixteenth and Seventeenth Centuries. *Eastern European History Review. Diplomats and Diplomacy in the Early Modern Polish-Lithuanian Commonwealth (XVII century).* Ed. by D. Gregorowicz. № 4. P. 35-45.

Wilson P. H. 2020. *Heart of Europe: A History of the Holy Roman Empire.* Cambridge, MA: Harvard University Press. 1008 p.

Wisner H. 2011. Prince Janusz Radziwiłł: the responsibility of a politician. *Jagiellonian University Repository.* 2011. S. 59-78.

Ziober A. 2018. The Role and Use of Religion in the Politics of Candidates to the Polish Throne in the 17th Century. *Biuletyn Polskiej Misji Historycznej. Bulletin der Polnischen Historischen Mission.* Nr. 13. P. 115–132.

Ziober A. 2019. Lithuanian aspirations for an equality with the Crown in the 17th century. An attempt to systematize. *Open Political Science.* № 2. P. 181–187.

Ziober A. 2018. The political attitudes of Krzysztof and Janusz Radziwill towards the election of Wladyslaw IV and Jan Kazimierz. Outline of the problem. *Open Political Science.* № 1. P. 193–203.

Augustyniak U. *Historia Polski 1572-1795.* Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2008. 1005 p. (In Polish).

Beljaev M.P. 2022. *Gosudarstvo i pravo Velikogo knjazestva Litovskogo.* Moskow: "Dashkov I K". 231 p. (in Russian).

Bobiatyński K. 2008. *Michał Kazimierz Pac, wojewoda wileński, hetman wielki litewski.* Warszawa: Neriton. 458 s. (In Polish).

Chibinev B.M., Golovanov N.M., Makarov D.A. 2008. *Vosniknovenije, raszvet i upadok gosudarstvnjazestva Litovskogo.* SPb: Lema. 373 p. (in Russian).

Czapliński W. 1959. *Na dworze króla Władysława IV.* Warszawa: Książka i Wiedza. 468 s. (In Polish).

Chmielewska M. 2006. *Sejm elekcyjny Michała Wiśniowieckiego.* Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe. 285 s. (In Polish).

Czwołek A. 2012. *Piórem i buławą. Działalność polityczna Lwa Sapiehy kanclerza litewskiego, wojewody wileńskiego.* Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika. 734 s. (In Polish).

Duchhardt H. 2003. *Europa am Vorabend der Moderne 1650–1800.* Stuttgart: Verlag Eugen Ulmer. 464 s. (In German).

Dvornichenko A.Ju. 1993. *Russkije zemli Velbkogo Knjazestva Litovskogo (do nachala XVI v.). Ocherki istorii obschini, soslovij, gosudarstvennist* [Russian lands of the Grand Duchy of Lithuania (before the beginning of the 16th century). Essays on the history of the community, estates, statehood]. SPb. 239 p. (In Russian).

Dzięgielewski J. 1986. *O tolerancję dla zdominowanych. Polityka wyznaniowa Rzeczypospolitej w latach panowania Władysława IV.* Warzsawa: Wydawnictwo Naukowe PWN. 246 s. (In Polish).

Florja B.N. 2003. Ot potopa do Vilna. Russkayja politica po otnosheniju k Rechi Pospolotoj v 1655-1656 gg. [From the Deluge to Vilno. Russian Policy towards the Polish-Lithuanian Commonwealth in 1655-1656]. *Kwartalnik historyczny.* № 2 (110). P. 25-49. (In Polish).

Florja B.N. 2015. Rossija i vibori v Rechi Pospolitoj 1674 goda [Russia and the elections in the Polish-Lithuanian Commonwealth in 1674]. *Srednije veka.* Moskva. T. 76 (1–2). P. 269–290. (In Russian).

Ivonina L.I. 2012. Monarchizatija pravitelej i gosudarstv Klassicheskoj Evropi d konze XVII – XVIII vv. [Monarchization of rulers and states of Classical Europe in the late 17th – 18th centuries]. *Voprosi istorii.* № 8. P. 104-118. (In Russian).

Ivonina L.I. 2024. Mezdunarodnije otnoshenija vo vremja Vestfalskoj sistemi [The international relations during the Westplallian system]. Moskva: RUSAJNS. 234 p. (In Russian).

Kamieński A. 2006. Kandydatura Hohenzollernów brandenburskich do tronu polskiego od XVI do końca XVIII wieku. Realny cel czy też gra polityczna? *Między Zachodem a Wschodem. Etniczne, kulturowe i religijne pograniczna Rzeczypospolitej w XVI–XVIII wieku.* Eds. K. Mikulski, A. Zielińska-Nowicka. S. 29-37. (In Polish).

Kempa T. 2016. Problem kandydatów do tronu Rzeczypospolitej w kontekście podziałów w elicie politycznej Wielkiego Księstwa Litewskiego w trzech pierwszych bezkrólewiach po śmierci Zygmunta Augusta. *Wokół wolnych elekcji w państwie polsko-litewskim XVI-XVIII wieku.* Ed. by M. Markiewicz, D. Rolnik, F. Wolański. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego. S. 131-142. (In Polish).

Krauzevich A.K. 1998 (2-e izd. 2000). *Stvarenne Vjalikaga Knjastva Litouskaga* [The creation of the Grand Duchy of Lithuania]. Mensk, Rzeszow. 208 p. (in Buelorussian).

Łowmiański H. 1934. *Uwagi w sprawie podłoża społecznego i gospodarczego unji Jagiellońskiej.* Vilnius. 296 s. (In Polish).

Lulewicz H. 2002. *Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569-1588.* Warszawa: Wydawnictwo Neriton. 475 s. (In Polish).

Malettke K. 2012. *Hegemonie-multipolares System-Gleichgewicht Internationale Beziehungen 1648/1659 – 1713-1714.* Paderborn u.a., Schöningh. 581 S. (In German).

Narbutt T. 1835-1841. *Dzieje narodu litewskiego.* Wilno. T. 1-9. (In Polish).

Opaliński E. 2001. *Sejm srebrnego wieku 1587-1652. Między głosowaniem większościowym a liberum veto.* Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe. 268 s. (In Polish).

Petkevich K. 2005. Litovzi, russkije, poljaki v Polsko-Litovskom gosudarstve XVI-XVII vv. (postanovka problemi) [Lithuanians, Russians, Poles in the Polish-Lithuanian Commonwealth of the 14th-17th centuries (statement of the problem)]. *Istorija i sovremennost.* № 1. S. 78-93. (in Russian).

Ptaszynski M. 2024. Nietolerancyjna konfederacja Warszawska. O znaczeniu swobyd wysnaniowyc w 1573 roku. *Kwartalnik Historyczny.* Rocznik CXXXI. 2. S. 215-243.

Przyboś A. 1984. *Michał Korybut Wiśniowiecki 1640–1673.* Kraków: Wydawnictwo Literackie. 346 s. (In Polish).

Rachuba A. 2002. *Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569-1763.* Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe. 375 s. (In Polish).

Rachuba A. 1994. Sapieha Kazimierz Leon. *Polski Słownik Biograficzny.* Vol. XXXV. No. 1. Warszawa-Kraków, 1994. S. 32. (In Polish).

Radaman A. 2005. Sojm. Vjalikaje Knjastva Litouskaje. Enziklapedija u 3 t. Minsk: BelEn. T. 2. S. 606-614. (In Belorussin).

Sawicki M. 2010. *Stronnictwo dworskie w Wielkim Księstwie Litewskim w latach 1648-1655.* Ostrowiec Świętokrzyski: Mi Graff. 380 s. (In Polish).

Sawicki M. 2013. Magnaci litewscy w swietie fracuskojezycziej korespondencji z lat 90 XVII wieku w archiwum drezdenskim. *Epistolografia dawnej rzeczypospolitej.* T. IV (stulecia XVI-XIX). Perspektywa historyczna i językowa. Ed. by P. Borka i M. Olmy. Kraków. S. 149-165. (In Polish).

Schilling H. *Konfessionalisierung und Staatsinteressen. Internationale Beziehungen 1559-1660.* Paderborn, München, Wien, Zürich: Ferdinand Schöningh, 2007. 674 S. (In German).

Schnettger M. 2008. Kleinstaaten in der Früher Neuzeit. *Historische Zeitschrift.* Bd. 286. Hf. 3. S. 130-154. (In German).

Skripkina E.V. 2012. Tsar Alexei Mikhailovich - "novij Constantin": obrasez Visantijskoi vlasti v russkoj praktike tretjej chenverti XVII v. [Tsar Alexei Mikhailovich – the "new Constantine": an example of Byzantine power in Russian practice in the third quarter of the 17th century]. *Omsk Scientific Bulletin.* № 2. P. 12-21. (In Russian).

Sliesoriunas G. 2020. Historiografia Litewska o ukladzie Kiedanskim (1655 r.). *Stidia Podlaskie.* Tom XXVIII. Bialystok. S. 55-76. (In Polish).

Snapkouski U.E. 1995. Pra kalisii sneshnepalitichnich intaresau polskai Karoni i Vjalikaga knjastva u srladse Rechi Paspalitaj [On the conflicts of foreign policy interests of the Polish Crown and the Grand Duchy within the Polish-Lithuanian Commonwealth]. *Spadchina*. № 3. S. 189-201. (In Belorussian).

Tichomorov A. 1998. Vneshnepoliticheskij mechanism i organisazija diplomaticheskoj sluzbi Rechi Pospolitoj i Velikogo Knjazestva Litovskogo v 1569-1795 gg. [Foreign policy mechanism and organization of the diplomatic service of the Polish-Lithuanian Commonwealth and the Grand Duchy of Lithuania in 1569-1795]. *Buelorusskij zurnal mezdunarodnogo prava I vezdunarognich otnoshenij.* № 3. S. 52-61. (In Russian).

Tolmachev P.A. 2017. Velikoje Knjazestvo Litovskoje I Polsha v Statejnich spiskach Posolskogo prikaza XVI veka: opit opisanija inostrannoi momarchii [The Grand Duchy of Lithuania and Poland in the Article Lists of the Ambassadorial Prikaz of the 16th Century: An Experience of Describing a Foreign Monarchy]. *Vestnik Nizegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo.* № 2. S. 84–92. (In Russian).

Wisner H. 1991. Litwa wobec elekcji Władysława Wazy. *Rocznik Białostocki.* Vol. 17. S. 9-36. (In Polish).

Wisner H. 1982. *Rozróżnieni w wierze. Szkice z dziejów Rzeczypospolitej schyłku XVI i połowy XVII wieku.* Warszawa: KIW. 216 s. (In Polish).

Wójcik Z. 1997. *Jan Kazimierz Waza.* Wrozlaw. 274 s. (In Polish).

Zaborovskij L.V.1981. *Rossija, Rech Pospolitaja I Shvwezija v seredine XVII v.:iz istorii mezdunarodnich otnoshenij v Vostochnoj I Jugo-Vostochnoj Evrope* [Russia, the Polish-Lithuanian Commonwealth and Sweden in the mid-17th century: from the history of international relations in Eastern and South-Eastern Europe]. M.: Nauka. 186 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке

Беляев М.П. 2022. *Государство и право Великого княжества Литовского.* М.: «Дашков и К». 231 с.

Дворниченко А. Ю. 1993. *Русские земли Великого Княжества Литовского (до начала XVI в.). Очерки истории общины, сословий, государственности.* СПб. 239 с.

Заборовский Л. В.1981. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в.: *из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе.* М.: Наука. 186 с.

Ивонина Л.И. 2012. Монархизация правителей и государств Классической Европы в конце XVII – XVIII вв. *Вопросы истории.* № 8. С. 104-118.

Ивонина Л.И. 2024. *Международные отношения во время Вестфальской системы.* М.: РУСАЙНС. 234 с.

Кочегаров А.К. 2008. *Речь Посполитая и Россия в 16650-1686 годах. Заключение договора о Вечном мире.* М.: Индрик. 504 с.

Петкевич К. 2005. Литовцы, русские, поляки в Польско-Литовском государстве XIV-XVII вв. (постановка проблемы). *История и современность,* № 1. С. 78-93.

Скрипкина Е.В. 2012. Царь Алексей Михайлович – «новый Константин»: образец Византийской власти в русской практике третьей четверти XVII в. *Омский научный вестник.* № 2. С. 12-21.

Тихомиров А. 1998. Внешнеполитический механизм и организация дипломатической службы Речи Посполитой и Великого Княжества Литовского в 1569-1795 гг. *Белорусский журнал международного права и международных отношений.* № 3. С. 52-61.

Толмачев П.А. 2017. Великое княжество Литовское и Польша в Статейных списках Посольского приказа XVI века: опыт описания иностранной монархии. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.* № 2. С. 84–92.

Флоря Б. Н. 2003. От потопа до Вильна. Русская политика по отношению к Речи. Посполитой в 1655-1656 гг. *Kwartalnik historyczny.* № 2 (110). С. 25-49.

Флоря Б.Н. 2015. Россия и выборы в Речи Посполитой 1674 года. *Средние века.* Москва. Т. 76 (1–2). С. 269–290.

Чибинев В.М., Голованов Н.М., Макаров Д.А. 2008. В*озникновение, расцвет и упадок государственности Великого княжества Литовского.* СПб: Лема. 373 с.

Вестник МГИМО-Университета. 2025. 18(3). С. 51–68
DOI 10.24833/2071-8160-2025-3-102-51-68

Check for updates

Черноморский флот на службе первой дипломатической миссии России в Греции

Е.П. Кудрявцева

Институт российской истории РАН

В статье представлены малоизвестные факты, касающиеся присутствия российских военных судов на службе первой в Греции российской дипломатической миссии. Данный сюжет ещё не был предметом рассмотрения в научной литературе; новые документы из Архива внешней политики Российской империи при МИД РФ позволяют пролить свет на неизвестную до сих пор деятельность российского Черноморского флота, базировавшегося вблизи Пелопоннеса. Целью предпринятого исследование является анализ деятельности судов Черноморского флота в качестве части дипломатического обеспечения российской миссии в Навплии и Афинах в первые годы существования греческого государства. После провозглашения независимости Греции Россия установила с ней дипломатические отношения, послав в столицу своих дипломатических чиновников, а также консулов на целый ряд островов Архипелага. Турецкое правительство разрешило проход через Босфор и Дарданеллы нескольких лёгких военных судов Черноморского флота для выполнения срочных поручений российского посланника и дипломатической почтовой связи. Это разрешение требовалось в связи с тем, что, согласно условиям предшествующих русско-турецких договоров, Россия не имела права проводить через Черноморские проливы свои военные суда. До учреждения российской миссии в Греции такое разрешение имели лишь несколько лёгких военных фрегатов при миссии России в Константинополе. На о. Порос, близ Пирея, располагался русский лагерь, а капитанами российских судов, ежегодно менявшихся на службе при российской миссии, были молодые морские лейтенанты – В.А. Корнилов, В.И. Истомин и Е.В. Путятин – будущие адмиралы, впоследствии прославившиеся на морской и дипломатической службе.

Ключевые слова: русско-греческие отношения, российское посольство, Греческий архипелаг, Черноморский флот, дипломатия, военные бриги, В.А. Корнилов, В.И. Истомин, Е.В. Путятин

УДК: 327(495:470)"18"+359.09(470.75)
Поступила в редакцию: 10.03.2025
Принята к публикации: 11.06.2025

Революция 1821 г., начавшаяся в Греции, стала катализатором Восточного кризиса, длившегося на протяжении почти 10-летнего периода и завершившегося предоставлением Греции полной независимости. В кризис были вовлечены ведущие европейские страны. Следует признать, что в греческом вопросе, представлявшем для России немалый интерес как в геостратегическом, так и в геополитическом отношении, российские власти не смогли добиться желаемого результата и перехватить у Великобритании роль главного арбитра в греко-турецком конфликте. Активное вмешательство Англии и Франции привело к тому, что греческая проблема стала общеевропейской, чему, в частности, способствовал слишком длительный период нерешительности Российского МИД, когда он не мог чётко сформулировать своего отношения к Греческой революции. Симпатия русского общества к грекам имела давние традиции – эллинофильские настроения были широко распространены в разных кругах российского общества. Многие даже консервативно настроенные политические и государственные деятели России сочувственно отнеслись к освободительному движению в Греции (Фадеев 1958: 81). Однако российское правительство, постоянно оглядываясь на европейских союзников, не посмело оказать действенную помощь «бунтовщикам». Всё это привело к тому, что Греция, как объект политического влияния, была надолго потеряна для России. «Та самая Греция, которая должна была дополнять систему политического преобладания нашего на Востоке, оказалась не только нам недружественной, но и прямо враждебной», – сокрушался историк-дипломат С.С. Татищев (Татищев 1887: 123).

С историей первых шагов самостоятельной Греции связан сюжет, до сих пор не освещённый в научной литературе, а именно: деятельность судов российской эскадры на службе российской миссии в Афинах и греческого правительства. Этот сюжет имеет особую важность в связи с тем, что приоткрывает неизвестные страницы в судьбах выдающихся русских флотоводцев – В.А. Корнилова, В.И. Истомина и Е.В. Путятина, сыгравших в последствии выдающуюся роль в истории нашего государства. О службе молодых капитанов лёгких военных судов на рейде греческой столицы свидетельствуют неизвестные до сих пор документы из фонда «Миссия в Афинах» (ф. 165) Архива внешней политики Российской империи при МИД РФ. Здесь находится переписка моряков с Черноморским начальством и дипломатическими представителями России в Греции и Османской империи.

Несмотря на то, что история становления независимой Греции привлекала достаточное внимание отечественных специалистов (работы Г.А. Арша, О.Е. Петруниной, коллективные монографии по истории Балкан и Восточного вопроса), некоторые аспекты русско-греческих отношений ещё не нашли своего отражения в научной литературе. Они заслуживают внимания, поскольку

свидетельствуют о развитии русско-греческих политических связей на этапе их установления. Кроме того, миссия военных кораблей в водах Средиземного моря свидетельствовала о растущей мощи российского Черноморского флота, который выполнял разнообразные задачи по охране торгового судоходства, центром которого были греческие острова, а также наблюдательные и разведывательные функции на просторах Греческого архипелага.

Установление русско-греческих дипломатических отношений

Согласно условиям Лондонской конвенции от 6 июля 1827 г. три европейские державы – Россия, Англия и Франция – могли назначать в Грецию своих консулов. Однако в то время этой возможностью ни одна из держав не воспользовалась, поскольку Греция была охвачена военными действиями. После Наваринского сражения, в котором пронимали участие флоты этих же держав, ранг предполагаемых представителей был поднят – теперь предполагалось послать туда поверенных в делах. От России поверенным в делах был назначен М.Н. Булгари – грек, принадлежавший к аристократической фамилии о. Корфу, известный своей приверженностью к России и служивший в Коллегии иностранных дел с 1809 г. (Арш 2009: 182). 5(17) сентября 1828 г. Булгари прибыл на о. Порос и вручил верительные грамоты И. Каподистрии. Дипломатической деятельности Булгари не вёл, поскольку судьба Греции ещё не была определена. По Адрианопольскому договору 1829 г., завершившему русско-турецкую войну, Греция получала автономию в составе Османской империи, что было явным достижением российской дипломатии, но вызвало недовольство со стороны Англии и Франции. Главным образом, оно явилось результатом неприятия того факта, что Россия «единолично» решила будущее устройство Греции, не прибегая к привлечению западных союзников. Решающую роль России в предоставлении Греции автотомии, а затем и независимости признают и зарубежные исследователи (Frary 2015: 53). Правительства Англии и Франции приложили много усилий для того, чтобы 3 февраля 1830 г. был подписали совместный протокол о независимости Греции – за подписью уполномоченных России, Англии и Франции.

По завершении русско-турецкой войны российское дипломатическое представительство было учреждено в Навплии, куда и прибыл советник российской константинопольской миссии статский советник П.И. Рикман в качестве поверенного в делах. Пётр Иванович Рикман долгие годы прослужил в российской миссии в Константинополе, был опытным дипломатом и хорошо знал общую обстановку в регионе. Он не раз замещал посланника в Турции при его кратковременных отлучках из посольства. Об уважении к Рикману говорит и тот факт, что при отбытии в Грецию султан пожаловал ему бриллиантовую табакерку. К.В. Нессельроде просил Николая I сохранить ему жалование в 3000 рублей

годовых, которое он получал на своём посту советника в миссии[1]. Российский посланник в Константинополе А.П. Бутенев сразу начал хлопотать о повышении жалования российскому представителю в Греции по причине дороговизны тамошней жизни. Он просил выдать Рикману 15 тыс. пиастров из остаточных сумм коммерческой контрибуции, которую Порта выплачивала России по итогам последней русско-турецкой войны.

По утверждённому штату миссии и консульств в Греции новое представительство России состояло из посланника и трёх секретарей, один из которых был драгоманом со знанием греческого языка. Первым секретарём по решению от 22 апреля 1830 г. был назначен коллежский советник граф Толстой, третьим секретарём – камеркамергер граф Салтыков, поначалу отправленный Бутеневым в Грецию курьером и оставленный там по решению от 19 апреля[2]. Вместе с Рикманом в Грецию были назначены И.Э. Персиани – в качестве первого секретаря русской миссии и Кюстер – секретарём при российском консульстве. Жалование посланника составляло 12 тыс. рублей, а секретарей – полторы тысячи. Утверждались консульства в Морее (совр. Пелопоннес), Северной Греции, на островах Сира (совр. Сирос) и Кандия (совр. Крит). В Морее должен был находиться генеральный консул, на остальных постах – консулы; при каждом консульстве полагались драгоманы[3]. В мае 1830 г. титулярный советник П.В. Кассини был причислен драгоманом к консульству в Северной Греции, куда он был переведён из Триеста[4].

В 1832 г. в российскую миссию в Навплии получил назначение Д.В. Поленов – сын директора Департамента внутренних сношений российского МИД. Он ехал в Навплию через Константинополь и позже оставил воспоминания о годах, проведённых в Греции, напечатанные в «Русском архиве». Навплия, пишет автор, представляла собой заштатный город с узкими кривыми улицами и множеством турецких домов. Другой свидетель устройства российской миссии в Греции, К.М. Базили – будущий дипломат, принимавший участие в морской экспедиции П.И. Рикорда – так характеризовал греческую столицу: «Навплия представляет смесь зданий дряхлых с красивыми домами нового построения, улиц неопрятных, немощёных с прекрасным шоссе, венецианских казарм и турецких мечетей» (Базили 1834: 7). Тамошняя жизнь российских дипломатов представляла собой разительный контраст с повседневной жизнью российской миссии в турецкой столице, слывшей признанным центром константинопольского общества. Миссию в Константинополе посещали известные художники и литераторы, здесь ставились «домашние» спектакли, из России выписывались

1 *Архив внешней политики Российской империи* (далее – АВПРИ). Ф. СПб ГА IV-2. Оп. 119. Д. 17 (1830). Л. 1. К.В. Нессельроде Николаю I. 27 декабря 1829 г.

2 *Там же.* Д. 22 (1830). Л. 1; Д. 21 (1830). Л. 1.

3 *Там же.* Д. 25 (1830-1865). Л. 1 с об. Штат миссии в Греции и консульств.

4 *Там же.* Д. 2 (1830). Л. 7.

лучшие русские журналы и новые книги, и это была такая выгода, пишет Поленов, «которую можно найти не во всех европейских миссиях»[5]. Прибывший из турецкой столицы в Навплию Поленов нашёл, что «здешняя жизнь скучна до невероятности», в домах холодно, поскольку нет двойных рам, о печах население не имеет никакого понятия, обогреваясь турецкими мангалами.

Первые шаги российской дипломатии в Греции

Нерешительные действия России в годы греческой революции, связанные с нежеланием Николая I оказывать поддержку «бунтовщикам», самым пагубным образом отразились на позиции России в новом балканском государстве. После трагической гибели И. Каподистрии российское влияние в Греции было сильно подорвано в пользу Англии и Франции. Обе европейские державы имели в Греции партии своих сторонников, в то время как приверженцы Каподистрии были удалены со всех должностей. Ещё ранее Каподистрия писал Дж. Пальмерстрону в 1830 г., что положение в Греции сильно осложнилось «в результате помощи, оказываемой иностранными представителями тем, кто затевает антиправительственные интриги» (Международные отношения на Балканах… 1983: 286). Английская партия получила наибольший вес в освобождённой Греции. Новый британский посланник Э. Лайонс, прибывший в Афины в 1835 г., писал в Лондон: «Действительно независимая Греция – это абсурд. Греция может быть или русской, или английской» (Международные отношения на Балканах… 1990: 101). Кульминацией влияния Великобритании стало намерение послать в Россию дипломатическим представителем Греции англичанина – генерала Р. Чёрча, что вызвало резкий протест российского посланника, в результате чего назначение Чёрча не состоялось.

По Лондонской конвенции 1832 г., подписанной Россией, Англией и Францией с одной стороны, и Баварией – с другой, Греция была провозглашена «независимым монархическим государством» под гарантией трёх европейских дворов. Россия, Англия и Франция сошлись на решении выбрать для греческого престола сына баварского короля Людвига I, принца Оттона, предоставив власть регентству до его совершеннолетия. На своём новом месте службы российский поверенный в делах должен был наладить отношения с правительством Греции, во главе которого стояло регентство в составе президента И. Армансперга, профессора Мюнхенского университета Г. Маурера и генерал-майора Г. Гейдека.

В январе 1833 г. король Оттон с многочисленной свитой прибыл в Навплию на судне «Мадагаскар». По этому поводу местные жители дали бал. Поленов вспоминает, что это мероприятие имело довольно жалкий вид – дождь, грязь

[5] Из писем Д.В. Поленова во время поездки его в Грецию и службы при тамошнем посольстве в 1832–1835 гг. *Русский архив*. 1885. Кн. III. С. 25.

на улице; в экипаже прибыл только король, дамы пришли в сапогах, высоко поднимая свои нарядные юбки, чтобы не запачкать их – «хорошо, что это было ночью»[6]. Бал не принёс никакого удовольствия и не оставил приятного впечатления, пишет российский дипломат. Президент регентства – граф И.Л. Армансперг весьма сухо принимал русских представителей, чего нельзя было сказать о его обращении с англичанами и французами.

В тот же год на Пасху члены российской миссии собрались на торжественную службу в греческой церкви, где присутствовал сам король. Эта служба поразила российских дипломатов – священники одеты очень бедно, а в важнейших местах службы «воспитанники делали на караул и сильно стучали своими ружьями»[7]. Накануне светлого праздника русские заказали к своему столу пасху и кулич, но пасха из козьего молока неприятно пахла, а кулич оказался совершенно сырым – греки не были приучены к совершению праздничного обряда.

В 1833 г. посланником в Грецию был назначен Г.А. Катакази – в прошлом многолетний сотрудник русской константинопольской миссии, а затем личный секретарь графа Каподистрии. В июне того же года регентство приняло решение о переносе греческой столицы из Навплии в Афины. С прибытием Катакази российская миссия получила в греческой столице совершенно другой вес. Посланник установил приёмные дни, а на балах, с удовольствием посещаемых афинским обществом, присутствовало до сотни гостей.

В церкви при миссии «в самом хорошем порядке и со всем возможным здесь великолепием» начались службы. Из России прибыл архимандрит Иринарх, находившийся ранее при российской миссии во Флоренции, а также дьякон и певчие. До приезда Катакази для членов российской миссии настоящим праздником было посещение обедни на фрегате адмирала П.И. Рикорда, эскадра которого стояла на рейде в Пирее, и приглашавшего для этого певчих, служивших ещё Каподистрии. Увидев, с каким небрежением отправлялись православные обряды в греческих церквях, «как желали мы услышать Божью службу на родном языке и должным приличием», – вспоминает Поленов. Устроенная по распоряжению Катакази церковь при российском посольстве была оснащена необходимой утварью, книгами и облачениями таким образом, чтобы «показать грекам пример порядка и благочиния», поскольку сама греческая церковь находилась «в самом бедственном состоянии, а служение в ней совершалось с величайшею небрежностию»[8], к тому же духовенство не имело должного образования. Достаточно сказать, что для службы в кафедральном храме Св. Ирины в честь совершеннолетия короля Оттона греческое духовенство позаимствовало у российской миссии «ризы, крест, Евангелие и некоторую другую утварь», чтобы «блеснуть пышностью».

---

[6] *Из писем Д.В. Поленова*…. С. 113.
[7] *Там же.* С. 116.
[8] *Там же.* С. 127.

После обретения Грецией независимости Святейший Синод стал уделять особое внимание состоянию греческой церкви. В 1833 г. Элладская церковь была объявлена независимой от константинопольского патриархата, что спровоцировало конфликт между патриархом и греческим правительством. Вскоре был назначен Синод из пяти епископов для управления делами Элладской церкви; на заседаниях Синода присутствовал королевский прокурор, а главой православной греческой церкви стал король-католик (Архангельский 1885: 161). Российское правительство попыталось упрочить свои связи с Греческим королевством, склоняя короля Оттона принять православие, однако потерпело в этом неудачу. Король обещал крестить по православному обряду своего наследника, но его брак оказался бездетным. «Это, без сомнения, самый чувствительный удар, когда-либо нанесенный русской чести», – писал австрийский канцлер К. Меттерних послу империи в Петербурге К. Фикельмону (Татищев 1887: 289). Акт принятия автокефалии был отрицательно оценен в России; это произошло в отсутствие российского представителя в Греции, поскольку выехавшего из Навплии Рикмана ещё не успел заменить Г.Ф. Катакази (Петрунина 2010: 230).

База русского флота на Поросе

После заключения Адрианопольского мира 1829 г. флоты союзных держав по договорённости ещё некоторое время осуществляли крейсерование берегов Архипелага. Русская эскадра под командованием адмирала Л.П. Гейдена учредила на о. Порос у берегов Пелопоннеса свою базу. Здесь были сооружены главный магазин, хлебный двор, кузница, пристани, бани. Порт Пороса считался одним из лучших в Архипелаге, а небольшие бухты Поросского порта получили названия по имени тех русских кораблей, которые первыми пришли в них на стоянку. Таким образом здесь существовали бухты Азовская, Гангутская, Эммануиловская, Владимирская (Базили 1834: 102). Весной 1830 г. Гейден получил приказ вывести крупные корабли эскадры в Чёрное море, оставив в Греции несколько малых судов под командованием вице-адмирала П.И. Рикорда. Его целью стала поддержка греческого правительства и охрана торговли русских купеческих судов в Средиземном море.

И. Каподистрия считал, что пребывание судов русского флота в Архипелаге выступает противовесом усилению позиций Англии и Франции в независимой Греции и предлагал учредить стоянку одного или двух судов эскадры П.И. Рикорда в Навплии (Палеолог, Сивинс 1867: 204). В 1832 г. Нессельроде писал Рикорду: «…удаление ваше из вод архипелажских нанесёт значительный подрыв нашему влиянию на новое правительство, передаст его под исключительную власть английских и французских резидентов» (Палеолог 1867: 242). Того же мнения придерживался морской министр А.В. Моллер: в мае 1832 г. он писал начальнику морского штаба князю Меншикову: «по существу политических

отношений наших к Греции, я нахожу ещё рановременным уменьшение сил наших в Архипелаге и полагаю необходимым оставить ещё на некоторое время эскадру нашу в нынешнем составе»[9]. Действительно, обстановка в Греции была далека от стабильности. В июле 1831 г. Рикорд оказал греческому президенту бесценную услугу по подавлению мятежа, начатого судовладельцами с о. Идра. Этот остров славился своими моряками, которые владели многочисленным флотом (около 80 судов) с командами от 35 до 60 человек. Судовладельческая олигархия во главе с А. Миаулисом, недовольная властью Каподистрии, намеревалась захватить базировавшиеся на Поросе суда греческого правительства и арсенал (Арш 2011: 14). Призванный на помощь Рикорд заявил, что готов сражаться с мятежниками, обстрелял их корабли и заставил ретироваться на Идру. По решению Пятого греческого народного собрания 4(16) марта 1832 г. вице-адмиралу П.И. Рикорду за особые заслуги было присвоено звание греческого гражданина. По возвращении в Россию 31 августа 1833 г. за отличие во время командования отрядом в греческих водах Рикорд был награждён орденом Св. Владимира 2-й степени.

Вопрос о посылке военных бригов в Грецию решался отдельно. По условиям Адрианопольского договора Россия имела право направлять свои торговые корабли через Босфор и Дарданеллы в Средиземное море. Однако военные корабли не имели этого права. Исключение делалось Портой только для небольших военных бригов, которые посылались из Чёрного моря в распоряжение Константинопольского посольства, а с 1830 г. – в распоряжение миссии России в Греции. Они должны были осуществлять почтовую связь с Одессой и выполнять поручения российских дипломатических представителей, а также греческого правительства. Экипажи кораблей находились в подчинении российских миссий в Константинополе и Навплии (позже – в Афинах). Но даже получив у Порты право проводить свои военные суда через Проливы в Грецию, каждый раз при смене дежурных при российской миссии кораблей требовалось получать от турецкого правительства новое разрешение. В секретной переписке вице-канцлера с начальником морского штаба говорилось о желательности исходатайствования российским посланником в Константинополе свободного прохода русских бригов, возвращавшихся в Чёрное море. При этом Нессельроде просил, вероятно, чтобы не раздражать Порту, о том, чтобы бриги «не вместе прошли, а один после другого спустя, по крайней мере, недели две»[10]. Чтобы избежать лишних объяснений с османским правительством, российский посланник А.П. Бутенев в секретном письме на имя начальника Черноморского флота и портов М.П. Лазарева предлагал послать в Грецию бриг «Фемистокл»,

[9] *АВПРИ*. Ф. Азиатский департамент. Оп. 729/2. Д. 10 (1831). А.В. Моллер А.С. Меншикову. 18 мая 1832 г.

[10] *АВПРИ*. Ф. Азиатский департамент. Оп. 729/2. Д. 10. Л. 31 об. К.В. Нессельроде А.С. Меншикову. 20 июля 1834 г. Секретно.

состоявший при константинопольской миссии, что и было сделано[11]. Кроме того, во избежание осложнений, Бутенев предлагал посылать в Грецию «мелкие суда», чтобы не вызывать подозрений Порты в проводе через Проливы русских военных судов.

М.П. Лазарев, переписываясь с поверенным в делах в Афинах И.Э. Персиани, выражал надежду на то, что сможет получить от него сведения «о всем том, что в особенности при настоящем положении политических дел может быть полезно для Черноморского флота»[12]. Под особыми политическими обстоятельствами, вероятно, подразумевался продолжавшийся Восточный кризис, заставлявший в особом режиме содержать суда Черноморского флота. Сам Лазарев пользовался большим уважением греческих властей. В 1836 г. король Оттон намеревался наградить его орденом Спасителя 2-й степени за участие в Наваринском сражении[13]. И хотя со времени морской битвы прошло уже почти десятилетие, это намерение свидетельствует о том значении, которое греческие власти придавали поддержке России, оказанной в прошедшем сражении за свободу Греции.

Базой русских лёгких судов в греческих водах служил остров Порос. Ещё в 1829 г. под надзором адмирала Гейдена на Поросе были построены здания, необходимые дислоцированному здесь русскому флоту. В собственности русских находились здания лазарета и «магазейна»; эти постройки перешли в ведение остававшейся в Архипелаге эскадры Рикорда. К тому времени жители Пороса вполне привыкли к присутствию русского флота. Посетивший остров и оставивший записки об этом К.М. Базили – грек на русской дипломатической службе – писал: «Можно счесть Порос русским городком, а Морейский берег – цветущею деревнею полуденной России. Жители почти все понимают наш язык, и много молодых пориотов свободно говорят по-русски» (Базили 1834: 79). Но в 1833 г. П.И. Рикорд получил предписание князя А.С. Меншикова вернуться в Россию в черноморские порты[14]. При этом Меншиков распорядился «о сохранении предметов, коих на суда сии поместить будет невозможно». Следовало перевезти их на транспортах или зафрахтованных судах, а при невозможности – продать на месте[15].

Поскольку миссия эскадры Рикорда была завершена, было неизвестно, на какой срок остаются русские бриги на Поросе. Вице-адмирал предполагал оставить им провизии на полтора года. «По недостатку здесь красного вина я напишу в Мальту нашим корреспондентам Жалл Бено и Ко о высылке оного для двух бригов», – сообщал Рикорд российскому посланнику. Следует отметить,

---

[11] *Там же.* Л. 46 с об. А.П. Бутенев М.П. Лазареву. Сентябрь 1834 г. Секретно.
[12] *АВПРИ.* Ф. 165. Афины-миссия. Оп. 507. Д. 357 (1836-1841). Л. 62. М.П. Лазарев И.Е. Персиани. 19 ноября 1840 г.
[13] *Там же.* Л. 68. К.В. Нессельроде М.П. Лазареву. 24 марта 1836 г.
[14] *АВПРИ.* Ф. 165. Афины-миссия. Оп. 507. Д. 102 (1833-1839). Л. 2. П.И. Рикорд Г.А. Катакази. 26 июня 1833 г.
[15] *Там же.* Л. 2 об.

что красное вино считалось, кроме всего прочего, средством от «заразительных болезней», свирепствовавших в южных странах, и его достаточное количество всегда имелось на борту российских торговых и военных судов для членов команды. Так, ещё в 1806 г. командующему фрегата «Крепкий», шедшему из Севастополя на Корфу с батальоном десантных войск, предписывалось, наряду со снабжением команды провизией, предоставлять каждому «вина ренского по три чарки в день» – итого, на команду 45 чарок, или два ведра[16].

Остальные запасы русской базы на Поросе были переданы командирам бригов и должны были храниться в «магезейне» под присмотром офицера. Кроме того, экипажам двух бригов оставлялось жалование за майскую треть и некоторая сумма на экстраординарные расходы. Рикорд в докладе Катакази оставил подробное описание собственности русского отряда на Поросе. А она была не маленькой: кузница, солдатская и офицерская бани, сараи, пекарни, лазарет и «магазейны». Описи содержали даже такие сведения, как количество окон и дверей во всех описанных зданиях, каковы в них крыши и пол, количество крючков и чанов в банях. Некий баварский инженер оценил все здания в 5 тыс. испанских талеров, или в 30 тыс. драхм[17]. Здесь же находился полностью разрушенный российский корабль «Емануил», ценность которого заключалась в медной обшивке, которую греки были готовы купить за 10 тыс. испанских талеров. После описи русского имущества все постройки были переданы греческому правительству, а караульные из греков, получавшие за свою службу по 6 талеров, уволены.

Рикорд предупреждал, что земля под описанными постройками России не принадлежит. Этот вопрос оказался весьма важным, поскольку среди западных правительств появились опасения, не хочет ли Россия «иметь в здешнем королевстве постоянное морское пристанище». Эти опасения не были беспочвенными, поскольку русские матросы пользовались уважением местного населения, а Россия ранее постоянно выступала за предоставление независимости Греции и оказывала ей поддержку в освободительной борьбе. В Англии и Франции опасались усиления русского влияния в этой части Балканского полуострова и прилагали немало усилий для того, чтобы перехватить инициативу у российских властей в оказании помощи греческим повстанцам.

Нессельроде повелел оставить в распоряжении российского посланника в Греции два брига: «Аякс» под командованием капитан-лейтенанта Лаврова и «Парис» под командованием лейтенанта Тверинова. Вице-адмирал П.И. Рикорд с борта фрегата «Княгиня Лович» в Монастырской бухте острова Порос составил предписание командиру брига «Аякс» капитан-лейтенанту Лаврову[18]:

---

[16] *Там же.* Ф. 178. Миссия на Ионических островах. Оп. 618. Д. 36. Л. 10.

[17] *Там же.* Ф. 165. Афины-миссия. Оп. 507. Д. 102 (1833-1839). Л. 29.

[18] *Там же.* Д. 249 (1833–1839). Л. 2–7. Предписание вице-адмирала Рикорда командиру брига «Аякс» капитан-лейтенанту Лаврову. 2 июля 1833 г.

«Ваши отличные качества и опытность в морском деле, благородство господ подчинённых вам офицеров сих судов, воинский дух и добрая нравственность наших матросов служат мне верною порукою, что достоинство флага Его Императорского Величества ни в каком случае уронено не будет»[19]. В предписании говорилось о том, что в распоряжение российского посланника в Греции Г.А. Катакази переходят бриги «Аякс» и «Парис». Их основная задача – состоять при российской миссии и исполнять поручения посланника, а также греческого королевского регентства. За первую треть 1833 г. на команды двух судов выделялось 1 тыс. талеров.

Бриги находились в двойном подчинении – российского Министерства иностранных дел и Морского министерства. Со стороны МИД командам поручалось доставлять дипломатические депеши в Дарданеллы и Константинополь. Срочные донесения о состоянии судов и команд предписывалось подготавливать на основании постановления Инспекторского департамента Главного морского штаба по хозяйственной части и направлять в Комиссариатский департамент Морского министерства, а об особенных случаях сообщать начальнику Главного морского штаба. Все донесения и отчёты следовало передавать через российского посланника в Греции.

В предписании Рикорда были описаны обязанности командиров и команд бригов; в частности, они должны были охранять от пиратов российские купеческие суда. В документе подробно расписывались правила морской жизни российских судов. Так, при встрече с иностранными военными судами следовало соблюдать «приличный военный этикет». Во время стоянки бригов в иностранном порту при спуске команды на берег в свободные часы при ней должны находиться офицеры, «кои обязаны строго наблюдать за благочинием матросов». Российские торжественные дни предписывалось праздновать со всеми почестями. При посещении бригов греческим королём или регентами – салютовать. В сношения с иностранными командирами по делам Греции входить строго запрещалось. Кроме того, командирам надлежало обращать внимание на поддержание здоровья команды, для чего следовало «покупать мясо и зелень у грека Георгия Тавалари, с которым у нас контракт на поставку».

Бриги «Аякс» и «Парис» находились в греческих водах до ноября 1834 г., когда им на смену прибыл 20-пушечный корвет «Ифигения» под командованием лейтенанта Е.В. Путятина и бриг «Фемистокл» под командованием лейтенанта В.А. Корнилова[20]. А.П. Бутенев сообщал Г.А. Катакази, что по распоряжению Лазарева оставляет при миссии в турецкой столице корвет «Пендераклия», а вместо него посылает в Грецию бриг «Фемистокл». При этом он дал весьма лестную характеристику его командиру лейтенанту Корнилову, как «отличному

[19] *Там же.* Л. 5 об.
[20] *Там же.* Л.12. Е.В. Путятин Г.А. Катакази. 4 ноября 1834 г.

и образованному офицеру во всех отношениях»[21]. Уже в ноябре 1834 г. Корнилов направил российскому посланнику в Греции ведомость со своего брига. Кроме командира, в команде числились четыре мичмана, штурман, артиллерист и экипаж в составе 151 человека, из них шесть обер-офицеров, 16 унтер-офицеров и 111 рядовых[22].

На службе российской миссии и правительства Греции

Смена шхун в греческих водах происходила ежегодно. В июне 1835 г. произошла очередная смена: корвет «Сизополь» с командой в 220 человек под командованием Мессера сменил бриг «Фемистокл», а на смену корвету «Ифигения» отправилась шхуна «Гонец» под командованием адъютанта М.П. Лазарева лейтенанта В.И. Истомина[23]. Шхуна имела 85 человек команды, помимо офицеров и мичманов. Кроме того, на борту числились лекарь, плотник и музыканты. Одним из рейдов шхуна Истомина доставила пятерых певчих из хора Кишинёвского архиерея для посольской церкви афинской миссии[24]. После таких рейдов суда, прибывавшие из Константинополя, по требованию Министерства иностранных дел Греции должны были проходить семидневный карантин[25].

В августе 1836 г. корвет «Сизополь» был сменён бригом «Фемистокл», а место шхуны «Гонец» занял тендер «Луч»[26]. Из главного управления черноморского флота и портов, располагавшегося в Николаеве, Лазарев оповещал российского посланника в Греции в ноябре 1839 г. о посылке корвета «Ифигения» под командованием капитана второго ранга Юхарина на смену бригу «Эндимион» под командованием капитан-лейтенанта Зорина. Тогда же тендер «Струя» (лейтенант Соковнин) сменил шхуну «Ласточка» (лейтенант Истомин)[27]. В мае 1841 г. шхуна «Гонец» сменила тендер «Струя». В июне 1842 г. на смену шхуне «Гонец» отправлен бриг «Паламед» (капитан-лейтенант Бартенев), а на смену корвета «Пилад» – корвет «Андромаха» (капитан-лейтенант Истомин)[28]. В 1843 г. шхуна «Вестник» сменила бриг «Паламед», а бриг «Персей» – корвет «Андромаха»[29]. Всего на содержание судов Черноморского флота в Греческих водах выделялось 26 тыс. рублей серебром или 92 тыс. рублей ассигнациями на одну треть года[30]. Командиры судов пользовались уважением греческих властей, а российский

[21] *Там же.* Л. 12 об. А.П. Бутенев Г.А. Катакази. 22 ноября 1834 г.
[22] Там же. Л. 16-17. В.А. Корнилов Г.А. Катакази. 28 ноября 1834 г.
[23] *Там же.* Л. 33, 35, 42. А.П. Бутенев Г.А. Катакази. 20 июня 1835 г; Мессер Г.А. Катакази. 7 июля 1835 г.; М.П. Лазарев Г.А. Катакази. 5 июля 1835 г.
[24] *Там же.* Л. 47. В.И. Истомин Г.А. Катакази. 14 октября 1835 г.
[25] *Там же.* Л. 56. МИД Греции Г.А. Катакази. 10 февраля 1834 г.
[26] *Там же.* Л. 57, 59. М.П. Лазарев Г.А. Катакази. 18 и 31 августа 1836 г.
[27] *Там же.* Д. 357. Л. 17, 20. М.П. Лазарев Г.А. Катакази. 17 ноября 1839 г.
[28] *Там же.* Д. 439. Л. 8. 5, 10. Июня 1842 г.
[29] *Там же.* Д. 461. Л. 3; Д. 311. Л. 4.
[30] *Там же.* Д. 357. Л. 32. М.П. Лазарев Г.А. Катакази. 10 февраля 1840 г.

посланник давал им лестную характеристику. В январе 1840 г. Катакази отправил Лазареву похвальное письмо о командире «Ласточки» лейтенанте Истомине, «в отношении порядка на судне и постоянной готовности и ревности, с коими он исполнял поручения высочайше вверенной мне миссии»[31].

Таким образом, к афинской миссии, так же как к константинопольской, были приписаны несколько небольших военных судов, которые сменяли друг друга с ежегодным интервалом. Капитаны этих судов несли службу в греческих водах в течение нескольких таких командировок. Они в основном выполняли поручения дипломатического характера. Так, в 1836 г. Истомин получил предписание греческого посланника выйти на своей шхуне «Гонец» в Смирну для передачи депеш прибывшему туда же секретарю константинопольской миссии В.П. Титову[32]. Шхуна находилась в походе с 23 января по 18 февраля. Летом того же года Истомин выполнял ещё одно поручение российского посланника: он привёз в Александрию бумаги для передачи генеральному консулу в Египте А.О. Дюгамелю. Поскольку Дюгамель отбыл в то время в Сирию, Истомин передал бумаги первому драгоману консульства Просперу Лавизону, после чего отбыл в Эгину[33].

Восточный кризис конца 30-х гг. потребовал военного вмешательства греческого флота: по требованию генерального консула в Александрии А.И. Медема тендер «Струя» под командованием лейтенанта Соковнина прибыл в Египет «для охранения консульства и имущества российских подданных в теперешних смутных обстоятельствах»[34].

Конечно, содержание судов требовало внимания и затрат. В апреле 1836 г. во время очередной командировки в Грецию капитан шхуны «Гонец» Истомин докладывал российскому посланнику о том, что шхуну хорошо бы покрасить[35]. Для того, «чтобы привести шхуну в приличный вид», Истомин отпрашивался на Порос. Неизвестно, получил ли он такое разрешение, однако в сентябре того же года, сменяясь с тендером «Луч» под командованием лейтенанта Панфилова, прибывшим в Грецию, Истомин опять напоминал Катакази о том, что «Гонец» требует починки[36].

Служба в греческих водах была полна неожиданных ситуаций, которые нужно было решать незамедлительно. Вот некоторые из них. В мае 1836 г. Истомин докладывал российскому посланнику, что к нему обратился русский солдат, который начал службу во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг., названный в документе «Иван Назаров Кулеба». По его словам, он был крестьянином помещика графа Потоцкого Киевской губернии, Черкасского уезда, села

[31] *Там же.* Л. 98. Г.А. Катакази М.П. Лазареву. 7 января 1840 г.
[32] *Там же.* Д. 356. Л. 3 с об. В.И. Истомин Г.А. Катакази. 18 февраля 1836 г.
[33] *Там же.* Л. 71-72. В.И. Истомин Г.А. Катакази. 27 июня 1836 г.
[34] *Там же.* Д. 357. Л. 110. Г.А. Катакази М.П. Лазареву. 25 сентября 1840 г.
[35] *Там же.* Д. 356. Л. 31. В.И. Истомин Г.А. Катакази. 11 апреля 1836 г.
[36] *Там же.* Л. 89. В.И. Истомин Г.А. Катакази. 26 сентября 1836 г.

Визевка. Попав в плен в 1828 г., он бежал в Грецию, но, прослышав, что в Пирее стоят русские суда, прибыл сюда и заявил, что хочет служить своему государю[37]. Вероятно, Иван Кулеба был взят на борт, поскольку история имела продолжение. Уже в июле Истомин сообщал Катакази, что двое солдат – Иван Кулеба и Иван Александров 3 июля «скрылись» в Поросе со шхуны. Документ имеет карандашную пометку Катакази, вполне примечательную: «Жалеть нечего о побеге сих негодяев, но впредь господа командиры не должны пускать на берег таких сомнительных людей, которые не делают честь русскому имени»[38].

Второй случай произошёл в конце 1840 г. Российский бриг «Эндимион» при входе на афинский рейд в Пирее столкнулся с лодкой, в результате чего её владелец, грек Мавро Фалассити, погиб. В апреле 1842 г. Лазарев распорядился выдать семейству Фалассити 600 драхм. Однако выдача была приостановлена, поскольку ранее семейство получило от российского МИД компенсации в размере 1 тыс. драхм[39].

Капитаны судов сталкивались и с прямыми провокациями. В декабре 1841 г. Лазарев прислал предписание капитану корвета «Пилад» капитан-лейтенанту Алексееву немедленно удалить с корвета переводчика Ивана Любибратича и впредь не принимать его ни на какие суда в Греции и в Константинополе[40]. Это распоряжение было ответом на секретное донесение Катакази, который просил запретить «вход на военные наши суда иностранцев». Уроженец Рагузы Иван Любибратич – писал Катакази – был переводчиком и вхож на российские суда, поскольку знает русский и греческий языки. По словам посланника, он состоял в тесных отношениях с российскими командирами и офицерами. По некоторым подозрениям, Любибратич был связан с контрабандной торговлей, о чём греческое правительство предупреждало российскую миссию, обратившись с жалобой на переводчика[41].

Сохранились свидетельства отличной выучки и отважных действий команды русских судов при опасных обстоятельствах. Так, в июне 1839 г. в порту Пирея произошёл пожар, который, будучи замечен с корвета «Ифигения», был потушен русскими матросами. Действия лейтенанта Степанова и мичманов Жерве и Шестакова были отмечены капитаном 2-го ранга Юхариным. Кроме того, писал Юхарин, «нижние чины, подвергая себя опасности, показали перед всеми иностранцами себя достойными имени русских»[42].

Вероятно, мнение «иностранцев» значило много, что подтверждает следующий случай. В июле 1837 г. капитан-лейтенант Метлин докладывал Катакази, а тот, в свою очередь – директору Азиатского департамента МИД

---

[37] *Там же.* Л. 64-65. В.И. Истомин Г.А. Катакази. 22 мая 1836.
[38] *Там же.* Л. 76. В.И. Истомин Г.А. Катакази. 7 июля 1836 г.
[39] *Там же.* Д. 439. Л. 5-6, 9-11. М.П. Лазарев Г.А. Катакази. 30 апреля 1842 г.
[40] *Там же.* Д. 439. Л. 2. М.П. Лазарев Г.А. Катакази. 12 декабря 1841 г.
[41] *Там же.* Д. 357. Л. 131. Г.А. Катакази М.П. Лазареву. 24 октября 1841 г. Партикулярно. Секретно.
[42] *Там же.* Ф. Азиатский департамент. Оп. 729/2. Д. 10. Л. 199 с об. Юхарин Г.А. Катакази. 14 июня. 1839 г.

К.К. Родофиникину об эпизоде, названным «анекдотом», заслуживающим внимания высокого начальства. Команда брига «Фемистокл», будучи отпущена на берег в порту Пирея, стала свидетелем учений английских матросов со знаменитого брига «Портланд». Англичане стреляли из пушки по мишени, но попасть не могли. Тогда англичане выбрали первого попавшегося русского матроса – им оказался Пётр Петров, который и попал «в яблочко» первым же выстрелом. Это событие «не есть диво для русских», писал Катакази .

Заключение

Военные суда при российском посольстве в Афинах, входившие в состав Черноморского флота России, выполняли важную военно-дипломатическую миссию. Как часть дипломатического обеспечения российской миссии в греческой столице, они осуществляли почтовое сообщение с константинопольской миссией, через которую шла связь российских представителей в Греции с российским МИД. Кроме того, суда должны были выполнять поручения греческого правительства, что также входило в обязанности дипломатического корпуса российской миссии в Навплии и Афинах.

В числе командиров судов были будущие герои Севастопольской обороны В.И. Истомин и В.А. Корнилов, которые в службе при миссии нарабатывали морской опыт, развитый в последующие годы. В ходе Крымской войны они организовали оборону Севастополя и оба погибли на Малаховом кургане. Е.В. Путятин, также заслуживший самые лестные отзывы руководства афинской миссии, в дальнейшим стал не только прославленным адмиралом, но и выдающимся дипломатом. В 1852 г. он совершил экспедицию к берегам Дальнего Востока на фрегате «Паллада» и заключил в 1855 г. Симодский трактат – первый русско-японский договор о дружбе и торговле между Россией и Японией. Руководство российской миссии в Афинах давало самую высокую оценку деятельности этих капитанов на своём посту, их деловым качествам и морской выучке.

Сведения, приводимые в переписке Российского посланника в Греции с российским МИД и руководителем Черноморского флота и портов, представляют собой совершенно новую станицу в освещении деятельности российских военных судов в греческих водах, до сих пор неизвестную и не нашедшую освещения в научной литературе. Тот факт, что в составе офицеров греческой флотилии были и будущие герои Крымской войны, делает особенно ценным всё, касающееся их пребывания в Пирее и на Поросе.

[43] *Там же.* Л. 215–216. Метлин Г.А. Катакази; Г.А. Катакази К.К. Родофиникину. 21 июля 1837 г.

Об авторе:

Елена Петровна Кудрявцева – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела «Россия в международных отношениях» Ин-ститута российской истории РАН. 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. E-mail: demetr22@mail.ru

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 327(495:470)"18"+359.09(470.75)
Received: March 10, 2025
Accepted for publication: June 11, 2025

Black Sea Navy in the Service of the First Diplomatic Mission of Russia in Greece

E.P. Kudryavtseva
DOI 10.24833/2071-8160-2025-3-102-51-68

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

Abstract: The article presents an in-depth examination of previously unexplored historical materials regarding the role of Russian naval forces in supporting Russia's first diplomatic mission established in Greece shortly after the country gained independence. Drawing on a range of newly discovered archival documents from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire under the Ministry of Foreign Affairs, this research sheds light on the activities and contributions of Russian warships belonging to the Black Sea Fleet, which operated near the Peloponnese in close proximity to the Greek diplomatic establishments in Nafplio and Athens. Due to the restrictive conditions set forth by earlier Russian-Turkish treaties, Russia required special permission from the Ottoman Empire to pass its naval vessels through the Black Sea straits. This unique arrangement allowed a limited number of light warships to provide logistical support, facilitate urgent diplomatic assignments, and ensure secure diplomatic correspondence.

The Russian naval presence was notably concentrated on the island of Poros, strategically located near the port of Piraeus. This location served as a vital operational base, fostering closer diplomatic and maritime cooperation between Russia and the newly formed Greek state. Noteworthy among the commanders who annually rotated into this diplomatic naval service were future prominent figures in Russian naval history: young lieutenants Vladimir Kornilov, Vladimir Istomin, and Yevfimiy Putyatin. These officers, who would later gain widespread recognition as distinguished admirals and diplomats, gained invaluable early career experience through their assignments in Greek waters.

The study further emphasizes the multifaceted role of Russian naval forces, not only in providing diplomatic and logistical support but also in conducting critical surveillance, intelligence gathering, and protection of merchant shipping throughout the Greek Archipelago.

Ultimately, this detailed investigation underscores the significant yet largely unrecognized contribution of the Russian Black Sea Fleet to Russian-Greek diplomatic relations, illuminating an important chapter in maritime and diplomatic history during Greece's formative years as an independent state.

Keywords: Russian-Greece relations, embassy, Archipelago, Black Sea Fleet, diplomacy, warships

About the author:

Elena P. Kudryavtseva – Doctor of History, leading research worker in the department «Russia in the international relations» in the Institute of Rus-sian History of the Russian Academy of Sciences. 117036, Moscow, ul. Dm. Ulianov, 19. E-mail: demetr22@mail.ru

Conflict of interests:
The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Frary L. 2015. *Russia and the Making of Modern Greek Identity, 1821–1844.* Oxford. Oxford univ. press. 296 p.

Arsh G.L. 2009. Ustanovlenije russko-grecheskih diplomaticheskih otnoshenij (1828–1833) [Establishment of the Russian-Greece diplomatic relations (1828–1833)]. *Voina otkrivshaja epohu v istorii Balkan (K 180-letiju Adrianopolskogo mira).* Moscow. P. 182–191 (In Russian)

Arsh G.L. 2011. Admiral P.I. Rikord v Grecii (1828–1833) [Admiral P.I. Rikord in Greece (1828–1833)]. *Obscii stranici rossijskoj i greceskoj istorii.* Moscow. P. 11–20 (In Russian)

Bazili K.M. 1834. *Arhipelag i Grecija v 1830–1831 godah* [The Archipelago and Greece in 1830–1831]. Ch.1. Saint Petersburg. Tip. N. Greca. 256 p. (In Russian).

Fadeev A.V. 1958. *Rossija i Vostochnij krizis 20-h godov XIX veka* [Russia and the Eastern Crisis of 20-th of 19th Century]. Moscow: Izd-vo akademii nauk SSSR. 396 p. (In Russian)

Mezdunarodnije otnoshenija na Balkanah. 1815–1830 [International Relations on the Balkans. 1815–1830]. 1983. Moscow. Nauka. 296 p. (In Russian).

Mezdunarodnije otnoshenija na Balkanah. 1830–1856. [International relations on the Balkans. 1830–1856]. 1990. Moscow. Nauka. 349 p. (In Russian).

Paleolog G., Sivins M. 1867. *Istoricheskij ocherk narodnoj vojni za nezavisimost Grecii I vosstanovlenije korolevstva pri vmeshatelstve velikih derzav Rossii, Anglii i Francii* [The Historical Essay of the People's War for Independence of Greece and Recovery of the Kingdom with the Intervention of Russia, England and France]. Saint Petersburg. Tip. morskogo ministerstva. 214 p. (In Russian).

Tatiscev S.S. 1887. *Vneshnaja politika imperatora Nikolaja I* [The Foreign Policy of Emperor Nikolaus I]. Saint Petersburg. Tip. I.N. Skorohodova. 639 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Архангельский В. 1885. *Очерк истории греческой церкви со времени падения Константинополя до наших дней.* Москва: тип. Л.Ф. Снегирева. 302 с.

Арш Г.Л. 2009. Установление русско-греческих дипломатических отношений (1828–1833). *Война, открывшая эпоху в истории Балкан* (К 180-летию Адрианопольского мира). Москва.

Арш Г.Л. 2011. Адмирал П.И. Рикорд в Греции (1828–1833). *Общие страницы российской и греческой истории.* Москва.

Базили К.М. 1834. *Архипелаг и Греция в 1830–1831 годах.* Ч.1. Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча. 256 с.

Международные отношения на Балканах. 1815–1830. 1983. Москва: Наука. 296 с.

Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг. 1990. Москва: Наука. 349 с.

Палеолог Г., Сивинс М. 1867. *Исторический очерк народной войны за независимость Греции и восстановление королевства при вмешательстве великих держав России, Англии и Франции.* Санкт-Петербург: Тип. Морского министерства. 214 с.

Татищев С.С. 1887. *Внешняя политика императора Николая I.* Санкт-Петербург: Тип. И.Н. Скороходова. 639 с.

Фадеев А.В. 1958. *Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX века.* Москва: Изд-во акад. наук СССР. 396 с.

Вестник МГИМО-Университета. 2025. 18(3). С. 69–86
DOI 10.24833/2071-8160-2025-3-102-69-86

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Одесский «дневник» дипломата: письма М.А. Хитрово Н.П. Игнатьеву (1868–1871)

О.Л. Фетисенко

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук

В статье вводятся в научный оборот и подробно исследуются письма русского дипломата и поэта Михаила Александровича Хитрово (1837–1896), адресованные послу России в Константинополе Николаю Павловичу Игнатьеву, как источник по истории российской дипломатии второй половины XIX века. Основой анализа стали 66 писем, относящихся к периоду службы Хитрово дипломатическим чиновником при новороссийском и бессарабском генерал-губернаторе (1868–1871), отобранных из общего комплекса в 76 писем, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (фонд 730) и Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (фонд 325). Особое внимание уделено тому, как в переписке отразилась напряжённая внешнеполитическая ситуация, характеризующаяся ожиданием крупного европейского конфликта.

После краткого обзора биографии Хитрово, представления оценок его личности и деятельности современниками, а также анализа историографии вопроса, автор даёт детальную характеристику самого архивного источника. Выделены его основные тематические направления: служебные отчёты, оценки внешнеполитических событий, характеристики региональной жизни и местной администрации. Приведены наиболее значимые и яркие высказывания Хитрово о политической ситуации в России и Европе, о происходивших в Одессе событиях и деятельности Болгарского настоятельства. Показан круг обязанностей дипломатического чиновника того периода и подчёркнута тесная взаимосвязь переписки с публицистическими работами Хитрово. В заключении отмечена важность изучения данных писем не только для углубления понимания российской дипломатической истории второй половины XIX века, но и для более полного представления о жизни и службе одного из выдающихся представителей дипломатического корпуса эпохи князя А.М. Горчакова.

Ключевые слова: история дипломатии, дипломатический чиновник, М.А. Хитрово, Н.П. Игнатьев, Новороссийское генерал-губернаторство, Одесса, неизданные письма

УДК: 94(470) «1868/1871»: 327: 929Хитрово
Поступила в редакцию: 16.05.2025
Принята к публикации: 15.06.2025

В истории русской дипломатии много достопамятных страниц, много эпизодов, в которых можно усмотреть переклички с нашим временем или истоки современных событий и проблемных узлов. К числу подобных эпизодов относится, например, отмена ограничивавших права России на Чёрном море статей Парижского трактата, достигнутая в 1870 г., по слову Ф.И. Тютчева, «ни двинув пушки, ни рубля».

Фигуры канцлера князя А.М. Горчакова и посла в Константинополе Н.П. Игнатьева стали легендарными, однако их архивное наследие до сих пор не изучено досконально. Так, огромный фонд Игнатьева в Государственном архиве Российской Федерации (ф. 730), с которым постоянно работают историки (Хевролина 2004), ещё далёк от стадии полного введения в научный оборот. Мало исследована деятельность сподвижников Игнатьева, одним из которых был герой настоящей статьи, Михаил Александрович Хитрово (1837–1896). Начальный период его службы консулом в Западной Македонии обстоятельно представлен в исследованиях историка-слависта М.М. Фроловой (Фролова 2013а, 2013б, 2014а, 2014б, 2014в, 2015, 2018, 2024), дипломатические донесения из Битоли и позднейшие, из Софии, использованы в работах И.Г. Сенкевич (Сенкевич 1963)[1] и В.И. Косика (Косик 1990, 1997, 2003); литературное творчество и некоторые детали биографии Хитрово рассматривались в работах автора этой статьи (Фетисенко 2014, 2016, 2019, 2020). Но это лишь первые подступы к изучению жизни и наследия дипломата, немало послужившего своей стране. Хитрово безусловно заслуживает серьёзного монографического исследования, а его донесения, которые отличали прекрасный слог (Карцов 1906: 140) и «острая наблюдательность, зрелость суждений, правильная оценка политической обстановки на Балканах» (Сенкевич 1963: 237), ждут полновесной научной публикации. То же самое можно сказать и о частных письмах Хитрово к Игнатьеву, послуживших материалом для данной статьи.

Настоящая работа посвящена наименее изученному периоду жизни Хитрово: его службе дипломатическим чиновником при новороссийском и бессарабском генерал-губернаторе, пришедшейся на непростое в политическом отношении время – 1868–1871 гг. Сам этот вид дипломатической деятельности в последние годы всё чаще привлекает внимание исследователей, но в имеющихся работах исследована преимущественно деятельность чиновников при туркестанском и приамурском генерал-губернаторах[2]. Нам не удалось найти ни одной статьи, посвящённой дипломатическим чиновникам, служившим в Одессе. Между тем во второй половине XIX в. это весьма значимый пост, хотя бы благодаря своей роли связующего звена между Петербургом и посольствами

[1] Статья И.Г. Сенкевич была первой работой, посвященной дипломатической деятельности М.А. Хитрово.
[2] См. например: (Сорокина 2005; Куликов 2021; Куликов 2024; Мамкина 2023).

в Константинополе и Белграде. Едва ли стоит объяснять важность подобного исторического материала в связи с изучением Новороссии и русской, имперской, Одессы как её «столицы». То, что из многолетней переписки Хитрово с Игнатьевым лучше всего, практически без утрат, сохранились именно письма одесского периода, можно считать большой удачей.

Вспомним, на какое время приходится служба Хитрово в Одессе: Критское восстание, угроза войны Турции с Грецией, которая могла перерасти и в большую европейскую войну с участием России; возвращение Россией прав на Чёрном море, прокламированное в циркулярной депеше Горчакова от 19 октября 1870 г. (много писем Хитрово посвящено реакции на неё в России и Европе). Хитрово не знал, что это готовится, но чувствовал необходимость подобной акции. До самого получения известий о знаменитой депеше он упрекал петербургскую дипломатию и особенно самого канцлера в бездействии. Не исключено даже, что его постоянные инвективы, подкреплявшие патриотическую позицию Игнатьева и преломленные в общении последнего с главой Министерства, косвенно ускоряли политический процесс.

Сам Хитрово рано пришёл к мысли о бесполезности дипломатии, о чём свидетельствуют строки его письма к Ивану Аксакову, в которых применительно к деятельности дипломатов он напоминает своему корреспонденту о мухе из басни, жужжащей: «И мы пахали» (Фетисенко 2019: 107.). Разочаровавшись в ходе русской и европейской внешней политики, он говорил, что не видит других дипломатов, кроме неполезных и просто вредных. Он ратовал за прямые действия (войны, подъём национально-освободительных восстаний) и в то же время, как сейчас сказали бы, «мягкую силу». Такую он видел, например, в культурном объединении славян.

Пусть Запад весь, в безумном ослепленьи,
Свой топит свет в пожарах и в крови –
Мы строим храм славянского общенья
Во имя братства и любви![3]

Итак, предметом статьи послужили документы архивных фондов: фонда Игнатьева в ГА РФ[4] и фонда Хитрово в Институте русской литературы[5]. Чтобы избежать большого количества сносок на одно и то же архивное дело, цитировать материалы из ГА РФ будем лишь с указанием листа в скобках. К сожалению, из ответных писем Игнатьева, относящихся к этому периоду, сохранилось лишь одно, оно использовано в нашем исследовании. Сразу подчеркнём,

[3] Хитрово М.А. *Стихотворения*. Изд. 2-е СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. С. 159.
[4] ГА РФ. Ф. 730. Оп. 1. Ед. хр. 4116.
[5] Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (далее: РО ИРЛИ). Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 73.

что рассматривались частные письма (не случайно и у Игнатьева они хранились отдельно от официальных донесений). Изучение официальных документов, направлявшихся Хитрово из Одессы в Азиатский департамент МИД и в константинопольское посольство – тема отдельного исследования. Но и частные письма, как станет ясно из дальнейшего, тематически совершенно идентичны кругу вопросов, затронутых в деловой документации. В них говорилось о том же, но более доверительно, акцентировались детали или характеристики, которым по разным причинам не было место в донесениях. Это как бы секретные примечания к официальным бумагам; на ряде писем встречаются пометы «секретно», «весьма секретно», как на донесениях. Особенности авторской орфографии и пунктуации сохраняем, чтобы не потерять «патины времени». Прежде чем перейти к характеристике эпистолярного комплекса, напомним биографию автора писем.

«Он Россию любил и в неё верил»: жизнь и труды М.А. Хитрово

Михаил Александрович Хитрово, потомок русских бояр Хитрово и князей Вяземских, принадлежал к семейству историческому; достаточно сказать, что его прадед – фельдмаршал М.И. Кутузов. Родился будущий дипломат, поэт, переводчик и коллекционер 1 февраля 1837 г. в Москве через несколько дней после смерти А.С. Пушкина, с которым была дружна его двоюродная бабушка Е.М. Хитрово. В 1840-е гг. его отец, Александр Николаевич Хитрово (1805–1865), служил вице-губернатором в Калуге. Здесь и в калужском имении Пройдево прошло детство Михаила. Ему была уготована военная карьера: после выпуска из Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, пришедшегося на время Крымской войны (1855), он был определён прапорщиком в 4-й Резервный дивизион лейб-гвардии Конно-гренадерского полка, который охранял побережье Финского залива, служил в сформированной в этом полку вольтижёрской команде и получил за свои успехи «Высочайшее благоволение»[6], в августе-сентябре 1856 г. находился в Москве в составе войск Гвардейского и Гренадерского корпусов, 2 мая 1857 г. «по домашним обстоятельствам» вышел в отставку в звании поручика. В 1858 г. в качестве секретаря Хитрово сопровождал Б.П. Мансурова в его миссии в Иерусалим[7], 7 февраля 1859 г. поступил на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел в должности переводчика, через год стал чиновником особых поручений в том же департаменте, а в январе 1861 г. получил назначение управляющим в только что учреждённое консульство в Битоле (ранее Монастир), в Западной Македонии. Он направился туда с одушевлением «защищать в Болгарии Православие и бороться против

[6] АВПРИ МИД РФ. Ф. 159. Оп. 464. Ед. хр. 3514. Л. 1 об.
[7] Об этой миссии, укрепившей русское присутствие на Святой Земле, см. (Кондаков 2023).

Католицизма <…> поддерживать наше влияние» (слова, которые запомнил К.Н. Леонтьев, встретившийся со старым приятелем в Петербурге; Леонтьев 2003: 403)[8].

В Румелии, как назывались в Османской империи земли, где пришлось начать свою службу Хитрово, он заслужил популярность у болгар и албанцев и активно поддерживал их национально-освободительные движения, причём бывал и весьма неосторожен. Как писал потом его младший сослуживец К.А. Губастов: «…причинил он вольный или невольный вред, некоторых компрометируя, а некоторых и подводя под различные наказания (и даже смертные казни)…»[9]. В 1863 г. Н.П. Игнатьев, тогда – директор Азиатского департамента, намекнул на возможность перевода Хитрово в генеральное консульство в Белграде, что было бы беспрецедентным карьерным успехом для едва начавшего свою службу. Хитрово отказался, но потом много лет жалел об этом и тосковал о Сербии.

Тем временем Министерство иностранных дел, опасаясь обострения русско-турецких отношений, сочло целесообразным удалить чрезмерно энергичного консула от политической деятельности, направив на канцелярскую работу: в 1864 г. Хитрово переведён вторым секретарём Императорской миссии в Константинополе (пост посланника тогда занял Игнатьев). Впрочем, это совпало и с желанием самого консула: когда его деятельность начальство стало сдерживать, он заскучал в «безысходном одиночестве» Битоли, казавшейся теперь «трущобой», и просил Игнатьева подыскать для него другое место, выражая при этом лишь одно желание – не расставаться «с славянским востоком»[10].

Этот период его служебной деятельности, в отличие от битольского, совершенно не изучен, и материалов для подобного изучения очень мало, ведь секретари не пишут донесений сами, а работают с чужими текстами. Но в случае Хитрово это было не совсем так. Судя по проговоркам в позднейших письмах, он часто выполнял секретные поручения Игнатьева, служа посредником между ним и болгарскими, албанскими, сербскими и черногорскими деятелями разного уровня, в частности, сербским политиком Йованом Ристичем. Из Константинополя Хитрово в 1867 г. присылал корреспонденции в редактируемую И.С. Аксаковым газету «Москва» (ранее, в 1862 г., он был битольским корреспондентом аксаковского «Дня»)[11].

---

[8] Встреча и беседа с другом детства повлияли на решение Леонтьева поступить на дипломатическую службу. Впоследствии Хитрово стал одним из трёх (пожалуй, важнейшим) прототипов консула Благова романов Леонтьева «Одиссей Полихрониадес» (1872–1878) и «Египетский голубь» (1881–1882).

[9] Отдел рукописей Государственного музея истории российской литературы им. В.И. Даля. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 50 об. (письмо К. Н. Леонтьеву от 24 апреля 1891 г.).

[10] Л. 10. Л.10 об.

[11] В настоящее время его статьи, в том числе оставшиеся неизданными, собраны и готовятся в Пушкинском Доме к изданию вместе со стихотворениями, поэмами и письмами к Аксакову и Игнатьеву.

В 1868 г. Хитрово женился на Софье Петровне Бахметевой, официально – племяннице, а фактически дочери графини С.А. Толстой, жены поэта и драматурга графа А.К. Толстого. Поскольку настоящее происхождение девушки скрывалось, жених мог и не знать, что она приходится ему двоюродной сестрой (по отцу, князю Вяземскому). Нужно было искать места с более высоким доходом, и в одном из писем к Игнатьеву Хитрово признался, что предпринял хлопоты об этом и князь Горчаков предложил ему пост дипломатического агента при новороссийском и бессарабском генерал-губернаторе. Эта должность издалека казалась не слишком обременительной, но в жизни пришлось столкнуться с иным (об этом далее), и Хитрово скоро стал забрасывать Игнатьева просьбами – забрать его снова к себе на Босфор.

Это удалось осуществить: в мае 1871 г. Хитрово вернулся в Константинополь в должности генерального консула, но позднее, в преддверии русско-турецкой войны, постарался избавиться от всегда тяготившей его сугубо канцелярской деятельности и был командирован в распоряжение великого князя Николая Николаевича в качестве дипломатического чиновника. При штабе главнокомандующего Хитрово провёл всё военное время. В 1878 г. он был директором дипломатической канцелярии в этом штабе, в 1878–1879 гг. – генеральным консулом в Салониках[12], что напоминало скорее ссылку, и даже не слишком почётную; в 1881 г. стал дипломатическим агентом и генеральным консулом в Софии, откуда был отозван в 1882 г. по личному требованию князя Александра I Баттенберга[13]. Почти год он формально оставался в прежней должности, ожидая в России решения своей участи, и затем был послан консулом в Египет – снова фактически в ссылку. В 1886–1891 гг. Хитрово служил чрезвычайным посланником и полномочным министром в Румынии, где не преуспел, полностью испортив отношения с королём Карлом; осенью 1891 г. получил назначение в Португалию, где почти не имел возможности себя проявить, и, наконец, в 1892 г. стал послом в Японии.

Скончался он скоропостижно в ночь на 30 июня 1896 г. в Петербурге, «гуляя по саду своей дачи на Аптекарском острове» (Энде 1896: 2), после горячего спора с министром, князем А.Б. Лобановым-Ростовским, о русско-китайских и русско-японских отношениях (Хитрово предостерегал от опасности осложнить последние). В нескольких журналах и газетах появились некрологи, из которых читатель мог узнать, что дипломат был ещё и поэтом. За полгода до его кончины вышло второе, дополненное, издание сборника его стихотворений, впервые изданного в 1881 г. Наиболее подробный некролог написал для журнала «Вестник

[12] В Македонии тогда ещё жива была память о его деятельности в 1860-х гг., и славянское население с радостью отнеслось к этому назначению. В.К. Караконовский (болгарин, врач русского посольства в Константинополе) писал ему 22 октября 1878 г.: «Болгаре в восторге и радуются, что именно Вас назначили генеральн<ым> консулом в Македонию». *РО ИРЛИ*. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 400. Л. 3.

[13] Подробнее об этом см. (Косик 1990).

Европы» Вл.С. Соловьёв (Соловьев 1896), а в письме к издателю этого журнала, М.М. Стасюлевичу, заметил: «Я искренно пожалел о внезапной смерти Хитрово <…>. Он очень изменился к лучшему под конец жизни, и деятельность его в Японии была безукоризненна» (Соловьев 1908: 136–137).

Дипломатическую деятельность Хитрово современники оценивали[14] как неудачную, обнаруживали в ряде его действий легкомыслие, но, с другой стороны, признавали и большие достоинства – искренний патриотизм, не-«шаблонность» мысли и – в нужную минуту – «редкое гражданское мужество» (Карцов 1906: 140, 141). К.Н. Леонтьев в начале 1870-х гг. искренно считал Хитрово «одним из самых блестящих наших деятелей» (Леонтьев 2017: 601). Позднее он несколько изменил свою точку зрения. Леонтьев посвятил Михаилу Александровичу большой фрагмент письма К.А. Губастову от 25 марта 1891 г., которое впервые было опубликовано в «Русском обозрении» в 1897 г. По поводу данной Леонтьевым оценки архимандрит Киприан (Керн) высказался так: «Характеристика <…> просто убийственная, приводить которую не стоит» (Киприан (Керн) 1959: 10–11). С небольшими сокращениями процитируем эту «убийственную характеристику», чтобы воссоздаваемый нами портрет не был слишком идеализированным:

Он только всё посланное ему судьбой портить умеет. — Про этого человека можно сказать почти то же, что говорили про Регента (Франции в XVIII веке) Филиппа Орлеанского: “Небо (или природа, не помню) дало ему множество даров, но он их все употребил на злое или порочное”. — Знатный род, красота и физическая сила; — выгодные связи; острый ум и смелость; твердость духа; образованность; литературный даже дар; — прекрасную служебную дорогу с ранних лет; жену <…> весьма умную, ловкую в высшей степени, изящную донельзя <…>! И что же он изо всего этого сделал?! Его имя и высокие связи помогли ему на службе далеко не настолько, насколько могли бы помочь другому более здравомыслящему человеку — благодаря его грубой бестактности на службе <…> его смелость и остроумие — служили только для оскорбления других без нужды; — его твердость — выражалась лишь в каком-то ребяческом упрямстве там, где не нужно; — в его эстетическом развитии не оказалось даже творчества и оригинальности <…> Стихотворный дар его пошел лишь на обидные личные эпиграммы да на бесцветные <u>по духу</u> и <u>слишком общие</u> по манере — стихи в полу-либеральном и лже-христианском духе <…>. В политических и социальных идеях влачился всегда по пятам либералов и смеялся (<u>помните??</u>) над моими “пророчествами”....[15] <…> Одним словом, — я по поводу его характера,

[14] См. посвящённую Хитрово главу неизданных мемуаров К.А. Губастова, впервые опубликованную в приложении к нашей статье (Фетисенко 2014: 137–146). Вообще оценки его личности были полярно-противоположными (характерные примеры см.: Фетисенко 2019: 103). Младшему современнику князю Э.Э. Ухтомскому Хитрово запомнился как «блестящий, интересный человек, величавый барин» и «большой Дон-Жуан» (Лукьянов 1992: 401).

[15] Леонтьев подразумевает негативную оценку, которую Хитрово дал его книге «Византизм и Славянство», создававшейся в Константинополе, т. е. на глазах сотрудников посольства.

еще в Константинополе — вспоминал всегда одну забавную статью Сеньковского[16] *(конца 40-х годов); — в ней Сеньковский забавляется подстрочным, сообразным с корнями древне-греческими, переводом — имен героев и героинь Илиады и др<угих> греч<еских> произведений; — напр<имер>, Андро-маха (андрос — муж и ма́хо — сражаюсь, бьюсь, бью) — мужетузиха <…>. Имя же главного вождя греков под Троею — Агамемнона Атрида (сына Атре́ева) по-русски значит: Распребешен Невпопадович. — Ну, согласитесь, — что это имя — Распребешен Невпопадович... точно нарочно для Хитрова придумано! Всё — невпопад; и энергия — вся — без пользы и себе, и другим...» (Леонтьев 2021: 72–74).*

В Министерстве, как чувствовал сам Хитрово, его недолюбливали, если не сказать: опасались его неуёмной энергии, но с течением времени всё ярче высвечиваются его достоинства, верность долгу, широта интересов и, скажем архаично: глубина разумения. Эти свойства проявлены и в одесских письмах.

Автор, адресат и письма

Адресат писем, о которых пойдёт речь, не нуждается в специальном представлении. Николай Павлович Игнатьев (1832–1908, с 1878 – граф) – один из самых крупных русских дипломатов и государственных деятелей XIX в. Для Хитрово он был не только начальником в первый период его службы и в 1870-х гг., но и свойственником по жене (Игнатьев был женат на троюродной сестре Хитрово, княжне Е.Л. Голицыной). По свидетельству современника, их отношения не были ровными, по возвращении в Константинополь Хитрово стал позволять себе некоторую фронду и даже брал себе в подкрепление жену и тёщу посла, своих близких родственниц (Фетисенко 2013: 138). В сохранившихся письмах, однако, нет и следов фрондёрства, как нет и заискивания. Есть признание должной дистанции, но при этом – и сохранение достоинства, поддерживаемого и принадлежностью к одной социальной группе; за спиной Хитрово было, может быть, даже больше влияния в «высших сферах», которым, впрочем, он мало пользовался. Для понимания отношения сослуживцев к Игнатьеву приведём цитату из письма А.И. Нелидова К.А. Губастову от 12 (25) ноября 1909 г.: «…человек он был сложный. Рядом с огромными качествами – печальные недостатки, и при поражающе ясном понимании русских интересов – полное отсутствие какой-нибудь системы в их направлении» (Фетисенко 2006: 661–662). Возможно, именно это «отсутствие системы» и подталкивало Хитрово к его спорам и ссорам с начальником, но сближало и примиряло их общее служение «русским интересам».

[16] Речь идёт о статье О.И. Сенковского (Барона Брамбеуса) «Одиссея и ее переводы» (Библиотека для чтения. 1849. Т. 45, кн. 2).

Количество отложившихся в АВПРИ донесений Хитрово Игнатьеву, вероятно, ещё никто не подсчитывал. Сохранившийся комплекс частных его писем невелик: 76 писем Хитрово 1862–1892 гг. и два ответных письма Игнатьева[17]. По объёму они составляют более 8 авторских листов. Большинство писем (73) находятся в фонде Игнатьева в ГА РФ, три других выявлены в ИРЛИ, где имеются и черновики двух писем, представленных в ГА РФ в виде беловых автографов[18]. Это письма из Битоли, Одессы, Красного Рога (имения графа А.К. Толстого), Бухареста, Петербурга. Константинопольский период по понятным причинам выпадает: собеседники находились в одном городе. Имеется только одно письмо (с черновиком и отпуском) 1871 г. Подробнее всего, как уже было сказано, сохранились письма одесского периода (1868–1871), возможно, их выделил сам Игнатьев как наиболее ценные. В то время Игнатьев уже был не начальником Хитрово, но влиятельным старшим коллегой, с которым связь поддерживалась и по долгу службы, и из желания обменяться мыслями, и по родственным соображениям. Этих писем 66, включая первое, от 15 мая 1868 г. из Петербурга, в котором Хитрово сообщает о том, что получил от князя Горчакова предложение перейти на службу в Одессу[19] (). Вычесть можно было бы два письма 1870 г., написанных во время отпуска в Красном Роге, но и в них имеются отступления об одесских делах. Последнее письмо, от 3 апреля 1871 г. (), уже полно ожиданиями возвращения в Константинополь[20].

Наиболее объёмно, 24 письмами, представлен 1870 г. В корреспонденции наблюдалась разная частотность. Видно, что обычно Хитрово писал раз в неделю, иногда раз в пять дней, порой и чаще, подлаживаясь к шедшим в Константинополь пароходам. Некоторые письма писались с продолжением, так что их можно рассматривать как своего рода дневник (отсюда название нашей статьи) или подробный отчёт, чего служебные обязанности, в сущности, не требовали. Отчёты Хитрово представлял в Азиатский департамент, Игнатьева должен был лишь при необходимости информировать.

Поскольку перед нами письма частные (хотя, как уже было сказано, иногда и сопровождённые пометой «весьма секретно», присущие скорее официальным донесениям), в них чувствуется и исповедальное начало, особая доверительность. Хитрово не раз говорит о своих болезнях и огорчениях, о непонимании со стороны губернского начальства[21], о семейной трагедии – внезапной кончине первенца.

---

[17] РО ИРЛИ. Ф. 325. Оп. 1. Ед. хр. 384.

[18] Там же. Ед. хр. 73, 764. В последней единице хранения вместе с черновиками писем к Игнатьеву ошибочно оказалось и письмо к его тёзке, Н.П. Шишкину (1895).

[19] Л. 12–14 об.

[20] л. 191–192Недавно удалось установить точную дату приезда Хитрово в Константинополь в должности генерального консула. Это произошло 11 (23) мая 1871 г., т.е. – что было символично для него – в день св. Кирилла и Мефодия, просветителей и покровителей славянства. Источник, по которому установлена эта дата, – письмо монаха афонского Андреевского скита Иезекииля (Бокова) к настоятелю, архимандриту Феодориту (Крестовникову). См. (Талалай, Фетисенко 2024: 202).

Несмотря на то, что Хитрово попросился в Одессу, видимо, сам, он очень скоро обратился к Игнатьеву, чтобы тот снова вернул его к политической деятельности. Он даже считал, что должность дипломатического чиновника в том виде, как она существует, можно бы упразднить.

М.А. Хитрово – дипломатический чиновник

На новом месте службы Хитрово застал полный беспорядок – запущенность огромного архива Дипломатической канцелярии, нечёткое разделение полномочий между ним и обычной канцелярией генерал-губернатора. Круг обязанностей он скоро расширил себе сам, ему были скучны только канцелярско-полицейские-тяжебные функции. В связи с ожиданиями большой европейской войны его занимала проблема обороны юга России[22], недостаточность вооружения (в 1868 г. имелось одно скорострельное ружьё на роту), необходимость строить военные суда на Азовском море, пока это невозможно на черноморском побережье; потребность углубить Керченский пролив; состояние тяжёлой промышленности, железных дорог, телеграфа и т. п. Генерал-губернатор поддерживал его опасения и обсуждал с ним собственную секретную переписку с Военным министерством. Хитрово активно брался хлопотать о реализации мысли Игнатьева об устройстве Русского банка в Константинополе: эту идею перехватили, и в Петербурге открылся Российский для внешней торговли банк. В Одессе Хитрово продолжил участвовать в «политических авантюрах» Игнатьева (в частности, в отправке в Албанию деятелей освободительного движения), всячески предлагал свою посредническую помощь. В начале декабря 1868 г. он восклицал: «Пошлите меня в Албанию, я Вам сделаю дело»[23].

В первые же месяцы пребывания в Одессе Хитрово принялся изучать местное общество. Особенно интересовали его славянские общины, широко представленные в Новороссии. Он пытался сблизиться с ними и воздействовать на них, желая направить их деятельность в сторону, наиболее соответствующую русским интересам. Сложные отношения у Хитрово сложились с Болгарским настоятельством – влиятельной благотворительной организацией, возглавляемой Н.Х. Палаузовым. При всей любви к славянскому миру дипломат критично

[21] Генерал-губернатором Павлом Евстафьевичем Коцебу (1801–1884) он сначала был склонен почти восхищаться, находя в нём единомышленника по вопросу о необходимости укреплять южные границы России. Позднее в письмах стали преобладать критические нотки вроде следующего намёка на остзейское происхождение губернатора и его симпатии к полякам, которых в новороссийской администрации было, по наблюдению Хитрово, очень много: «…в произношении нашем всё проявляются не русские звуки и мы что-то слишком много здесь танцуем мазурку» (л. 69 об.). Серьёзные столкновения произошли из-за хлопот Хитрово в связи с организацией Славянского общества в Одессе.

[22] «А Петербург! Петербург-то что? Ведь ей-Богу злость берет! Весь мир вооружается, а у нас здесь батальенишки в трехсотенном составе. Видно крепко надеется наше Министерство на всемогущество своего дипломатического пера, свершившего уже столько громких чудес, начиная с Парижского трактата» (Л. 35–35 об.).

[23] Л. 200 об.

относился к европеизированным болгарским старшинам, в этом он был близок своему старшему другу К.Н. Леонтьеву. Уже в первом сохранившемся письме к Игнатьеву из Одессы, от 30 сентября 1868 г., Хитрово дал такую характеристику руководителям настоятельства: «Господа эти привыкли разыгрывать весьма важную роль в политике маленького Новороссийского Королевства, не делая между тем ничего в Болгарском деле. Роль эту в особенности разыгрывают они перед доверчивым Азиятским Департаментом, весьма искусно представляя пузыри фонарями…»[24]. В декабрьском письме оценка ещё резче (надо помнить, что она дана во время неудачного завершения Критского восстания): «Досада берет, слушая их глупую болтовню о их глупом церковном вопросе[25]. Вообразите, что скоты эти не только не относятся сочувственно к греческому делу, но даже скорее враждебно и, мерзавцы! говорят о вероятном поражении греков как о деле, для них скорее выгодном, чем прискорбном. <…> это такая подлая эксплуатация русской доверчивости мнимым болгарским патриотизмом, что просто совестно. Эти самозванные представители болгарских страданий ничего не делают в пользу дела, под предлогом политики ничего не делают для образования, а под предлогом образования – ничего для политики. И в сущности всё ограничивается получением крестов, воспитанием своих детей на деньги, жертвуемые Россией на настоящих болгар, и интригами и сплетнями»[26].

Более высокого мнения Хитрово был о Тодоре Минкове и его Южнославянском пансионе в Николаеве, который он фактически негласно ревизовал по поручению Азиатского департамента. Любовь к славянскому делу привела к сближению Хитрово с профессорами Новороссийского университета В.И. Григоровичем и В.В. Богишичем. Вместе с ними он создавал Славянское общество и Славянскую библиотеку в Одессе и в письмах к Игнатьеву сетовал на множество препон, которые встретила эта инициатива и в Одессе, и в Петербурге. Собственно, идея создания этих учреждений принадлежала ему, но как чиновник он не мог действовать под собственным именем[27], и потому его роль сейчас совершенно забыта. Между тем именно Хитрово первым заговорил о необходимости в Одессе славянской газеты на болгарском, сербском и русском языках, предложив название для неё «Болгарский колонист».

В Одессе Хитрово видел центр связи России со славянским миром. 9 февраля 1870 г. он писал Игнатьеву: «Вы согласитесь, что Одесса как значительный общественный русский центр, по близости к Константинополю и к всему южнославянскому миру должен будет рано или поздно оказывать значительное

[24] Л. 16–16 об.

[25] Имеется в виду вопрос о создании особой юрисдикции Болгарской церкви, построенной по национальному принципу и независимой от Вселенской патриархии.

[26] Л. 199 об. – 200.

[27] Хотя в правление общества он вошёл.

влияние на сношения наши с Турцией и ее народонаселение, в особенности же на болгар»[28]. К этой теме он возвратился и в письме от 19 декабря того же года: «Я уже давно имел в виду то значение, какое может и должна приобрести в будущем Одесса, если она сделается действительно средоточием умственного обмена между Россией и прочим Славянским миром»[29].

В письмах имеются интересные характеристики тогдашней Одессы. Например: «…Одесса – польский город. В высших чинах здесь только и слышны имена различных графов и князей -ских, редко перемешанные кой-какими аками»[30], т.е. греками. Впоследствии Хитрово говорил о настоящем нашествии остзейской знати в Новороссию, о неумеренном (по его выражению, «китайском») подобострастии одесситов к главе губернии, особенно проявившемся во время широкого празднования в марте 1870 г. юбилея Коцебу – пятидесятилетия его офицерства и государственной службы.

Письма значительно дополняют наши знания о русской, имперской Одессе и о Новороссии. Так, в письме от 29 января 1871 г. названо имя подлинного основателя будущего Донецка (Юзовки) – не англичанина Д. Хьюза, а малоросса графа С.В. Кочубея, финансировавшего создание завода, с которого всё началось: «Вам, конечно, известно о деле Юза, каменноугольном и рельсовом. Юз почти подставное лицо, главный деятель С. Кочубей. По поводу этого обстоятельства Коцебу его терпеть не может…»[31]. В ряде корреспонденций дана оценка деловым и человеческим качествам важнейших представителей местной администрации.

Письмо от 2 апреля 1871 г.[32] – уникальное свидетельство очевидца известного четырёхдневного еврейского погрома, если не прямо спровоцированного, то вовремя не подавленного городскими и губернскими властями. «Нет, Николай Павлович, – восклицал Хитрово, подытоживая свой рассказ об этом происшествии, – не легко ввиду таких обстоятельств представлять Россию за границей. <…> Ну, что Вы скажете теперь туркам, если где-нибудь вырежут христиан? Обидно, обидно и обидно! Обидно за Россию, обидно за Государя, который дал свободу народу, за Государя, за Которого готов положить свои головы этот самый народ, доведенный до безумия лишь бестолковостию администрации. <…> У Вас в груди бьется русское сердце, и Вы поймете, что у меня происходит на душе. Много потерял я иллюзий, с тех пор как попал в эту образцовую Одессу, но такого безобразия, ей-Богу, не ожидал»[33].

[28] Л. 89.
[29] Л. 152.
[30] Л. 16 об.
[31] Л. 158.
[32] Л. 185-190 об.
[33] Л. 188-188 об.

Одесские письма бросают отсвет на ранние статьи Хитрово в газете «Москва» (1867): многие темы, намеченные там (например, трагедия Критского восстания и ошибка русского правительства, упустившего, как считал автор, момент, чтобы объявить Турции войну), развиты в письмах. Так, подводя итоги 1868 г., он негодовал: «Обидно и больно становится (впрочем, к этим чувствам нам не привыкать стать), как сравнишь теперешнее положение с тем, что было тому назад года полтора, когда Петербург так сильно трепетал перед мыслию о каком-либо решительном шаге. Мы, дескать, осторожны и рассудительны и желаем устранить грозу, – ну и устранили. <…> Они же теперь, небось, говорят, что, дескать, мы предсказывали, как будто вся невыгодная сторона нынешнего положения не их же рук творение. <…> по всей вероятности, нас только хватит на одни фразы и по обыкновению мы еще раз дадим себя надуть французам и перед своими будем хвастаться, что устранили грозу и еще раз спасли Россию…»[34].

Любопытно, что Хитрово, по предложению Игнатьева, чуть не стал одесским корреспондентом одной из константинопольских газет («Levant Herald», финансировавшейся британским правительством) и долго искал себе замену, перебирая кандидатов. Он считал, что корреспонденции должны быть посвящены серьёзным темам – промышленности, железным дорогам, торговле и т. п., рассчитывал писать глубокие статьи, но этот подход не заинтересовал царьградское издание. Успел Хитрово повлиять и на редакционную политику газеты «Новороссийский телеграф», убедив издателя дать «больший простор известиям с Востока» и предложив ему «рассылать газету его в некоторые наши консульства бесплатно, прося консулов наших от времени до времени посылать свои заметки и возражения против статей иностранных газет»[35]. Как видим, Хитрово был и неравнодушен, и многообразен в своей деятельности, далеко не ограничиваясь прямым кругом обязанностей.

Заключение

В комплексе неизданных писем Хитрово к Игнатьеву отчётливо выделяется сохранившаяся почти в полном объёме подборка, относящаяся к периоду трёхлетней службы автора в Одессе; эти документы можно рассматривать как связное повествование – хронику деятельности и своего рода исповедь дипломатического чиновника. Выделим тематические «блоки» писем: общественная жизнь Новороссии, отклики на внешнеполитические события, связь со славянским миром, состояние оборонительных сооружений и т. п.

[34] Л. 41 об. – 42.
[35] Л. 89 об.

Суждения, высказанные в письмах, позволяют составить более полное представление о мировоззрении их автора, увидеть в эпистолярных текстах «комментарий» к печатным произведениям Хитрово, прежде всего к его корреспонденциям в газету «Москва» эпохи Критского восстания. Для понимания характера Хитрово, круга его интересов, его профессионализма, широты его взглядов письма к Игнатьеву поистине бесценны.

Неизданные письма яркого дипломата, интерес к которому очевидно растёт (одно из косвенных свидетельств этому – появление компилятивных статей и очерков о Хитрово на различных интернет-ресурсах), заслуживают научного издания и внимательного изучения. Их публикация может побудить историков к новым исследованиям, а широкому кругу читателей более живыми красками обрисует немаловажную страницу «нашего переходного времени», как назвал вторую половину XIX в. славянофил Н.М. Павлов.

Об авторе:

Ольга Леонидовна Фетисенко – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук. 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4. E-mail: betsy98@mail.ru

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 94(470) «1868/1871»: 327: 929Хитрово
Received: 16 May 2025
Accepted for publication: 15 June 2025

A Diplomat's Diary from Odessa: The Letters of Mikhail Khitrovo to Nikolai Ignatiev, 1868–1871

O.L. Fetisenko
DOI 10.24833/2071-8160-2025-3-102-69-86

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences

Abstract: The State Archives of the Russian Federation and the Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) hold a significant collection of previously unpublished letters written by Russian diplomat Mikhail Alexandrovich Khitrovo (1837–1896) to his senior colleague and notable statesman Nikolai Pavlovich Ignatiev (1832–1908). This

article represents the first detailed scholarly analysis of this historically valuable epistolary corpus, comprising 76 letters, with a focused examination of 66 letters dating from Khitrovo's tenure as a diplomatic official attached to the Governor-General of Novorossiya and Bessarabia from 1868 to 1871.
The study begins by presenting essential biographical information about Khitrovo, emphasizing his distinguished lineage as a great-grandson of Field Marshal Mikhail Kutuzov, and provides contrasting assessments of his character and professional capabilities as recorded by his contemporaries. After situating Khitrovo within the broader historiographical context and reviewing existing scholarly works dedicated to his diplomatic career, the author turns to a thorough examination of the archival materials. The letters are carefully characterized, with particular attention given to their thematic richness, which includes detailed reporting on regional developments, incisive observations on Russian foreign policy, evaluations of local administrative authorities, and reflective commentary on significant political events unfolding in and around Odessa.
Through careful textual analysis, the article highlights the letters' value in elucidating the multifaceted responsibilities and day-to-day realities of a Russian diplomatic official in the late 19th century. Moreover, these personal correspondences are shown to complement and enrich Khitrovo's published articles and essays, thereby deepening our understanding of his intellectual and political stances. The article concludes by underscoring the broader significance of this epistolary collection, asserting that its publication and further study would offer critical insights into the operational complexities of Russian diplomacy, as well as provide a more comprehensive portrait of Khitrovo as a prominent yet controversial figure within the diplomatic milieu of his era.

Keywords: history of diplomacy, diplomatic official, M.A. Khitrovo, N.P. Ignatiev, Novorossiya Governorate General, Odessa, unpublished letters

About the author:

Olga L. Fetisenko – DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarova Emb., 4, 199034, St. Petersburg, Russia. E-mail: betsy98@mail.ru

Conflict of interests:
The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Ende 1896. *Novosti i Birzhevaya Gazeta*, July 5(183), p. 2. (In Russian).

Fetisenko O.L. 2006. Preambula kommentariya k zametke K.N. Leont'eva «Posvyashcheniye N.P. Ignat'yevu» [Preamble to the commentary on K.N. Leontiev's note «Dedication to N.P. Ignatiev»]. In: Leontiev K.N. *Polnoye sobraniye sochinenii i pisem v 12 tomakh.* Vol. 7, Book 2. Vladimir Dal', St. Petersburg, pp. 660–663. (In Russian).

Fetisenko O.L. 2014. *Ezhegodnik Rukopisnogo Otdela Pushkinskogo Doma na 2013 god*, pp. 97–146. (In Russian).

Fetisenko O.L. 2016. *Russkaya literatura,* (1), pp. 80–89. (In Russian).

Fetisenko O.L. 2019. *Nashe nasledie,* (129/130), pp. 100–113. (In Russian).

Fetisenko O.L. 2020. Mikhail Khitrovo (1837–1896) i ego «piiticheskie dosugi» (K portretu diplomata i poeta) [Mikhail Khitrovo (1837–1896) and his «poetic leisure» (On the portrait of a diplomat and poet)]. In: Takho-Godi E.A. (ed.). *Predsimvolizm – liki i otrazheniya.* IMLI RAN, Moscow, pp. 223–232. (In Russian).

Frolova M.M. 2013a. Katolicheskaya propaganda v Zapadnoi Makedonii po doneseniyam rossiiskikh diplomatov iz Bitolya (1861–1864) [Catholic propaganda in Western Macedonia according to reports of Russian diplomats from Bitola (1861–1864)]. In: *Mezhkonfessionalnye, kulturnye i obshchestvennye svyazi Rossii s zarubezhnymi slavyanami.* Nestor-Istoriya, Moscow; St. Petersburg, pp. 268–281. (In Russian).

Frolova M.M. 2013b. K voprosu o sotsio-konfessionalnoi obstanovke v Bitolskom eyalete v 1861 g. (po doneseniyam russkogo diplomata M.A. Khitrovo) [On the socio-confessional situation in the Bitola Eyalet in 1861 (based on reports by Russian diplomat M.A. Khitrovo)]. In: Churkina I.V. (ed.). *Slavyane i Rossiya.* Institut slavyanovedeniya RAN, Moscow, pp. 536–573. (In Russian).

Frolova M.M. 2014a. Albanskie i slavyanskie naseleniya Okhridskogo kaimakamlyka po doneseniyam rossiiskikh diplomatov (60-e gody XIX v.) [Albanian and Slavic populations of the Ohrid Kaymakamlik according to reports of Russian diplomats (1860s)]. In: Iskenderov P.A. (ed.). *Nezavisimost' Albanii v obshchebalkanskom kontekste.* Institut slavyanovedeniya RAN, Moscow, pp. 80–122. (In Russian).

Frolova M.M. 2014b. Materialy o puteshestvii russkogo konsula M.A. Khitrovo po Okhridskomu kaimakamlyku letom 1864 g. [Materials about the journey of Russian consul M.A. Khitrovo through the Ohrid Kaymakamlik in the summer of 1864]. In: Iskenderov P.A. (ed.). *Nezavisimost' Albanii v obshchebalkanskom kontekste.* Institut slavyanovedeniya RAN, Moscow, pp. 288–328. (In Russian).

Kartsov Yu.S. 1906. *Sem' let na Blizhnem Vostoke.* Ekonomicheskaya Typo-lithographiya, St. Petersburg. (In Russian).

Khevrolina V.M. 2004. *Rossiiskii diplomat graf Nikolai Pavlovich Ignatiev.* Institut rossiiskoi istorii, Moscow. (In Russian).

Kosik V.I. 1990. *Sovetskoye slavyanovedeniye,* (6), pp. 18–28. (In Russian).

Kosik V.I. 1997. *Konstantin Leontiev: razmyshleniya na slavyanskuyu temu.* Zertsalo, Moscow. (In Russian).

Kosik V.I. 2003. Iz «semeinoi khroniki slavyanstva» (Bolgariya v mezhdunarodnykh otnosheniyakh 1879–1896 gg.) [From the «family chronicle of Slavdom» (Bulgaria in international relations, 1879–1896)]. In: Vinogradov V.N. (ed.). *V «porokhovom pogrebe Evropy»,* 1878–1914 gg. Indrik, Moscow, pp. 191–216. (In Russian).

Kulikov V.I. 2021. *Istoricheskii arkhiv,* (1), pp. 138–145. (In Russian).

Kulikov V.I. 2024. *Istoriya i arkhivy,* (4), pp. 10–29. (In Russian).

Leontiev K.N. 2003. *Polnoye sobraniye sochinenii i pisem v 12 tomakh.* Vol. 6, Book 1. Vladimir Dal', St. Petersburg. (In Russian).

Mamkina I.N. 2023. Chinovnik po diplomaticheskoi chasti na Vostoke Rossiiskoi imperii [The diplomatic official in the East of the Russian Empire]. In: *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri.* Azbuka, Barnaul, pp. 76–81. (In Russian).

Solov'ev V.S. 1896. *Vestnik Evropy,* August, pp. 904–905. (In Russian).

Solov'ev V.S. 1908. *Pis'ma Vladimira Sergeevicha Solov'eva.* Vol. I. Tipografiya Tovarishchestva «Obshchestvennaya polza», St. Petersburg. (In Russian).

Sorokina T.N. 2005. Dolzhnost' chinovnika po diplomaticheskoi chasti pri priamurskom general-gubernatore [The post of diplomatic official under the Governor-General of Priamurye]. In: Remnev A.V. (ed.). *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii.* Izd-vo OmGU, Omsk, pp. 222–258. (In Russian).

Talalay M.G., Fetisenko O.L. 2024. *Russko-Vizantiiskii vestnik,* 1(16), pp. 197–216. (In Russian).

Литература на русском языке:

Карцов Ю.С. 1906. *Семь лет на Ближнем Востоке, 1879–1886: Воспоминания политические и личные.* СПб.: Экономическая типо-литография. 393 с.

Киприан (Керн), архим. 1959. *Из неизданных писем Константина Леонтьева.* Париж: Imp. Navarre. 31 с.

Кондаков Ю.Е. 2023. Основатель русской Палестины Б. П. Мансуров. *Christian Pilgrimage Review.* Т. 1. № 1. С. 5–205.

Косик В.И. 1990. Русская дипломатия и генералы в Болгарском княжестве, 1881–1883 годы. *Советское славяноведение.* № 6. С. 18–28.

Косик В.И. 1997. *Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему.* М.: Зерцало. 240 с.

Косик В.И. 2003. Из «семейной хроники славянства» (Болгария в международных отношениях 1879–1896 гг.). *В «пороховом погребе Европы», 1878–1914 гг.* / отв. ред. В.Н. Виноградов. М.: Индрик. С. 191–216.

Леонтьев К.Н. 2003. *Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 6, кн. 1* / подгот. текста и коммент. В.А. Котельникова и О.Л. Фетисенко / ИРЛИ РАН. СПб.: Владимир Даль. 819 с.

Леонтьев К.Н. 2017. *Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 10, кн. 1* / подгот. текста и коммент. В.А. Котельникова и О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль. 618 с.

Леонтьев К.Н. 2021. *Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 12. Кн. 3* / подгот. текста и коммент. В.А. Котельникова и О.Л. Фетисенко / ИРЛИ РАН. СПб.: Владимир Даль. 808 с.

Лукьянов С.М. 1992. Запись бесед с Э. Э. Ухтомским. Российский Архив: *История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX веков: Альманах.* [Т.] II–III. М.: Студия ТРИТЭ; Российский архив. С. 393–402.

Сенкевич И.Г. 1963. Новые материалы по истории южных славян: (Из рукописного наследства М. А. Хитрово). *Славянский архив: Сб. статей и материалов* / отв. ред. С.А. Никитин. М.: Изд-во АН СССР. С. 237–251.

Соловьев В.С. 1896. М. А. Хитрово. † 30 июня. *Вестник Европы.* Авг. С. 904–905; подпись: В. С.

Соловьев В.С. 1908. *Письма Владимира Сергеевича Соловьева* / под ред. Э. Л. Радлова. Т. I. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза». 289 с.

Талалай М.Г., Фетисенко О.Л. 2024. К.Н. Леонтьев в эпистолярной хронике Андреевского скита на Афоне (1871–1874). *Русско-Византийский вестник.* № 1 (16). С. 197–216.

Фетисенко О.Л. 2006. [Преамбула комментария к заметке К.Н. Леонтьева «Посвящение Н.П. Игнатьеву]. Леонтьев К. Н. *Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 7, кн. 1.* СПб.: Владимир Даль. С. 660–663.

Фетисенко О.Л. 2014. Эпизоды из жизни консула (К. Н. Леонтьев и М. А. Хитрово). *Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского дома на 2013 год.* СПб.: Дмитрий Буланин, С. 97–146.

Фетисенко О.Л. 2016. Из босфорского table-talk 1874 г.: М.А. Хитрово и его неизданная эпиграмма на прозелита трансцендентальной философии. *Русская литература.* № 1. С. 80–89.

Фетисенко О.Л. 2019. Дипломат М. А. Хитрово – корреспондент И. С. Аксакова. *Наше наследие.* № 129/130. С. 100–113.

Фетисенко О.Л. 2020. Михаил Хитрово (1837–1896) и его «пиитические досуги» (К портрету дипломата и поэта). *Предсимволизм – лики и отражения: колл. монография* / под ред. Е.А. Тахо-Годи. М.: ИМЛИ РАН. С. 223–232.

Фролова М.М. 2013. Католическая пропаганда в Западной Македонии по донесениям российских дипломатов из Битоля (1861–1864). *Межконфессиональные, культурные и общественные связи России с зарубежными славянами: К 200-летию со дня рождения М.Ф. Раевского.* М.; СПб.: Нестор-История. С. 268–281.

Фролова М.М. 2013. К вопросу о социо-конфессиональной обстановке в Битольском эялете в 1861 г. (по донесениям русского дипломата М.А. Хитрово). *Славяне и Россия: К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина* / отв. ред. И.В. Чуркина. М.: Институт славяноведения РАН. С. 536–573.

Фролова М.М. 2014. Албанские и славянские населения Охридского каймакамлыка по донесениям российских дипломатов (60-е годы XIX в.). *Независимость Албании в общебалканском контексте: К 100-летию образования Албанского государства* / отв. ред. П.А. Искендеров. М.: Институт славяноведения РАН. С. 80–122.

Фролова М.М. 2014. Материалы о путешествии русского консула М.А. Хитрово по Охридскому каймакамлыку летом 1864 г. *Независимость Албании в общебалканском контексте.* М.: Институт славяноведения РАН. С. 288–328.

Фролова М.М. 2014. Русские консулы и болгарско-греческое противостояние в церковном вопросе и на ниве школьного образования (Адрианополь, Варна, Битола. 50–60-е годы XIX в.). *Славянский альманах.* № 1/2. С. 44–60.

Фролова М.М. 2015. М.А. Хитрово – первый русский консул в Македонии (1860–1864). *Славянский альманах.* № 3/4. С. 38–56.

Фролова М.М. 2018. К 140-летию окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. «Недозволено цензурой»: поэма М.А. Хитрово «Сан-Стефаниада» (1878 г.). *Славянский мир в третьем тысячелетии.* № 3–4. Вып. 13. С. 196–215.

Фролова М.М. 2024. «Здесь недостаточно одних бюрократических способностей...»: дипломаты российского консульства г. Битола (1861–1877 гг.). *Славяне и Россия: Балканы и российский дипломатический корпус. XVIII–XXI вв.: Колл. монография.* М.: Институт славяноведения РАН. С. 51–86.

Хевролина В.М. 2004. *Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатьев.* М.: Институт российской истории, 2004. 332 с.

Энде [псевд.]. 1896. В большом свете. *Новости и Биржевая газета.* 5 июля. № 183. С. 2.

Вестник МГИМО-Университета. 2025. 18(3). С. 87–114
DOI 10.24833/2071-8160-2025-3-102-87-114

Check for updates

Турецкий политический кризис в политике администрации Дж. Картера в 1977–1978 гг.

А.И. Сенников

Вятский государственный университет

Нестабильность американо-турецких отношений на современном этапе их развития актуализирует изучение исторических предпосылок и истоков подобного положения дел. Турецкий политический кризис 1977–1980 гг. совпал с периодом напряжённости в отношениях Анкары и Вашингтона и был одним из череды международных потрясений, совокупность которых помощник президента США по национальной безопасности в администрации Дж. Картера Зб. Бжезинский назвал «дугой нестабильности». Цель исследования – проследить, как менялось восприятие американским руководством турецкого политического кризиса в первые два года работы администрации Картера (1977–1978 гг.). В качестве источников использованы опубликованные документы по внешней политике США (FRUS), электронная коллекция корреспонденции Государственного департамента и посольства США в Анкаре, доклады Совета национальной безопасности и Центрального разведывательного управления. Обосновывается вывод о том, что проблематика турецкого политического кризиса в течение длительного времени (вплоть до введения в Турции режима военного положения в декабре 1978 г). рассматривалась не изолированно, а в общем контексте программных внешнеполитических установок президента Картера и его ближайшего окружения с учётом интересов США в Восточном Средиземноморье и на Ближнем и Среднем Востоке. В конечном итоге администрации не удалось выстроить сбалансированную политику на турецком направлении, своевременно оценить масштабы кризиса и предотвратить его эскалацию. В исторической перспективе курс администрации Дж. Картера внёс вклад в перманентное недоверие Анкары к политике США и фундамент системного кризиса американо-турецких отношений.

Ключевые слова: Американо-турецкие отношения, Администрация Джимми Картера, Турецкий политический кризис, Восточное Средиземноморье, НАТО, Холодная война, Внешняя политика США, Доктрина Трумэна, Военно-политическая стабильность

УДК: 327(73:560)"1977/1978"
Поступила в редакцию: 11.02.2025
Принята к публикации: 15.05.2025

Современное состояние отношений Турции и Соединённых Штатов Америки можно охарактеризовать как сложное партнёрство, скреплённое повесткой общеевропейской (в рамках Североатлантического альянса – НАТО) и ближневосточной безопасности, подверженное эпизодическим испытаниям на прочность, которые вызваны стремлением Турции изменить региональный баланс сил в свою пользу, выгадать преференции от глобальной конкуренции великих держав, балансируя между США и Россией[1].

Американо-турецкие отношения всегда привлекали особый интерес отечественных исследователей (Аватков, Кочкин 2016; Бобкин 2018; Гегелашвили 2022; Графов 2022; Давыдов 2019; Шлыков 2019). Отношения Вашингтона и Анкары в период холодной войны могут казаться «эталонным сотрудничеством», но уже тогда были заложены основания их системного кризиса (Давыдов 2019: 149; Шлыков 2019: 185). Знаковым и противоречивым этапом двусторонних отношений стал турецкий политический кризис 1977–1980 гг.[2], происходивший на фоне других крупных внутренних и международных конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке: иранского (революция 1978–1979 гг.) и афганского (Саурская революция 1978 г., начало Гражданской войны в марте 1979 г., ввод советских войск в декабре 1979 г.) (Воробьёва, Юнгблюд 2016; Воробьёва, Юнгблюд 2019; Юнгблюд, Сенников 2023). Впоследствии они стали, согласно выражению советника президента США по национальной безопасности Зб. Бжезинского, частью «дуги нестабильности» (The Arc of Crisis), опоясывающей пространство наибольшей уязвимости американских интересов на Ближнем и Среднем Востоке и в Юго-Восточной Азии[3].

Обширная историография турецко-американских отношений включает работы исследователей разных национальных школ: американской (Criss 2002; Larrabee, Lesser 2003), европейских (Athanassopoulou 2014; Zürcher 2017), турецкой (Aslan O. 2018; Bezci 2020; Gökay 2021; Kösebalaban 2011; Oran 2010) и российской[4] (Еремеев 2017; Киреев 2007; Смольняк 2016; Шенин 2014; Шлыков 2019), прорабатывавших вопросы военно-политического и торгово-экономического двустороннего и многостороннего взаимодействия в рассматриваемый период.

Отдельного внимания заслуживает историография внутриполитического процесса в Турции. При совпадении мнений исследователей о внутренних истоках турецкого кризиса 1970-х гг. наблюдаются расхождения относительно

---

[1] Turkey (Türkiye): Major Issues and U.S. Relations. CRS Report No. R44000, May 21, 2024. *Congressional Research Service*. URL: https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R44000 (accessed: 15.08.2024).

[2] Вопрос о начале политического кризиса является дискуссионным, превалируют две даты: 1975 и 1977 гг.

[3] Foreign Relations of the United States (далее – FRUS), 1977–1980. Volume I. Foundations of Foreign Policy. Washington. United States Government Printing Office, 2014. P. 488.

[4] Бгуашева А.А. 2021. Военно-политическое и торгово-экономическое сотрудничество США с Турцией: 1945–2017 гг.: диссертация ... к.и.н.: 5.6.2. Майкоп. Б/и. 235 с.

степени влияния внешних сил – сверхдержав. Представители неолиберального направления исследований международных отношений склонны критически оценивать влияние незападных стран (т.е. СССР, Китайской Народной Республики, Ирана после 1979 г.), а влияние США отрицать, минимизировать или выставлять в положительном свете (Athanassopoulou 2014; Bozdağlioğlu 2003; Gökay 2006; Gökay 2021; Gourisse 2023; Kösebalaban 2011; Larrabee, Lesser 2003; Sayari 2010). Другая значительная группа исследователей подчёркивает роль США в развитии политического кризиса в Турции, полагая, что американские действия были направлены на предотвращение леворадикального или просоветского переворота. Оценки степени участия США варьируются от опосредованного вмешательства через личные контакты, политические и международные институты, до целенаправленного воздействия дипломатическими и тайными каналами, а также до прямого и целевого вовлечения американской стороны в развитие кризиса. (Гансер 2017; Еремеев 2017: 283–284, 298–300; Иванова 2019: 89–97; Киреев 2007: 331; Лебский 2016: 130; Поцхверия 1981: 164–165; Товсултанова, Товсултанов, Галимова 2020: 234–238; Aslan O. 2018: 167–169; Bezci 2020; Criss 2002; Erkan 2017; Söyler 2015: 198; Yalçın, Akçakaya 2024).

Однако далеко не все аспекты американской политики в отношении Турции периода президентства Джимми Картера являются в достаточной мере изученными. В частности, недостаточно освещённым остаётся вопрос о восприятии официальным Вашингтоном турецкого внутриполитического кризиса 1970-х годов.

Настоящая статья посвящена именно восприятию руководством США внутриполитического кризиса в Турции на его начальной, восходящей стадии, а также корректировкам политики Вашингтона в отношении Анкары в период 1977–1978 гг. Исследование основывается на широком спектре архивных материалов, которые ранее не вводились в научный оборот. Используются документы, представленные в опубликованных сборниках по истории внешней политики США (серия Foreign Relations of the United States), а также материалы электронных архивов и библиотек, в том числе Государственного департамента США, Национального архива США (NARA), президентской библиотеки Джимми Картера и архива Центрального разведывательного управления (ЦРУ).

Особенности внутриполитического процесса и его влияние на внешнюю политику Турции в 1970-е гг.

В середине 1960–1970-х гг. экономика Турции вошла в кризисное состояние ввиду несбалансированной кредитно-финансовой политики, нефтяного шока 1973–1974 гг. с резким скачком цен на нефть, которую Анкара в значительном объеме импортировала, мировой экономической рецессии, вызвавшей падение поступлений в страну денежных средств от турецких рабочих-мигрантов,

перегруженных планов пятилетнего развития турецкой промышленности[5], осуществлявшихся без оглядки на условия рыночной экономики и требования международных финансовых институтов, прежде всего Международного валютного фонда (МВФ) и Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) при сокращении масштабов экономической помощи со стороны США (Давыдов 2019: 149; Иванова 2019: 79–80; Bozdaglioglu 2003: 75; Gourisse 2023: 17–21; Zürcher 2017: 270–271).

Прямое вмешательство турецких военных в политическую жизнь в 1960 и 1971 годах, а также косвенное вмешательство в 1973 году, хотя и не привело к отказу Турции от кемалистской идеологии, значительно дестабилизировало политическую систему страны. Эти события способствовали радикализации как правых, так и левых политических сил и усилили общественное недоверие к военным институтам. В связи с тесными связями турецкого военного руководства с США у значительной части турецкого общества сложилось негативное восприятие американской дипломатии и спецслужб, которые стали восприниматься как агенты внешней силы, стремящейся проникнуть во все сферы жизни Турции и поставить страну под полный контроль[6] (Criss 2002: 475–476; Gourisse 2023: 74–75). Эти факторы вели к росту протестных настроений и вылились в масштабное политическое насилие 1977–1980 гг. (Gourisse 2023: 22–25). Не имели успеха попытки стабилизировать ситуацию, предпринимавшиеся неустойчивыми коалиционными правительствами, вынужденными постоянно искать компромиссы, неспособными к жёстким, подчас радикальным мерам по восстановлению порядка (Еремеев 2017: 299–301; Товсултанова, Товсултанов, Галимова 2020: 234–235; Erkan 2017: 131; Sayari 2010: 201; Oran 2010: 399; Zürcher 2017: 266).

Неудачи во внутренней политике Турции руководство страны пыталось компенсировать активными внешнеполитическими шагами. Этому способствовала ситуация, связанная с кипрским кризисом, в ходе обострения которого в 1974 г. Турция продемонстрировала военную решимость и силу, однако существенно ухудшила отношения с западными странами, прежде всего с Соединёнными Штатами[7]. Вместе с тем начавшийся в этот период процесс разрядки напряжённости между сверхдержавами создал благоприятные условия для

---

[5] Пятилетние планы развития Турции подразумевали осуществление импортозамещающей индустриализации с упором на машиностроение. Однако результатом чехарды правительств в 1960–1970-е гг. была частая смена акцентов финансирования разных отраслей промышленности, исходившая из сиюминутных потребностей. При правительстве С. Демиреля (1975–1977) даже осуществлялась параллельная попытка укрепления аграрного сектора, что также отвлекало часть вложений. В итоге планы индустриализации оказались раздуты и нереализуемы, отрасли гражданского потребительского сектора недофинансированы, затраченные ресурсы не окупались, что на фоне снижения экспорта и устойчиво растущего импорта вело к разбалансировке экономики страны.

[6] National Archives and Records Administration (NARA). RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1977. Doc. 1977Ankara00064_c 'Fonmin's [Caglayangil] Reported Remarks on CIA Activities in Turkey', January 5, 1977; Doc. 1977Ankara06601_c 'A Continuing Problem Affecting Our Political Officers', September 6, 1977.

[7] Первое правительство Бюлента Эджевита, январь – ноябрь 1974 г.

более прагматичного подхода Анкары к внешней политике, принятия курса на усиление внешнеполитической автономии внутри западного блока и постепенную нормализацию отношений с Москвой (Oran 2010: 452–453, 465, 474).

К концу января 1977 г. в Великом национальном собрании Турции доминировали две политические партии, имевшие принципиально разные подходы к диалогу с США. С одной стороны выступала Партия справедливости (ПС), возглавляемая Сулейманом Демирелем[8], которая открыто декларировала прозападную ориентацию, акцентируя приоритетность военных отношений с НАТО и экономических связей с Западной Европой, однако старательно избегала принятия решений, налагавших на Анкару конкретные обязательства. С другой стороны находилась крупнейшая парламентская партия[9] — Народно-республиканская партия (НРП) во главе с Бюлентом Эджевитом[10]. Будучи премьер-министром в 1974 г., именно Эджевит принял решение о военной операции на Северном Кипре, однако впоследствии он выступал за компромиссное решение кипрского вопроса и консенсус с Вашингтоном и Афинами по вопросам безопасности[11]. Вместе с тем, Эджевит выступал за проведение многовекторной внешней политики и расширение автономии Турции в международных отношениях (Данилов, Корниенко 1981: 151–152; Еремеев 2017: 276, 296; Иванова 2019: 89–90; Киреев 2007: 325, 330; Ecevit 1978: 203; Oran 2010: 40).

Состояние американо-турецких отношения к началу 1977 г.

Во второй половине XX века Турция играла важную роль в реализации американской внешней политики на европейском, средиземноморском и ближневосточном направлениях, выступая в качестве «барьера против свободного продвижения СССР в Средиземноморье» (Aslan 2018: 110). Подобная роль была официально закреплена в рамках доктрины Трумэна 1947 г.[12], а также подтверждена вступлением Турции в НАТО в 1952 году (Смольняк 2016: 43). На протяжении нескольких десятилетий Вашингтон оказывал значительную финансовую и военную помощь Турции, активно способствовал укреплению её военного

[8] В рассматриваемый период Сулейман Демирель (1924–2015) был премьер-министром дважды: в марте 1975 – июне 1977 гг. и в июне–декабре 1977 г. Позже он сменил Эджевита на посту премьер-министра в ноябре 1979 г. и вынужденно уступил власть после военного переворота 12 сентября 1980 г. Впоследствии был премьер-министром в 1991–1993 гг. и президентом Турции в 1993–2000 гг.

[9] Великое национальное собрание Турции (ВНСТ) – высший турецкий представительный законодательный орган с 1920 г., в 1962–1980 гг. был двухпалатным: нижняя палата – Меджлис, верхняя палата – Сенат.

[10] В рассматриваемый период Бюлент Эджевит (1925–2006) был премьер-министром дважды: в июне–июле 1977 г. и в январе 1978 – октябре 1979 гг. Впоследствии был премьер-министром Турции в 1999–2002 гг.

[11] NARA, 1977. Doc. 1977Ankara00613_c 'New Cyprus solution initiative', January 27, 1977; Doc. 1977Ankara00771_c 'Reported Ecevit statement on Cyprus, DCA and Carter administration', February 1, 1977.

[12] Послание президента США Г. Трумэна Конгрессу 12 марта 1947 г. провозгласило доктрину, заключавшуюся в ограничении распространения коммунистического влияния в мире, призывало Конгресс проголосовать за широкое оказание материальной и военной помощи Греции и Турции (Юнгблюд 2014: 431).

и разведывательного потенциала и, тем самым, получал инструменты воздействия на внутреннюю ситуацию в стране (Давыдов 2019: 148–149; Шлыков 2019: 189–190).

Однако к середине 1970-х гг. американо-турецкие отношения оказались в состоянии стагнации. Это было связано с кипрским вопросом, греко-турецкими противоречиями, попытками Анкары действовать самостоятельно, а не по указке из Вашингтона, в меньшей степени – с ростом в Турции левых идей и антиамериканизма. В результате оккупации турецкими войсками Северного Кипра в июле–августе 1974 г. под давлением Конгресса Белый дом в 1975 г. ввёл эмбарго на поставки вооружений в Турцию. В ответ Анкара закрыла на своей территории все военные объекты США, кроме базы НАТО Инджирлик, демонстративно сделала заход на улучшение отношений с СССР (Еремеев 2017: 366; Киреев 2007: 331, 336; Лебский 2016: 297; Смольняк 2016: 49–50; Шлыков 2019: 190; Bezci 2020: 2). Несмотря на охлаждение официальных контактов, между двумя странами сохранялся диалог по дипломатическим и тайным каналам, а находившееся в 1975–1977 гг. у власти коалиционное правительство премьер-министра С. Демиреля артикулировало прозападную ориентацию. Администрация Дж. Форда (1974–1977) пыталась, но не сумела восстановить двустороннюю кооперацию[13].

Ещё во время избирательной кампании 1976 г. Дж. Картер и его избирательный штаб акцентировали желание сдвинуть с мёртвой точки урегулирование кипрского вопроса, явное предпочтение отдавая греческой стороне. Действия администрации Форда и государственного секретаря Г. Киссинджера критиковались как неэффективные и создавшие США плохую репутацию[14]. Картер обещал в случае избрания президентом пересмотреть неудачные подходы предыдущей администрации к политике в отношении Турции, использовать все имеющиеся рычаги дипломатического воздействия для преодоления проблем Восточного Средиземноморья.

С момента вступления Картера в должность (январь 1977 г.) его команда была занята двумя вопросами на турецком направлении. Наибольшее внимание уделялось кипрскому четырёхстороннему переговорному процессу (Греция–греки-киприоты–Турция–турки-киприоты) при посредничестве США[15]. Вашингтон, занявший немногим более взвешенную позицию, всё ещё благоприятную Афинам, предполагал использовать для давления на Анкару возможность комплексного разрешения всех назревших двусторонних проблем[16]. На основе

[13] FRUS, 1977–1980. Volume XXI. Cyprus; Turkey; Greece. Washington. United States Government Printing Office, 2014. P. 2–3, 6–7.
[14] FRUS, 1977–1980. Vol. I P. 49; FRUS, 1977–1980. Vol. XXI. P. 3, 8.
[15] FRUS, 1977–1980. Vol. XXI. P. 10–11.
[16] FRUS, 1977–1980. Vol. I P. 201; FRUS, 1977–1980. Vol. XXI. P. 22, 27, 276–280; NARA, 1977, Doc. 1977Ankara00498_c 'President [Korutürk] expresses concern about US/Turkish relations', January 22, 1977.

кипрского урегулирования Картер надеялся не только разрядить напряжённость между странами-членами НАТО, но и продемонстрировать готовность к поддержке своих союзников с учётом новых моральных ориентиров и, как следствие, оказать благотворное влияние на укрепления процессов демократизации в обеих странах. Вторым вопросом были права человека в Турции[17].

Документы переходного и начального периода президентства Джимми Картера не свидетельствуют об особой заинтересованности новой американской администрации во внутренней ситуации в Турции. Напротив, эти документы отражают прежде всего приоритет внешнеполитических вопросов и демонстрируют равноудалённое отношение к двум ключевым турецким политическим силам — Партии справедливости и Народно-республиканской партии[18]. Регулярные сообщения посла США в Турции Уильяма Макомбера[19] о текущей внутриполитической ситуации, экономических трудностях и народных волнениях[20] оставались практически без внимания Вашингтона и не приводили к какой-либо заметной реакции администрации.

Первые сигналы турецкого политического кризиса в оценках администрации Картера, февраль–июнь 1977 г.

В феврале-марте 1977 года в Турции наблюдался резкий всплеск столкновений между леворадикальными и праворадикальными группировками[21]. Эти события стали поводом для публичного выступления президента Турции Фахри Корутюрка, сделанного после его визита в Генеральный штаб страны. В своем обращении президент заявил: : «У нас есть проблемы дома и за рубежом. <…> Нация видит их, но решения, которые необходимо принять <…> гораздо глубже и серьёзнее, чем кажется на первый взгляд»[22]. Комментируя данное заявление, посол США в Турции Уильям Макомбер отметил, что выступление Корутюрка содержало четкое предупреждение турецким политикам и гражданским лицам о возможности вмешательства армии, если ситуация в экономической и политической сферах не улучшится[23]. Подобные предупреждения со стороны военных звучали в течение февраля ещё дважды[24].

---

[17] NARA, 1977, Doc. 1977Ankara01592_c 'Human Rights reporting to the Congress – Turkey', March 3, 1977.

[18] NARA, 1977, Doc. 1977Ankara00789_c 'Tercuman report of interview with Vice President Mondale', February 2, 1977.

[19] Уильям Макомбер находился в должности посла с 16 мая 1973 по 15 июня 1977 гг.

[20] NARA, 1977, Doc. 1977Ankara00567_c 'GOT explores conversion of short-term debt to medium term', January 26, 1977; Doc. 1977Ankara00691_c 'Student-related violence intensifies', January 31, 1977; Doc. 1977Ankara00811_c 'Student violence', February 2, 1977.

[21] CIA Electronic Library. 'Central Intelligence Bulletin', February 5, 1977; Memorandum 'Student Trouble in Turkey', March 17, 1977.

[22] Президент Турции с 6 апреля 1973 по 6 апреля 1980 гг.

[23] NARA, 1977. Doc. 1977Ankara00847_c 'Turkish President [Korutürk] visits General Staff Headquarters, issues', February 4, 1977.

[24] NARA, 1977. Doc. 1977Ankara01075_c 'Gen. Ozaydinli submits memorandum criticizing Government', February 11, 1977; Doc. 1977Ankara01480_c 'Turkish National Security Council issues warning', February 28, 1977.

Ухудшение экономического положения Турции начало оказывать негативное влияние и на её внешние связи: турецкие государственные компании стали задерживать выплаты американским фирмам за поставленную продукцию в связи с нехваткой иностранной валюты[25]. Растущая инфляция и сложности в обслуживании государственного долга вынудили турецкое правительство рассмотреть возможность переноса парламентских выборов с октября на июнь[26].

В ответ на эти события Белый дом предпочёл занять выжидательную позицию и воздержаться от официальных комментариев до завершения визита в Турцию специального представителя президента США Кларка Клиффорда. На заседании Комитета политического обозрения (Policy Review Committee) 10 февраля 1977 года с участием госсекретаря Сайруса Вэнса, советника президента по национальной безопасности Збигнева Бжезинского и министра обороны Гарольда Брауна эксперты ЦРУ отдельно обсудили проблему внутриполитических беспорядков в Турции, напомнив о местной «демократической традиции» военных переворотов. Они отметили, что «даже если вмешательство [военных – *Авт.*] произойдёт, оно не поставит под угрозу миссию Клиффорда»[27]. Браун и Вэнс даже пошутили по поводу своего опыта посещения Анкары во время переворотов, «когда то и дело вешали министров»[28].

Миссия Клиффорда заключалась не только в оценке готовности сторон к урегулированию кипрского вопроса, но и в изучении текущего состояния политики и экономики Турции[29]. Спецпосланник посетил Анкару 20–23 февраля, встретился с президентом Корутюрком[30], премьер-министром Демирелем[31] и лидером оппозиции Эджевитом[32], с каждым из которых обсудил в том числе внутриполитическую ситуацию. По итогам встреч Клиффорд составил отчёт президенту[33]. В доступных американских источниках отражена только одна запись переговоров с Эджевитом, во время которых последний кратко поведал о текущей электоральной ситуации и положении дел в правительстве[34].

---

[25] NARA, 1977. Doc. 1977Ankara01375_c 'Delay in payments to US firm', February 23, 1977; Doc. 1977Ankara01643_c 'Turkish government moves to encourage medium and long-term convertible lira deposits', March 5, 1977; Doc. 1977Ankara02352_c 'Turkish problems with U.S. coking coal suppliers', March 31, 1977.

[26] NARA, 1977. Doc. 1977Ankara02209_c 'Deteriorating Turkish external payments situation and the 1977 Elections', March 25, 1977.

[27] FRUS, 1977–1980. Vol. XXI. P. 12.

[28] Ibid. P. 13.

[29] NARA, 1977. Doc. 1977Ankara00941_c 'The Clifford Mission and Turkish domestic politics', February 8, 1977.

[30] NARA, 1977. Doc. 1977Ankara01324_c 'Clifford statement after meeting President [Korutürk]', February 21, 1977.

[31] NARA, 1977. Doc. 1977Ankara01321_c 'Clifford statement after meeting Prime Minister [Demirel]', February 21, 1977.

[32] NARA, 1977. Doc. 1977Ankara01348_c 'Clifford statement after meeting Ecevit', February 22, 1977.

[33] Упоминаний внутренней ситуации в Турции в нем нет. См.: FRUS, 1977–1980. Vol. XXI. P. 37–40.

[34] FRUS, 1977–1980. Vol. XXI. P. 284.

Клиффорд провёл неофициальную встречу с руководством турецкой армии во главе с начальником Генштаба генералом С. Санджаром[35], однако запись переговоров, представленная в докладе ЦРУ, не была полностью рассекречена[36]. Можно предположить, что собеседники затрагивали также внутриполитические вопросы, но не в том русле, как бы того хотелось турецким военным. В целом результаты миссии Клиффорда не были обнадёживающими ни в отношении кипрского урегулирования (хотя и Картер, и Демирель сохранили оптимистичный настрой[37]), ни в отношении внутриполитического процесса[38]. Администрация Картера продлила паузу на раздумья.

В начале апреля состоялась встреча турецкого посла в США Мелиха Эсенбеля с государственным секретарём Сайрусом Вэнсом, посвящённая вопросам двусторонних отношений. На встрече обсуждались сроки проведения парламентских выборов в Турции, политическое положение партий Сулеймана Демиреля и Бюлента Эджевита, а также перспективы экономической поддержки Турции на предстоящий год[39]. 15 апреля Вэнс направил президенту Джимми Картеру меморандум с анализом результатов переговоров, включая оценку миссии Клиффорда, охарактеризовав их как «разочаровывающие». Государственный секретарь предложил продолжать политику увязки экономической поддержки с прогрессом в урегулировании кипрского вопроса и настаивал на утверждении пакета финансовой помощи Турции на 1978 год в объёме 160 миллионов долларов, с целью побуждения турецкого руководства к более активному сотрудничеству[40].

В течение апреля политическая ситуация в Турции продолжала ухудшаться. Этому способствовала активизация партийной предвыборной агитации, сопровождавшаяся попытками стравить между собой леворадикальные и праворадикальные группировки. Дополнительными факторами, усугублявшими нестабильность, стали начавшиеся судебные разбирательства турецких властей с иностранными компаниями, а также нежелание зарубежных банков предоставлять кредиты правительству Турции в условиях предвыборной неопределённости[41].

---

[35] Генерал Семих Санджар в должности с 6 марта 1973 по 7 марта 1978 гг., его сменщиком будет генерал Кенан Эврен, будущий лидер военного переворота 1980 г.

[36] FRUS, 1977–1980. Vol. XXI. P. 290.

[37] Ibid. P. 290–292.

[38] FRUS, 1977–1980. Vol. XXI. P. 30–32; NARA, 1977. Doc. 1977Ankara01642_c 'US-Turkish security relationship in the wake of Secretary Clifford's visit', March 5, 1977.

[39] FRUS, 1977–1980. Vol. XXI. P. 292–294.

[40] FRUS, 1977–1980. Vol. XXI. P. 296–297.

[41] NARA, 1977. Doc. 1977Ankara02492_c 'National Assembly moves toward early elections', April 5, 1977; Doc. 1977Ankara02761_c 'TURK-IS role in politics', April 13, 1977; Doc. 1977Ankara02935_c 'Economic indicators on smaller OECD countries', April 20, 1977; Doc. 1977Ankara03231_c 'Further attacks on Ecevit's campaign convoy', April 28, 1977.

Вице-президент США Уолтер Мондейл предложил использовать экономические трудности Турции как средство для побуждения турецкого руководства к сотрудничеству в урегулировании кипрского вопроса. С этой целью он направил соответствующий запрос в Совет национальной безопасности (СНБ). В ответ 3 мая Збигнев Бжезинский подготовил тематический меморандум, в котором отмечал резкое ухудшение финансово-экономической, валютной и долговой ситуации в Турции. Это ухудшение, по мнению Бжезинского, произошло в крайне неблагоприятный момент для правительства Сулеймана Демиреля, рассчитывавшего на предстоящих выборах извлечь выгоду из прежних успехов в управлении национальной экономикой.

Основными причинами финансовых затруднений Турции Бжезинский считал политическую нестабильность и слабость коалиционного правительства, ориентировавшегося на краткосрочные интересы и финансировавшего бюджет путём краткосрочных займов у иностранных банков под высокие проценты. Он полагал, что исправить ситуацию могло бы только сильное правительство, способное на реструктуризацию задолженности, внедрение мер жёсткой экономии, сокращение социальных расходов и отказ от ряда долгосрочных проектов развития.

Однако появления такого сильного правительства Бжезинский не ожидал. Он предполагал, что Турция, скорее всего, погрузится в ещё более глубокий политический и финансовый кризис. В то же время он предупреждал, что использовать экономические трудности Турции в ходе избирательной кампании не следует, так как это могло бы спровоцировать масштабную волну антиамериканских протестов, последствия которых невозможно предсказать. Вместо этого Бжезинский рекомендовал дождаться окончания выборов, после чего предоставить необходимую экономическую помощь новому правительству, которое, вероятно, в обмен на поддержку могло бы пойти на компромисс и смягчить свою позицию по кипрскому вопросу[42].

Началом турецкого политического кризиса принято считать 1 мая 1977 г. Во время профсоюзной демонстрации в Стамбуле произошёл инцидент на площади Таксим: группа неизвестных лиц открыла огонь по участникам митинга, при этом правоохранительные органы не оказали стрелявшим никакого сопротивления, а впоследствии сами начали разгон демонстрантов. В результате трагедии пострадало свыше двухсот человек, около сорока погибли. Сразу после инцидента стали выдвигаться различные версии произошедшего. В общественно-политическом дискурсе основной акцент делался на возможную причастность ультранационалистической организации «Серые волки» (Erkan 2017: 129; Söyler 2015: 120; Zürcher 2017: 267–268; Yalçın, Akçakaya 2024). В парламенте представители оппозиции обвинили в организации обстрела митингующих «подкон-

[42] FRUS, 1977–1980. Vol. XXI. P. 298–299.

трольных ЦРУ фашистов и маоистов»[43]. Эти события нашли отражение в тревожных докладах посольства[44], а одним из следствий первомайской трагедии стала череда нападений на американских граждан[45]. Но ситуация вновь не была со всей серьёзностью рассмотрена в Вашингтоне. На пресс-конференции 5 мая Эджевит даже упрекнул американцев в отсутствии интереса к внутренним проблемам Турции[46].

На саммите НАТО в Лондоне 10 мая состоялась встреча премьер-министра Демиреля и президента Картера, в ходе которой глава турецкого правительства заявил: «Турция и Соединённые Штаты – хорошие, преданные друзья. Они разделяют ценности Запада и, безусловно, будут защищать демократию для турецкого народа». Президент США ответил, что Турция развивается хорошими темпами и заслуживает похвалы за это[47]. Дальнейшее обсуждение сосредоточилось вокруг роли Турции в качестве черноморского рубежа сдерживания советского влияния, положения страны в НАТО и проблемах, возникших вследствие американского эмбарго на поставки вооружений. Картер назвал главным препятствием к нормализации отношений позицию Конгресса, который для снятия эмбарго требовал подвижек в урегулировании кипрского вопроса[48]. Посольство сообщало, что Демирель вернулся домой в целом довольный переговорами с Картером, но турецкие СМИ раскритиковали премьер-министра за отсутствие конкретного результата[49].

5 июня состоялись выборы в нижнюю палату турецкого парламента, в результате которых НРП удалось улучшить свой электоральный результат[50]. Эджевит сформировал однопартийное правительство, но оно продержалось только месяц[51]. Сразу после выборов аналитик СНБ П. Хенце (в прошлом начальник станции ЦРУ в Турции) составил справку о политической биографии Эджевита. Хенце назвал его несомненным приверженцем НАТО и Европейского экономического союза, желавшим укрепления отношений с США. В качестве негативных сторон нового премьер-министра эксперт указал на его попытки

[43] NARA, 1977. Doc. 1977Istanb01514_c 'Reaction to May Day Violence', May 4, 1977.
[44] NARA, 1977. Doc. 1977Istanb01563_c 'Developments Following May Day Bloodshed', May 6, 1977.
[45] CIA Electronic Library. Weekly Situation Report on International Terrorism, June 1, 1977.
[46] NARA, 1977. Doc. 1977Ankara03486_c 'Ecevit statement on US-Turkish relations and the election', May 6, 1977. Такая постановка вопроса была связана с тем, что 4–6 мая упоминания Турции были связаны не с первомайской трагедией, и не с выборами, а с дебатами в Конгрессе по пакету финансовой помощи Турции для обеспечения безопасности и обороны. См.: NARA, 1977. Doc. 1977Ankara03491_c 'Press comments on US Security Assistance for Turkey', May 7, 1977; Doc. 1977Ankara03495_c '[Caglayangil's] reply to Secretary Clifford's letter to Prime Minister Demirel', May 7, 1977.
[47] FRUS, 1977–1980. Vol. XXI. P. 300–301.
[48] Ibid. P. 302–303.
[49] NARA, 1977. Doc. 1977Ankara03717_c 'Demirel returns from NATO Summit', May 13, 1977.
[50] NARA, 1977. Doc. 1977Ankara04675_c 'Official final election results announced', June 20, 1977.
[51] NARA, 1977. Doc. 1977Ankara05022_c 'Ecevit resigns, Demirel expected to be designated to form a government', July 4, 1977.

заигрывания с левыми силами и слабые навыки в управлении экономикой[52]. В программе Эджевита подкупала апелляция к защите прав человека, создававшая чувство идейной близости[53].

20 июля Демирель сформировал коалиционное правительство с консерваторами и правыми радикалами[54]. В продолжении внутриполитического кризиса он обвинил международный коммунизм и некие симпатизирующие ему силы внутри Турции, ответственные за подрыв демократических основ[55]. Возвращение Демиреля означало в целом приверженность прежнему политическому курсу. Общественно-политическая ситуация летом 1977 г. между тем всё ухудшалась: начались забастовки рабочих, усугублялись проблемы с оплатами долговых обязательств[56].

По совету нового посла Р. Спирса[57] Демирелю было направлено поздравление от имени Картера по случаю очередного избрания на пост премьер-министра, сопровождённое устным замечанием о необходимости продолжить «параллельные» усилия по нормализации отношений, что в Анкаре восприняли как требование пойти на уступки в кипрском урегулировании, получив взамен финансовую помощь и снятие эмбарго[58]. Ответом стало публичное выступление премьер-министра в парламенте, где он заявил: «Турция не склонится перед США и Грецией. Это должны понять все. Мы не откажемся под давлением от своих прав или требований. Мы не подчинимся только потому, что они предлагают оружие и кредиты». Американский посол отметил, что выступление могло отражать как банальное бахвальство перед соратниками по коалиции, так и реальное недовольство оказываемым давлением[59]. Вскоре Демирель выразил опасения, что отсутствие реальной помощи США в преодолении финансовых трудностей становится новой формой эмбарго[60]. В Вашингтоне отвергли такое обвинение[61]. На этом фоне у турок усилилась подозрительность в отношении американских граждан[62], дипломаты начали получать письма с угрозами физической расправы[63].

---

[52] FRUS, 1977–1980. Vol. XXI. P. 307.

[53] NARA, 1977. Doc. 1977Ankara04939_c 'Human Rights aspects of Ecevit government program', June 29, 1977.

[54] NARA, 1977. Doc. 1977Ankara05423_c 'Agreement reached on formation of Demirel-led coalition government', July 20, 1977.

[55] NARA, 1977. Doc. 1977Ankara05644_c 'Demirel government program: Human Rights, Domestic political and Labor aspects', July 28, 1977.

[56] CIA Electronic Library. Weekly Situation Report on International Terrorism, August 3, 1977; NARA, 1977. Doc. 1977Ankara04778_c 'Up-date of Turkish foreign exchange situation', June 23, 1977; Doc. 1977Ankara04924_c 'Delay in payments to US Firms', June 29, 1977; Doc. 1977Ankara06016_c 'General strike', August 11, 1977.

[57] Рональд Спирс в должности посла США в Турции с 26 мая 1977 по 11 января 1980 гг., в Анкару прибыл 9 июля.

[58] NARA, 1977. Doc. 1977Ankara05432_c 'Steps after new government formed', July 20, 1977.

[59] NARA, 1977. Doc. 1977Ankara05688_c 'Demirel comments on Cyprus', July 29, 1977.

[60] NARA, 1977. Doc. 1977Ankara06045_c 'Demirel suspects US financial embargo', August 12, 1977.

[61] NARA, 1977. Doc. 1977Ankara06215_c 'Measures to counter allegation of an economic embargo', August 19, 1977; Doc. 1977Ankara06460_c 'Prime Minister Demirel equivocates on subject of US', August 31, 1977.

[62] NARA, 1977. Doc. 1977Ankara06601_c 'Turkish press interest in U.S. diplomatic contacts', September 6, 1977.

[63] NARA, 1977. Doc. 1977Ankara07218_c 'Threat Letter', September 28, 1977; Doc. 1977Ankara07266_c 'Terrorist Threat', September 30, 1977.

Результаты политики правительства Демиреля к концу 1977 г. были не на высоте: усилились политические волнения, нагнеталось насилие[64], ухудшились экономические показатели, снизился жизненный уровень населения[65]. В Вашингтоне были разочарованы тупиковой ситуацией в кипрском переговорном процессе и постоянными требованиями новых финансовых вливаний, а в Анкаре – оказываемым политическим и экономическим давлением[66], критикой ситуации с правами человека[67]. Турецкая сторона даже дала понять, что в случае сохранения эмбарго пойдёт на расширение контактов с Москвой, что не было расценено американцами в качестве реальной угрозы[68]. Тем временем начался процесс «бегства» депутатов от ПС, которые возражали против коалиции с ультраправыми и требовали серьёзных экономических преобразований[69]. Распад коалиционного правительства становился вопросом времени. 31 декабря оно получило вотум недоверия, Демирель ушёл в отставку[70].

Новая надежда на Эджевита, январь – май 1978 г.

В начале января Б. Эджевит смог добиться переизбрания премьер-министром, акцентировав внимание на усилении мер безопасности и предложив программу экономического восстановления страны[71]. В беседе со Спирсом он подтвердил прозападную ориентацию Турции, желание возобновить тесные отношения с США и выразил готовность продвинуть переговоры по Кипру. Эджевит также надеялся встретиться с представителем администрации высокого уровня, наиболее подходящей кандидатурой назвав Бжезинского[72]. В отличие

---

[64] CIA Electronic Library. National Intelligence Bulletin, September 22, 1977; National Intelligence Bulletin, November 1, 1977; NARA, 1977. Doc. 1977Ankara06572_c 'Campaign against political violence marks Demirel', September 2, 1977; Doc, 1977Ankara07808_c 'Discussion with Minister of the Interior: Police problems', October 22, 1977; Doc. 1977 Ankara09372_c 'Increasing political violence brings demonstration of presidential concern', December 28, 1977.

[65] CIA Electronic Library. Economic Intelligence Weekly, September 15, 1977; NARA, 1977. Doc. 1977Ankara07336_c 'Recent domestic political developments', September 4, 1977; Doc. 1977Ankara06993_c 'Devaluation of Turkish lira', September 21, 1977; Doc. 1977Ankara07283_c 'Turkish devaluation: comment and analysis', September 30, 1977; Doc. 1977Ankara08495_c 'Turkey's five year plan', November 18, 1977; Doc. 1977Ankara08554_c 'Turkey reportedly fails to pay for Iraqi oil', November 21, 1977; Doc. 1977Ankara09058_c 'Payments delay', December 14, 1977.

[66] FRUS, 1977–1980. Vol. XXI. P. 309, 312, 318–319, 329–330; NARA, 1977. Doc. 1977Ankara06531_c 'US policy on OECD financial support fund', September 1, 1977; Doc. 1977Ankara07019_c 'Turkish Foreign Office expresses objections to proposed US legislation to limit imports', September 22, 1977; Doc. 1977Ankara07256_c 'Economic embargo allegations renewed in different form', September 30, 1977.

[67] NARA, 1977. Doc. 1977State145374_c 'Human Rights evaluation: Turkey, June 22, 1977; Doc. 1977Ankara04868_c 'Human Rights evaluation: Turkey', June 27, 1977.

[68] NARA, 1977. Doc. 1977Ankara08876_c 'Turkish-Soviet relations', December 7, 1977.

[69] NARA, 1977. Doc. 1977Ankara05535_c 'JP internal dissent', July 25, 1977; Doc. 1977Ankara05896_c 'Turkish internal politics', August 8, 1977; Doc. 1977Ankara09032_c 'PRIMIN faces challenge after mayoralty losses', December 13, 1977.

[70] FRUS, 1977–1980. Vol. XXI. P. 308.

[71] NARA. RG 59. Central Foreign Policy Files. Electronic Telegrams, 1978 (далее – NARA,1978). Doc. 1978Ankara00001_d 'Ecevit designated to form government', January 2, 1978; Doc. 1978Ankara00019_d 'Ecevit makes contacts to form new coalition', January 3. 1978; Doc. 1978Ankara00141_d 'Political trends analysis: political violence and the Ecevit government', January 6, 1978.

[72] FRUS, 1977–1980. Vol. XXI. P. 332. Как впоследствии окажется, Эджевит был уверен, что между США и СССР существует джентельменское соглашение о разделе сфер влияния, считая ответственным за него именно Бжезинского. См.: FRUS, 1977–1980. Vol. XXI. P. 335.

от ситуации с Демирелем, Спирс рекомендовал не оказывать давления на новое правительство по кипрскому вопросу и прислушаться к предложениям Эджевита[73].

12 января Бжезинский направил президенту записку с «критической самооценкой» первого года политики администрации. В ней отмечалось, что достичь продвижения по кипрскому вопросу не удалось: «Турция по-прежнему глубоко озлоблена и опасается, что новая администрация поддерживает прогреческую позицию Конгресса»[74]. Бжезинский признал, что предыдущий комплексный подход ничего не дал и назвал приход премьер-министра Эджевита положительным моментом, связав с ним надежды на улучшение координации в выработке общей стратегии по разрешению возникших проблем[75]. Хотя Бжезинский не написал прямо, подспудно записка содержала призыв к смене парадигмы в отношении американо-турецкого диалога. Аналогичный посыл заключала в себе записка министра обороны Брауна от 18 января с предложениями скорейшего устранения препятствий для военной и финансовой кооперации двух стран[76].

20–21 января Анкару посетил госсекретарь Вэнс. На двух встречах с Эджевитом был рассмотрен широкий круг двусторонних и глобальных тем. Глава турецкого правительства задался вопросом, нет ли в поведении США какой-то глубинной причины, нежели просто нажим ради достижения кипрского урегулирования. Он привёл факты поставок американского оружия западным, южным и восточным соседям Турции, указав при этом, что не видит со стороны СССР сопоставимой угрозы. Эджевит заявил, что развеять опасения о тайных замыслах Вашингтона может только переоценка текущего состояния американо-турецких отношений[77]. Он также указал, что его правительство уделяет приоритетное внимание развитию экономики, и нормализация двусторонних отношений – способ улучшить ситуацию[78]. Вэнс заверил визави в отсутствии скрытых мотивов, желании укрепить военно-стратегическое партнёрство, но указал, что оказание экономической помощи затрагивает ряд других сложных вопросов, которые администрации необходимо обдумать[79].

Переговоры следующего дня касались международной, в первую очередь, ближневосточной повестки. Эджевит вновь спросил, может ли Вашингтон оказать Турции помощь в решении её насущных экономических проблем как в рамках двусторонних отношений, так и используя влияние на МВФ. Вэнс обещал

[73] NARA,1978. Doc. 1978Ankara00101_d 'U.S.-Turkish relations', January 5, 1978.
[74] FRUS, 1977–1980. Vol. I. P. 285.
[75] Ibid. P. 295.
[76] FRUS, 1977–1980. Vol. XXI. P. 333–334.
[77] Ibid. P. 335.
[78] Ibid. P. 337.
[79] Ibid. P. 336, 338.

способствовать налаживанию диалога с Фондом[80]. Был затронут вопрос курдского сепаратизма. Госсекретарь назвал обвинения США в поддержке курдов беспочвенными[81].

В дальнейшем вопросы помощи Турции и снятия эмбарго находились в ведении Госдепартамента, ориентировавшегося на позицию Конгресса (всё ещё неблагожелательную). Попытки СНБ повлиять на ситуацию из опасений упустить благоприятный для улучшения отношений момент успеха не возымели[82]. Посол Спирс предупреждал, что Эджевит, пусть и не высказав это открыто, установил собственный лимит времени на пересмотр американцами подхода к Турции (до саммита НАТО в конце мая 1978 г.), и что Вашингтону необходимо продемонстрировать поддержку, иначе «Турция проведёт серьёзную переоценку своих интересов и позиции [по мировому балансу сил – *Авт.*]»[83].

Оппозиция Конгресса по предоставлению помощи Турции была значительной: конгрессмены не желали тратить средства на поддержку её экономики, критиковали Анкару за отсутствие уступок по Кипру и нарушение прав человека[84]. Госдепартамент предложил начать со снятия эмбарго, поскольку его легче было обосновать стратегической значимостью Анкары и нуждами НАТО. Но и этот трек требовал дополнительной подготовки, консолидации сторонников и обработки колеблющихся законодателей[85].

Чтобы успокоить Анкару, Вашингтон подстегнул МВФ к началу переговоров о переносе сроков выплаты турецкого долга[86], а президент Картер направил личное послание Эджевиту[87], в котором восхищался достижениями турецкой демократии[88], обещал приложить все усилия к скорейшему разрешению вопроса об эмбарго, но признавал, что это дело небыстрое и рискованное. Поскольку ранее турецкий премьер-министр грозился бойкотировать Вашингтонский саммит НАТО, Картер подчеркнул, с каким нетерпением ждёт встречи с Эджевитом[89]. Передавший послание президента заместитель госсекретаря У. Кристофер сообщил премьер-министру, что руководство США не собирается в дальнейшем увязывать американо-турецкие соглашения в оборонной и экономической сферах с кипрским урегулированием[90].

---

[80] Ibid. P. 342–343.
[81] Ibid. P. 343.
[82] Ibid. P. 344–345.
[83] Ibid. P. 346.
[84] U.S. Congress. Congressional Records. Proceedings and Debates. 1977. Volume 123. January 4 to December 15, 1977. Washington. U.S. Government Printing Office. P. 12081, 25642, 30621; FRUS, 1977–1980. Vol. XXI. P. 348–349, 356.
[85] FRUS, 1977–1980. Vol. XXI. P. 350–352, 355–356.
[86] Ibid. P. 355.
[87] Ibid. P. 352.
[88] О недооценке её успехов американцами на встречах с Вэнсом и Спирсом говорил сам Эджевит.
[89] FRUS, 1977–1980. Vol. XXI. P. 353.
[90] Ibid. P. 357

Трудности снятия эмбарго и их последствия, май–сентябрь 1978 г.

Однако Белый дом не преуспел в выполнении обещаний о снятии эмбарго: 11 и 12 мая обе палаты Конгресса проголосовали против. Такой поворот событий вызвал недовольство Эджевита, который в послании американскому лидеру заявил, что, учитывая наложенные ограничения, Турции придётся внести свой вклад в разрядку международной напряжённости[91]. 15 мая, выступая в лондонском Международном институте стратегических исследований, он представил развёрнутое обоснование этой идеи. Эджевит указал, что Турция долгое время несла непомерно тяжёлое экономическое бремя ради поддержания НАТО и системы коллективной безопасности Запада. Но ситуация изменилась: «Мы должны осознать тот факт, что период холодной войны закончился, началась разрядка, источники непосредственной угрозы стали другими» (Ecevit 1978: 203–204). По его мнению, Турция оказалась в невыгодном положении из-за зависимости в качестве члена НАТО от единственного источника поставок товаров и вооружений – США, вследствие этого американское эмбарго стало одной из причин турецкого экономического кризиса. Он раскритиковал администрацию Картера, заявив, что даже она не способна справиться с ситуацией, когда американской политикой управляют этнические лобби. Выступил за изменение принципов европейской структуры безопасности, в которой Турция не может довольствоваться тем, что её оценивают «как бронированную пограничную охрану Западного альянса» (Ecevit 1978: 205–206). Эджевит намекал на переход к многовекторной политике, готовность к сотрудничеству со странами Востока, в том числе социалистического, но избегал прямых указаний на потенциальных партнёров.

По мнению Бжезинского, Эджевит пытался разыграть карту советской угрозы. У Анкары в сложившихся условиях было только два пути: либо восстановить оборонительные отношения с США и НАТО (но этот путь блокировался американским эмбарго), либо включиться в разрядку международной напряжённости и пойти на сближение с соседними социалистическими государствами. Бжезинский, заявив, что предвидел такой шаг, предложил ограничиться общими заверениями в приверженности американо-турецкому сотрудничеству (что Картер и сделал в новом послании Эджевиту 19 мая[92]), поскольку был убеждён, что в исполнении своих угроз Анкара скорее всего не зайдёт далее кратковременной заморозки кипрского урегулирования[93]. Спирс, комментируя неудачу со снятием эмбарго, акцентировал внимание на внутриполитических

[91] Ibid. P. 358–359.
[92] FRUS, 1977–1980. Vol. XXI. P. 359.
[93] James E. Carter Presidential Library. National Security Affairs. Brzezinski Material. Brzezinski Office File. Country Chronological File. Box 50. Turkey: 1978. Memorandum from Brzezinski to Carter 'Turkey response', May 16, 1978. P. 4.

последствиях: «[Политическая – *Авт.*] атмосфера внутри Турции будет пропитана эмоциональным национализмом, <…> что отразится на поисках козла отпущения [в лице США – *Авт.*] и отстаивании национального достоинства»[94].

31 мая после Вашингтонского саммита НАТО состоялась встреча администрации Картера во главе с президентом и членов внешнеполитического блока турецкого правительства во главе с Эджевитом. Картер заявил, что экономическая и военная мощь Турции очень важна, и пообещал сделать всё возможное для скорейшего снятия эмбарго[95]. Большая часть переговоров касалась вопросов кипрского урегулирования и отношений в рамках НАТО. По внутренней проблематике Эджевит отметил, что без военно-финансовой помощи США он не сможет обеспечить безопасность внутри страны, и в случае наступления событий, наносящих ущерб турецкой демократии, образ Америки в глазах мировой и турецкой общественности будет испорчен[96]. Картер ответил, что только терпением можно переубедить законодателей: «Я верю, что с вашей помощью мы сможем добиться успеха»[97].

Эджевит благосклонно отнёсся к заверениям Картера, но к тому моменту уже принял решение о переходе к самостоятельной внешней политике[98], результатом чего стал его визит в СССР и подписание 23 июня соглашений о расширении экономического и технического сотрудничества (Киреев 2007: 337). Неожиданным для Вашингтона стало решение Эджевита отказаться от выполнения ранее согласованных договорённостей с МВФ по снижению бюджетных затрат и девальвации турецкой лиры, необходимых для рассмотрения вопроса о переносе сроков уплаты кредитов и выдачи новых[99]. Эджевит надеялся купировать издержки за счёт американской помощи, но, не получив её, отказался от рекомендаций МВФ.

В течение июня–июля Белом дому удалось убедить законодателей в необходимости нормализовать американо-турецкие военно-политические отношения и восстановить оборонительный потенциал Анкары. 25 июля Сенат одобрил снятие эмбарго и разрешил продажу американских вооружений на сумму 2,8 млрд долл.[100]. Вместе с тем была принята поправка Макговерна–Бёрда[101] к законопроекту о содействии международной безопасности, ограничившая использование передаваемого Турции оружия только оборонительными целями, и обязавшая президента через каждые шестьдесят дней отчитываться перед

[94] FRUS, 1977–1980. Vol. XXI. P. 360.
[95] Ibid. P. 362.
[96] Ibid. P. 364.
[97] Ibid. P. 364–365.
[98] Prime Minister Bülent Ecevit speeches May-June 1978. Ankara: General Directorate of Press and Information of the Turkish Republic, 1978. P. 31–32.
[99] CIA Electronic Library. Economic Intelligence Weekly Review, July 13, 1978.
[100] FRUS, 1977–1980. Vol. XXI. P. 380.
[101] Поправка была предложена сенатором Дж. Макговерном (демократ от Южной Дакоты) и поддержана лидером сенатского большинства Р. Бёрдом (демократ от Западной Вирджинии).

Конгрессом о достигнутом прогрессе в урегулировании кипрского вопроса[102]. 1 августа с трудом удалось протолкнуть через Палату представителей отмену эмбарго[103], но процедурные требования откладывали финал решения этой проблемы до 26 сентября[104].

Для обсуждения ситуации вокруг взаимодействия Турции с Международным валютным фондом (МВФ) 11 августа в Анкару прибыл заместитель государственного секретаря США Уоррен Кристофер. На состоявшейся встрече заместитель министра иностранных дел Турции Шюкрю Элекдаг объяснил отказ правительства от условий МВФ чрезмерно сжатыми сроками реализации договорённостей и возможными негативными последствиями для стабилизационной программы правительства. Кристофер, в свою очередь, подчеркнул, что соглашение с МВФ является необходимым условием для получения Турцией финансовой помощи как от Соединённых Штатов, так и от международного банковского сообщества[105]. В результате, 24 августа турецкая сторона была вынуждена подписать новое соглашение с МВФ[106].

Внутриполитический кризис в Турции весной–летом 1978 г. носил характер спорадических протестных выступлений, которые не представляли реальной угрозы правительству Эджевита[107]. Однако при снижении массовости столкновений шло нагнетание их ожесточённости. Если в 1977 г. число жертв политического насилия составило 200 чел., то за первую половину 1978 г. погибло более 500 чел.[108]. В целом внутриполитическая ситуация в Турции в тот момент волновала Вашингтон лишь постольку, поскольку это затрагивало интересы и безопасность американских граждан[109], что было схоже с первоначальным отношением к революции, разгоравшейся в соседнем Иране (Воробьёва, Юнгблюд 2019: 4).

Усугубление турецкого внутриполитического кризиса и позиция США, сентябрь – декабрь 1978 г.

В начале сентября 1978 г. ЦРУ сообщило о резком ухудшении экономической ситуации в Турции, сопровождавшемся протестами среди молодёжи и безработных[110]. В связи с этим начальник Объединённого комитета начальников штабов генерал Дэвид Джонс высказал предположение о том, что усиление

[102] FRUS, 1977–1980. Vol. I. P. 445.
[103] Голосование завершилось с результатом 208 «за» – 205 «против» снятия эмбарго.
[104] FRUS, 1977–1980. Vol. XXI. P. 380–381.
[105] Ibid. P. 382.
[106] Ibid. P. 384.
[107] CIA Electronic Library. National Intelligence Bulletin, May 3, 1978.
[108] CIA Electronic Library. Weekly Situation Report On International Terrorism, October 4, 1978.
[109] CIA Electronic Library. Weekly Situation Report On International Terrorism, November 1, 1978; Weekly Situation Report On International Terrorism, December 6, 1978.
[110] CIA Electronic Library. Memorandum 'Recent Patterns of International Trade Restrictions', September 1, 1978.

напряжённости в Иране и Турции могло быть частью советской стратегии по нейтрализации этих государств[111]. 26 сентября 1978 г. президент Джимми Картер подписал Закон о содействии международной безопасности, положивший конец американскому эмбарго на поставки вооружений Турции[112]. Несмотря на то, что эффект от этого решения ожидался не сразу[113], сам факт снятия эмбарго был представлен как важный шаг США в направлении «укрепления и поддержки союзников Америки»[114]. Данное решение было позитивно воспринято частью турецкого политического истеблишмента, особенно среди военной элиты[115].

В октябре 1978 г. турецкая сторона согласилась вернуть США контроль над четырьмя военными базами[116], предоставив им временный статус[117] в обмен на финансовую поддержку со стороны Вашингтона[118]. Однако эти условия вызвали острую критику со стороны левых сил и части сторонников Народно-республиканской партии (НРП), которые обвинили правительство Эджевита в «пособничестве американскому империализму»[119]. Тем самым Эджевит подорвал левый консенсус, сложившийся вокруг НРП, что способствовало дальнейшему усилению общественных волнений и политических беспорядков в стране[120].

В период с октября по декабрь 1978 г. американская разведка подготовила серию докладов, посвящённых внутриполитической ситуации в Турции[121]. Согласно представленным оценкам, за прошедшие девять месяцев правительству Эджевита не удалось стабилизировать экономику страны. К концу года государственный долг достиг 5 млрд долларов США, дефицит бюджета составил 3,4 млрд долларов, годовой уровень инфляции достигал 50%, безработица выросла до 15%, наблюдался острый дефицит иностранной валюты, а также возникла реальная угроза нехватки нефтепродуктов.

---

[111] FRUS, 1977–1980. Vol. XVIII. Middle East Region; Arabian Peninsula. 2015. Washington. United States Government Printing Office. P. 24.

[112] Public Papers of the Presidents of the United States, 1978. Book 2: June 30 to December 31, 1978. 1979. Washington. US GPO. P. 1636.

[113] Правительству требовалось подготовить ряд документов, сопровождавших указ президента, представить в Конгресс обоснование снятия эмбарго, в том числе обзор состояния кипрского урегулирования. Новые вооружения могли поступить в Турцию не раньше первой половины 1979 г., а финансовая помощь – второй половины 1979 – начала 1980 гг. См.: FRUS, 1977–1980. Vol. XXI. P. 388–390.

[114] FRUS, 1977–1980. Vol. XVIII. P. 28.

[115] NARA,1978. Doc. 1978Ankara08846 'Political Trends Analysis', December 12, 1978.

[116] NARA,1978. Doc. 1978Ankara07028_d 'NSC discussion of US installations', October 3, 1978.

[117] Поскольку снятие эмбарго предполагало отчеты администрации Картера перед Конгрессом каждые 60 дней, точно также и рассмотрение вопроса о временном статусе должно было происходить раз в два месяца. См.: NARA,1978. Doc. 1978Ankara07031_d 'Turkish press on reopening of US installations', October 3, 1978.

[118] FRUS, 1977–1980. Vol. XXI. P. 386.

[119] NARA,1978. Doc. 1978Ankara07022_d 'Turkish press on lifting of embargo and US bases', October 2, 1978.

[120] NARA,1978. Doc. 1978Ankara07107_d 'Ecevit political price for reopening bases', October 5, 1978.

[121] CIA Electronic Library. Western Europe Review, October 4, 1978; Western Europe Review, October 18, 1978; Economic Intelligence Weekly Review, October 19, 1978; National Intelligence Bulletin, November 30, 1978; Memorandum 'Intelligence Assessment on the Resurgence of Islam', December 8, 1978.

На этом фоне происходила эскалация политического насилия: число погибших составило от 800 до 1000 человек, начались массовые выступления курдских сепаратистов. Несмотря на критическое ухудшение внутриполитического и экономического положения, позиции правительства оставались относительно стабильными, во многом благодаря достигнутым внешнеполитическим успехам.

Среди проблемных факторов значились: попустительство городским анархистам и леворадикальным пропагандистам, раскол полиции на сторонников левых и правых сил, появление внутри спецслужб приверженцев «неофашистской, пантюркистской, ультранационалистической идеологии». В связи с событиями в Иране отмечалась активизация радикальных религиозных проповедников, выступавших против идей кемализма. У разведки не было оснований говорить о наличии советского следа, поскольку советские граждане и дипломаты страдали от нападений так же, как и американские. Разведчики прогнозировали в краткосрочной перспективе сохранение правительства Эджевита, допускали возможность в среднесрочной перспективе его отставки и прихода ему на смену ещё менее эффективных кабинетов, с последующим вмешательством армии.

В ноябре генеральный секретарь НАТО Йозеф Лунс совершил визит в Анкару и провёл встречи с представителями турецкого руководства и военного командования[122]. По итогам этих встреч Лунс подготовил подробный отчёт, направленный американскому руководству. Центральное место в документе заняла оценка тяжёлого экономического положения Турции. Лунс критически отозвался о жёсткой позиции Международного валютного фонда (МВФ), в то же время позитивно оценив помощь, оказанную Турции Всемирным банком и Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Особую обеспокоенность генеральный секретарь выразил в связи с усиливающейся зависимостью Анкары от экономических и торговых связей с СССР, который, по его наблюдениям, значительно охотнее стран НАТО шёл навстречу экономическим нуждам Турции. Он также привёл слова премьер-министра Эджевита, охарактеризовавшего текущую ситуацию как «наиболее серьёзную» из всех, с которыми когда-либо сталкивалась демократическая Турция[123].

Суммируя события на Ближнем и Среднем Востоке в меморандуме президенту от 2 декабря, Бжезинский представил наброски концепции затрагивающей Турцию «дуги нестабильности» от Бангладеш до Йемена, с центром в Иране[124]. Угроза распространения беспорядков, пусть и не с подачи Москвы, на чём настаивал Бжезинский, вскоре воплотилась в жизнь: в середине–конце декабря

[122] Нидерландский политик Йозеф Лунс был генеральным секретарём НАТО с 1 октября 1971 по 25 июня 1984 гг.
[123] FRUS, 1977–1980. Vol. XXI. P. 391, 393.
[124] FRUS, 1977–1980. Vol. I. P. 488.

на востоке страны начались массовые волнения, поводом к которым послужил этнорелигиозный конфликт[125]. Правительство Эджевита ввело в восточных провинциях режим военного положения[126].

На заседании Комитета политического обозрения 28 декабря 1978 г. Бжезинский констатировал наличие признаков перерастания экономического кризиса в Турции в политическую нестабильность, кульминацией которой могло стать выступление военных[127]. Директор Центральной разведки Ст. Тёрнер отметил, что затягивание конфликта расшатывает позиции правительства Эджвита, но «разведка не располагает доказательствам склонности военных взять власть в свои руки»[128]. В обзоре СНБ для президента Бжезинский указал: «Существует тонкая взаимосвязь между проблемами Ирана, Турции и Ближнего Востока. Совершенно необходима ведущая роль Соединённых Штатов в их решении. Вы указали правильное направление[129], и теперь мы должны мобилизовать союзников для более открытой поддержки наших усилий. Больше того, эти усилия должны быть вписаны в широкие рамки [«дуги нестабильности» – *Авт.*], которые я обрисовал выше»[130].

Общие итоги американской политики на турецком направлении за 1978 г. подвёл С. Вэнс в меморандуме для президента от 28 декабря. Госсекретарь отметил, что экономические трудности, с которыми столкнулась Турция, имели глубокие основания и подпитывали текущий политический кризис, что нанесло ущерб американским интересам. Возможности реагирования были ограничены, и Вэнс настаивал на том, что экономическое и политическое спасение Анкары должно быть возложено на европейских союзников и МВФ, хотя и признал, что без увеличения финансовой помощи США не обойтись[131]. Кипрский вопрос предлагалось оставить в повестке дня, но не ради самого урегулирования, а для того, чтобы Конгресс не заблокировал помощь Турции[132]. Президент поддержал эти выводы[133].

Введение режима военного положения в Турции стало вызовом для всей региональной политики Вашингтона в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке.

---

[125] Наиболее ожесточенные столкновения произошли в городе Кахраманмараш 19–26 декабря, месте проживания большого числа курдов и религиозной общины алевитов (Zürcher 2017: 267).
[126] FRUS, 1977–1980. Vol. XXI. P. 394; CIA Electronic Library. Memorandum 'Turkey: Problems For Ecevit', December 22, 1978.
[127] FRUS, 1977–1980. Vol. XXI. P. 397–398.
[128] Ibid. P. 399.
[129] Здесь Бжезинский подразумевал указания при подготовке к Гваделупской конференции, которая состоялась позднее в январе 1979 г.
[130] FRUS, 1977–1980. Vol. I. P. 514.
[131] FRUS, 1977–1980. Vol. XXVIII. Organization and Management of Foreign Policy. 2016. Washington. United States Government Printing Office. P. 64–65.
132 FRUS, 1977–1980. Vol. XXVIII. P. 64.
[133] FRUS, 1977–1980. Vol. I. P. 525.

Заключение

Проведённый нами анализ политики администрации Дж. Картера в отношении Турции в 1977–1978 гг. показал, что значительную часть этого периода в подходах Белого дома господствовал дух кипрского урегулирования, который как минимум до конца 1977 г. был определяющим в выстраивании отношений с Анкарой, оказывал затмевающий эффект на восприятие ситуации в стране. Внутриполитическая обстановка в Турции в начале каденции Картера не вызывала существенного интереса в Белом доме, хотя У. Макомбер и К. Клиффорд пытались привлечь к ней внимание.

Без учёта глубинных проблем, накопившихся в Турции, администрация Картера не смогла выстроить сбалансированную политику на турецком направлении, что, в свою очередь, сказывалось на общей стратегии в отношении Восточного Средиземноморья, Ближнего и Среднего Востока. В результате время, которое Вашингтон мог использовать для поддержки турецких властей в их попытках разрешить политические и экономических проблемы, было упущено. Впрочем, турецкие лидеры в 1977 г. сами не торопились укреплять контакты с новым руководством США, и ещё менее желали идти на компромиссы и уступки, действуя скорее из сиюминутных электоральных и партийных интересов, нежели следуя долгосрочным планам, к чему их призывало, например, военное руководство. Вследствие этого руководству США не удалось наладить полноценную коммуникацию с коалиционными правительствами Демиреля.

Изначально администрации Джимми Картера, равно как и значительной части турецкой общественности, казалось, что назначение Бюлента Эджевита на пост премьер-министра в 1978 году позволит снизить остроту внутриполитической напряжённости и даст импульс процессу нормализации американо-турецких отношений. Однако даже с этим турецким правительством, наиболее близким Вашингтону по политическим взглядам, администрация Картера не смогла своевременно воспользоваться благоприятной возможностью для улучшения двусторонних отношений.

Причины такого исхода были комплексными. Во-первых, внимание Вашингтона оказалось поглощено более масштабными и стратегически важными вопросами глобальной внешнеполитической повестки, такими как кипрский конфликт, революция в Иране, переговоры с СССР по ОСВ-II и другими проблемами международной стабильности. Во-вторых, администрация не желала тратить значительные ресурсы (временные, политические и экономические) на ситуацию, которую считала возможным разрешить с помощью дипломатического давления и убеждения. В-третьих, имелись структурные ограничения, важнейшим из которых была позиция Конгресса США, существенно осложнявшая оперативное принятие решений и эффективное оказание помощи Турции.

Ни политическое руководство США, ни американские аналитические структуры не смогли своевременно и адекватно оценить масштаб и глубину нараставшего экономического кризиса в Турции, что подтолкнуло Анкару к поиску альтернативных экономических и торговых партнёров за пределами Вашингтона. Посол США Рональд Спирс, назначенный на этот пост летом 1977 года, отличался меньшей активностью и проявлял скорее реактивный подход к анализу происходящих событий. В отличие от своего предшественника, он редко предоставлял Государственному департаменту и другим структурам обстоятельные аналитические материалы и качественные прогнозы.

Можно предположить, что если бы у советского руководства действительно были намерения активно расширить своё влияние на Турцию и окружающий регион (о чём неоднократно заявлял Збигнев Бжезинский), Соединённые Штаты оказались бы перед угрозой потери ещё одного ключевого союзника на Ближнем Востоке — вслед за Ираном. Тем не менее, СССР ограничился использованием сложившейся ситуации для внесения определённого беспокойства и разлада в евроатлантическое сообщество, не предпринимая реальных усилий по вовлечению Анкары в сферу своего непосредственного влияния[134].

Отказ администрации Картера в 1977–1978 гг. предпринять своевременные меры для предотвращения дальнейшего усугубления внутриполитического кризиса в Турции стал одним из существенных факторов его последующей эскалации. С исторической точки зрения, подобная нерешительность администрации Картера способствовала формированию устойчивого недоверия Турции к политике США, заложив основу системного кризиса, который проявляется и в современных американо-турецких отношениях.

Об авторе:

Алексей Иванович Сенников – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политических наук Вятского государственного университета. 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36.
E-mail: usr12154@vyatsu.ru

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:
Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-78-10179, https://rscf.ru/project/22-78-10179/

[134] Это видно из советских документов: протокола заседания Политбюро ЦК от 8 июня 1978 г. «Некоторые вопросы международного положения» (РГАНИ Ф. 89. Оп. 34. Д. 1. Л. 2–7) и отчёта «Об информационно-пропагандистской работе посольства в 1978 г.» в Анкаре от 19 декабря 1978 г. (РГАНИ Ф. 5. Оп. 76. Д. 1256. Л. 15–21).

UDC: 327(73:560)"1977/1978"
Received: 11 February 2025
Accepted for publication: 15 May 2025

The Carter Administration and the Turkish Political Crisis, 1977–1978: An Analysis of U.S. Foreign Policy Responses

A.I. Sennikov
DOI 10.24833/2071-8160-2025-3-102-87-114

Vyatka State University

Abstract: The contemporary volatility in U.S.–Turkish relations underscores the need to revisit their historical underpinnings. The Turkish domestic crisis of 1977–1980 unfolded against the backdrop of deteriorating bilateral relations with Washington and was embedded within a wider spectrum of global instability. This conjunction of events prompted U.S. National Security Advisor Zbigniew Brzezinski to articulate the notion of an "Arc of Crisis" spanning the Eastern Mediterranean and the broader Middle East.

This article examines the evolution of U.S. perceptions of the Turkish political crisis during the initial phase of the Carter administration (1977–1978), with particular attention to the intersection of domestic turmoil in Turkey and American strategic calculations in the region. The analysis draws on a diverse set of primary sources, including declassified documents from the Foreign Relations of the United States (FRUS) series, internal State Department cables, National Security Council memoranda, and Central Intelligence Agency assessments.

The findings suggest that, up until the declaration of martial law in December 1978, the Carter administration treated the Turkish crisis not as a self-contained domestic development but as a component of broader programmatic foreign policy goals. These included the stabilization of NATO's southeastern flank and the management of geopolitical realignment following détente. However, Washington's delayed recognition of the severity of the Turkish crisis, coupled with a lack of coherent policy engagement, contributed to missed opportunities for early mitigation.

From a longer-term perspective, the article argues that the Carter administration's hesitant and inconsistent approach helped entrench a pattern of mistrust in Ankara toward U.S. policy, laying the foundations for structural tensions that continue to shape U.S.–Turkish relations in the post-Cold War era.

Keywords: U.S.–Turkey relations, Jimmy Carter administration, Turkish political crisis, Eastern Mediterranean, NATO, Cold War, U.S. foreign policy, Truman Doctrine, Military-political stability

About the author:

Alexey I. Sennikov – Ph.D. (History), Associate Professor, Department of History and Political Sciences, Vyatka State University, 36 Moskovskaya Str., Kirov, 610000, Russia.
E-mail: usr12154@vyatsu.ru

Acknowledgements:
This study was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project No. 22-78-10179 (https://rscf.ru/project/22-78-10179/).

References:

Aslan O. 2018. *The United States and Military Coups in Turkey and Pakistan: Between Conspiracy and Reality.* Ankara: Department of Political Science and Public Administration. 309 p.

Athanassopoulou E. 2014. *Strategic Relations between the US and Turkey, 1979–2000.* London: Routledge. 228 p.

Bezci E. 2020. *Turkish Intelligence and the Cold War: The Turkish Secret Service, the US and the UK.* London: I.B. Tauris. 304 p.

Bozdağlioğlu Y. 2003. *Turkish foreign policy and Turkish identity: a constructivist approach.* New York: Routledge. 232 p.

Criss N.B. 2002. A Short History of Anti-Americanism and Terrorism: The Turkish Case. *Journal of American History.* Vol. 89. Is. 2. P. 472–482.

Ecevit B. 1978. Turkey's security policies. *Survival: Global Politics and Strategy.* Vol. 20, Is. 5. P. 203–208. DOI: 10.1080/00396337808441766

Gökay B. 2006. *Soviet Eastern Policy and Turkey, 1920–1991: Soviet Foreign Policy, Turkey and Communism.* New York: Routledge. 208 p.

Gökay B. 2021. *Turkey in the Global Economy: Neoliberalism, Global Shift, and the Making of a Rising Power.* Chicago: McGill-Queen's University Press. 224 p.

Gourisse B. 2023. *Political Violence in Turkey, 1975–1980: The state at stake.* London: I.B. Tauris. 233 p.

Kösebalaban H. 2011. *Turkish Foreign Policy: Islam, Nationalism, and Globalization.* New York. Palgrave Macmillan. 256 p.

Larrabee F.S., Lesser I.O. 2003. *Turkish Foreign Policy in an Age of Uncertainty.* Santa Monica, CA: RAND Corporation. 236 p.

Oran B. (ed.) 2010. *Turkish foreign policy, 1919–2006: facts and analyses with documents.* Salt Lake City: The University of Utah Press. 984 p.

Sayari S. 2010. Political Violence and Terrorism in Turkey, 1976–80: A Retrospective Analysis. *Terrorism and Political Violence.* Vol. 22. Is. 2. P. 198–215.

Söyler M. 2015. *The Turkish Deep State: State Consolidation, Civil-Military Relations and Democracy.* New York: Routledge. 250 p.

Zürcher E. J. 2017. *Turkey: A Modern History.* London, New York: I.B. Tauris & Co. LTD. 485 p.

Erkan S. 2017. CIA Günlük Raporlarına Göre Türkiye'de 1978 Bülent Ecevit Hükümeti Dönemi [1978 Bülent Ecevit Government Era On CIA Daily Reports]. *Journal of History Studies.* Vol. 9. Is. 1. P. 127–144. DOI: 10.9737/hist.2017.516/ (In Turkish).

Yalçın E., Akçakaya, N. 2024. TBMM tutanaklarında Maraş olayları ve komplo teorileri [Maraş Events and Conspiracy Theories in the Parliamentary Minutes]. *Anemon Muş Alparslan Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi.* Vol. 12. Is. 1. P. 189–210. DOI: 10.18506/anemon.1309089 (In Turkish).

Avatkov V.A., Kochkin M.V. 2016. Osnovnye napravleniia krizisa vo vnutrennei i vneshnei politike Turetskoi respubliki [Principle trajectories of the Domestic and Foreign Policy Crises in Modern Turkish Republic]. *MGIMO Review of International Relations.* Vol. 2. Is. 47. P. 7–14. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-2-47-7-14. (in Russian)

Bobkin N.N. 2018. Krizis strategicheskogo partnerstva SShA i Turtsii: ot nedoveriia k protivostoianiiu [Crisis of the U.S. and Turkey Strategic Partnership: from Distrust to Conflict]. *USA & Canada: Economics – Politics – Culture.* Issue 7 (583). P. 33–50. DOI 10.31857/S032120680000014-9. (in Russian)

Danilov V.I., Kornienko R.P. 1981. Politicheskoe razvitie i osnovnye politicheskie partii [Political development and the main political parties]. In Gankovsky Yu.V (ed.). *Problems of development of the countries of the modern Near and Middle East (Iran, Pakistan, Turkey).* Moscow: Nauka. P. 140–162. (in Russian).

Davydov A.A. 2019. Sistemnyi krizis amerikano-turetskikh otnoshenii pri D. Trampe [Systemic Crisis in the US-Turkish Relations Under the Presidency of D. Trump]. *MGIMO Review of International Relations.* Vol. 12 Is. 4. P. 145–160. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-4-67-145-160. (in Russian).

Eremeev D.E. 2017. *Istoriia Turetskoi Respubliki s 1918 goda do nashikh dnei* [The history of the Turkish Republic from 1918 to the present day]. Moscow: Kvadriga. 376 p. (in Russian).

Ganser D. 2017. *Sekretnye armii NATO: Operatsiia «Gladio» i terrorizm v Zapadnoi Evrope* [NATO's secret armies: Operation Gladio and terrorism in Western Europe]. Transl. by A.Yu. Kolgashkina, ed. by E.V. Gorina., 2nd ed. Moscow: Kuchkovo pole. 336 p. (in Russian).

Gegelashvili N. Politika SShA v otnoshenii Turtsii v kontekste ukrainskogo krizisa [The U.S. Policy towards Turkey in the Context of the Ukrainian Crisis]. *USA & Canada: Economics – Politics – Culture.* Issue 7. P. 27–36. DOI: 10.31857/S2686673022070033. (in Russian).

Grafov D.B. 2022. Strategiia balansirovaniia vo vneshnei politike Turtsii [Strategy of Balancing in Turkish Foreign Policy]. *MGIMO Review of International Relations.* Vol. 15. Is. 3. P. 115–142. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-3-84-115-142. (in Russian).

Ivanova I.I. 2019. *Evoliutsiia blizhnevostochnoi politiki Turetskoi Respubliki v XX–XXI vv.* [The evolution of the Middle East policy of the Turkish Republic in the XX–XXI centuries]. Ed. by A.V. Shtanov; MGIMO MID Rossii. Moscow: Izdatel' Vorob'ev A.V. 380 p. (in Russian).

Kireev N.G. 2007. *Istoriia Turtsii XX vek* [The history of Turkey XX century]. Moscow: Kraft+. 608 p. (in Russian)

Lebsky M. 2016. *Kurdy. Poteriannye na Blizhnem Vostoke* [The Kurds. Lost in the Middle East]. Moscow: Algoritm. 352 p. (in Russian).

Potskhveriya B.M. 1981. Turtsiia v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii. In Gankovsky Yu.V (ed.). *Problems of development of the countries of the modern Near and Middle East (Iran, Pakistan, Turkey).* Moscow: Nauka. P. 163–180. (in Russian).

Shenin A.S. 2014. Turetskaia politika SShA: genezis i evoliutsiia v 1980-e gg. [The U. S.'s Turkish Policy: Genesis and Evolution in 1980s] *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations.* Vol. 14. Is. 3. P. 54–58. (in Russian).

Shlykov P.V. 2019. Turetsko-amerikanskie otnosheniia v zerkale blizhnevostochnogo i evroatlanticheskogo izmerenii [Turkish-American relations in the mirror of Middle Eastern and Euro-Atlantic dimensions]. *Current problems of Europe.* Vol. 1. P. 184–228. DOI: 10.31249/ape/2019.01.09 (in Russian).

Smolnyak I.V. 2016. Sredizemnomorskii rubezh sderzhivaniia: kiprskaia problema v amerikano-turetskikh otnosheniiakh, 1962–1978 gg. [Mediterranean frontier Containment: the Cyprus problem in the US-Turkish relations, 1962–1978]. *Vestnik ViatGU.* Vol. 12. P. 42–53. (in Russian).

Tovsultanova M.Sh., Tovsultanov R.A., Galimova L.N. 2020. Politicheskii krizis v Turtsii 1970-kh gg. i voennyi perevorot 12 sentiabria 1980 goda [Turkey's Political Crisis of the 1970s and the Military Coup on September 12, 1980]. *Samara Journal of Science.* Vol. 9. Is. 3. P. 234–238. DOI: 10.17816/snv202093210. (in Russian).

Vorobyova T.A., Yungblyud V.T. 2016. Afganistan v politike SSSR i SShA v 1979 g. [Afghanistan in the politics of the USSR and the USA in 1979]. *Voprosy Istorii.* Vol. 10. P. 105–125. (in Russian).

Vorobyova T.A., Yungblyud V.T. 2019. SShA teriaiut soiuznika na Blizhnem Vostoke: politika administratsii Dzh. Kartera v otnoshenii Irana, 1977–1980 gg. [The United States Are Losing an Ally in the Middle East: J. Carter's Administration Policy towards Iran, 1977—1980]. *ISTORIYA*. Vol. 10, No. 3 (77). Available at: https://history.jes.su/s207987840005469-4-1/ DOI: 10.18254/S207987840005469-4 (accessed: 23.06.2024). (in Russian).

Yungblud V.T. (ed.) 2014. *Vstrechnymi kursami: politika SSSR i SShA na Balkanakh, Blizhnem i Srednem Vostoke v 1939–1947 gg.* [Collision course: the policy of USSR and the USA in the Balkans, the Near and Middle East in 1939–1947]. Kirov: Izd-vo ViatGGU. 510 p. (in Russian).

Yungblud V.T., Sennikov A.I. 2023. Kurdskii faktor v politike SShA na pike krizisov v Irane i Afganistane, 1979 – ianvar' 1981 gg. [The Kurdish Movement's Factor in US Politics at the Peak of Iran and Afghanistan Crises, 1979 – January 1981]. *MGIMO Review of International Relations.* Vol. 16 Is. 5. P. 22–51. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-5-92-28-57 (in Russian).

Список литературы на русском языке:

Аватков В.А., Кочкин М.В. 2016. Основные направления кризиса во внутренней и внешней политике Турецкой республики. *Вестник МГИМО-Университета.* № 2 (47). С. 7-14. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-2-47-7-14.

Бобкин Н.Н. 2018. Кризис стратегического партнёрства США и Турции: от недоверия к противостоянию. *США и Канада: экономика, политика, культура.* № 7 (583). С. 33-50. DOI: 10.31857/S032120680000014-9.

Воробьёва Т.А., Юнгблюд В.Т. 2016. Афганистан в политике СССР и США в 1979 г. *Вопросы истории.* № 10. С. 105–125.

Воробьёва Т.А., Юнгблюд В.Т. 2019. США теряют союзника на Ближнем Востоке: политика администрации Дж. Картера в отношении Ирана, 1977–1980 гг. *Электронный научно-образовательный журнал «История».* Т. 10. Выпуск 3 (77). 16 с. DOI: 10.18254/S207987840005469-4

Гансер Д. 2017. *Секретные армии НАТО: Операция «Гладио» и терроризм в Западной Европе.* Пер. с англ. А.Ю. Колгашкина, под ред. Е.В. Гориной, 2-е изд., испр. Москва: Кучково поле. 336 с.

Гегелашвили Н.А. 2022. Политика США в отношении Турции в контексте украинского кризиса. *США и Канада: экономика, политика, культура.* № 7 С. 27-36. DOI: 10.31857/S2686673022070033.

Графов Д.Б. 2022. Стратегия балансирования во внешней политике Турции. *Вестник МГИМО-Университета.* № 15(3). С. 115–142. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-3-84-115-142.

Давыдов А.А. 2019. Системный кризис американо-турецких отношений при Д. Трампе. *Вестник МГИМО-Университета.* № 12(4). С. 145–160. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-4-67-145-160.

Данилов В.И., Корниенко Р.П. 1981. Политическое развитие и основные политические партии. *Проблемы развития стран современного Ближнего и Среднего Востока (Иран, Пакистан, Турция).* Отв. ред. Ю.В. Ганковский. Москва: Наука. С. 140–162.

Еремеев Д.Е. 2017. *История Турецкой Республики с 1918 года до наших дней.* Москва: Квадрига. 376 с.

Иванова И.И. 2019. *Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики в XX–XXI вв.* Под ред. А.В. Штанова; МГИМО МИД России. Москва: Издатель Воробьёв А.В. 380 с.

Киреев Н.Г. 2007. *История Турции XX век.* Москва: Крафт+. 608 с.

Лебский М. 2016. *Курды. Потерянные на Ближнем Востоке.* Москва: Алгоритм. 352 с.

Поцхверия Б.М. 1981. Турция в системе международных отношений. *Проблемы развития стран современного Ближнего и Среднего Востока (Иран, Пакистан, Турция).* Отв. ред. Ю.В. Ганковский. Москва: Наука. С. 163–180.

Смольняк И.В. 2016. Средиземноморский рубеж сдерживания: кипрская проблема в американо-турецких отношениях, 1962–1978 гг. *Вестник ВятГУ.* №12. С. 42–53.

Товсултанова М.Ш., Товсултанов Р.А., Галимова Л.Н. 2020. Политический кризис в Турции 1970-х гг. и военный переворот 12 сентября 1980 года. *Самарский научный вестник.* Т. 9, № 3. С. 234–238. DOI: 10.17816/snv202093210.

Шенин А.С. 2014. Турецкая политика США: генезис и эволюция в 1980-е гг. *Известия Саратовского университета. Серия История. Международные отношения.* Т. 14. Вып. 3. С. 54–58.

Шлыков П.В. 2019. Турецко-американские отношения в зеркале ближневосточного и евро-атлантического измерений. *Актуальные проблемы Европы.* № 1. С. 184–228. DOI: 10.31249/ape/2019.01.09

Юнгблюд В.Т. (отв. ред.) 2014. *Встречными курсами: политика СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939–1947 гг.* Киров: Изд-во ВятГГУ. 510 с.

Юнгблюд В.Т., Сенников А.И. 2023. Курдский фактор в политике США на пике кризисов в Иране и Афганистане, 1979 – январь 1981 гг. *Вестник МГИМО-Университета.* № 16 (5). С. 22–51. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-5-92-28-57

Вестник МГИМО-Университета. 2025. 18(3). С. 115–133
DOI 10.24833/2071-8160-2025-3-102-115-133

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Check for updates

Нарративы травматического прошлого в японских музеях исторической памяти

Д.В. Стрельцов, Я.П. Фокин

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье рассматриваются нарративы травматического исторического прошлого, представленные в экспозициях японских музеев памяти. Основное внимание уделяется репрезентации событий, связанных с участием Японии во Второй мировой войне и её колониальной политикой. Исследование опирается на теоретические подходы, рассматривающие историческую память как социальный конструкт и разновидность символической политики. Авторы изучают музейные экспозиции как важные инструменты распространения определённых исторических нарративов, оказывающих значительное влияние на современный общественный дискурс и формирование коллективной идентичности японцев. Эмпирическую базу исследования составляют экспозиции четырёх репрезентативных японских музеев: музея Юсюкан, Мемориального музея солдат, интернированных в Сибирь, и послевоенных репатриантов, музея «северных территорий», а также Женского активного музея войны и мира. На примере указанных музеев авторы выявляют и анализируют три основных направления исторических нарративов: радикально-консервативное, умеренно-консервативное и прогрессистское. Для типологизации представленных нарративов используются пять моделей исторической памяти, предложенных Маттео Дианом: героизация прошлого, самовиктимизация, историческая амнезия, признание вины и искреннее раскаяние.
Исследование показывает, каким образом музеи используют различные механизмы репрезентации — текстовые пояснения, визуальные экспонаты, личные истории и эмоциональные приёмы, — для формирования у посетителей конкретных интерпретаций исторических событий. В статье обосновывается вывод о том, что многообразие представленных в музеях нарративов обусловлено конкуренцией мнемонических традиций и акторов в японском обществе, таких как политические партии, государственные институты, религиозные организации и общественные группы. Авторы отмечают, что сосуществование государственных и негосударственных музеев способствует сохранению плюрализма исторических интерпретаций, что, в свою очередь, отражает продолжающиеся общественные дискуссии о прошлом Японии и оказывает влияние на её национальную идентичность и международные отношения.

Ключевые слова: Япония, травматическое прошлое, исторические нарративы, музеи исторической памяти, музеи мира, Вторая Мировая война

УДК: 94(520)"1939/1945":069.01
Поступила в редакцию: 11.12.2024
Принята к публикации: 15.03.2025

Важным средством репрезентации и распространения исторических нарративов в обществе выступают исторические музеи, которые призваны отражать укоренившееся в обществе восприятие себя и других через призму истории страны или определённых значимых для неё сюжетов. Как отмечал Дж. Барранд, музеи, будучи важным источником первичных доказательств, играют уникальную роль в историческом образовании, создавая чувство реальности прошлого и добавляя прошлому новое измерение (Barrand 1969: 65). Французский исследователь Доминик Пуло отмечал, что коллекция любого музея – это продукт реконструкций, созданных в результате селективного отбора и выборочных упущений во имя увековечения памяти (Poulot 2011: 7).

Особую группу образуют музеи памяти (Иванова 2022: 1372), которые посвящены трагическим событиям, связанным с войнами, геноцидом, массовой гибелью людей в результате войн или насильственных действий, совершённых как военным противником, так и органами власти собственного государства, или же группами людей, не связанными с правительством.

Одна из целей подобных музеев – воспитание в патриотическом духе подрастающих поколений. В Японии действует Базовый закон об образовании, согласно поправкам к которому, принятым в декабре 2006 г., школы должны прививать «любовь к собственной стране» с целью воспитания патриотизма в обществе[1]. Общественные комиссии по образованию (*кёику иинкай*) при муниципалитетах, придерживаясь этих принципов, нередко одобряют в образовательных программах средней школы посещение музеев памяти. Кроме того, музеи зачастую включены в список местных достопримечательностей, которые туристические фирмы рекомендуют для посещения. Популярность музея, его посещаемость способствуют распространению в обществе определённого нарратива, внося тем самым вклад в выстраивание современной японской идентичности.

Между тем, когда речь идёт о чувствительных и, тем более, травматических событиях прошлого, представленные музеем нарративы, базирующиеся на субъективной интерпретации истории, далеко не всегда основаны на общественном консенсусе. Не составляют исключения из этого правила и музеи памяти Японии. В этой стране работают множество музеев, отражающих разные взгляды на трагические или чувствительные для общественного сознания события прошлого. Сказанное относится, прежде всего, к периоду Второй мировой войны, в которой Япония потерпела поражение, заплатив за свою милитаристскую политику миллионами жизней. Существуют несколько типов музеев памяти, отличающихся друг от друга интерпретацией военных событий первой половины XX в.

[1] Japan passes measure requiring patriotic education - Asia - Pacific - International Herald Tribune. *The New York Times.* 15.12.2006.

В настоящей статье предпринята попытка на примере четырёх кейсов показать используемую японскими музеями методологию и формы репрезентации исторических нарративов периода Второй мировой войны. Авторы ни в коей мере не претендуют на широкое обобщение, которое потребовало бы детального знакомства с несколькими сотнями исторических музеев Японии, каждый из которых имеет свою специфику. В то же время даже знакомство с ограниченным набором кейсов может быть весьма плодотворным, так как позволяет наглядно продемонстрировать разнообразие репрезентационного инструментария, используемого в музейных экспозициях для пропаганды определенного исторического нарратива.

Представляется важным, что эти нарративы существенно влияют на современное состояние отношений Японии со странами, пострадавшими от её действий в прошлом. Авторы намеренно отказываются от рассмотрения этих международно-политических аспектов, поскольку они в достаточной мере изучены в отечественной историографии[2], и концентрируют внимание на том, каким образом и с использованием каких методов музеи памяти воздействуют на сложившийся в стране общественно-политический дискурс вокруг участия Японии во Второй мировой войне и её колониальной политики более раннего периода.

Эмпирический материал, собранный авторами, исследован в соответствии с подходом О.Ю. Малиновой, интерпретирующим историческую память как продукт социального конструирования и как вариацию символической политики. Политику памяти О.Ю. Малинова относит к областям символической политики, которая, в свою очередь, рассматривается как «публичная деятельность, связанная с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование» (Малинова 2018: 31). Данное определение предполагает как множественность акторов, осуществляющих такую деятельность, так и влияние на неё системы уже существующих коллективных представлений (там же: 30). Нарратив Малинова определяет как «сюжетно оформленное повествование, предлагающее связную картину цепи исторических событий» (там же: 37). Для типологизации рассматриваемых нарративов мы используем классификацию М. Диана, который выделил пять идеал-типичных моделей памяти о войнах, травмах и насилии:

- *героизация* прошлого рассматривает насилие как подвиги, совершение которых оправдано национальными интересами и ценностями, чествует деятелей военного прошлого, замалчивает страдания населения других стран;
- *самовиктимизация* фокусируется на представлении «простого народа» в качестве жертвы, неспособной влиять на высокую политику, а вина за страдания возлагается на политическую элиту, либо на другие государства;

[2] См., напр., (Стрельцов 2022; Чугров 2020; Кульнева 2020).

- *историческая амнезия*, предполагающая игнорирование или изъятие из коллективной памяти травмирующих событий прошлого;
- *признание вины* за насилие (при том, что масштабы и мотивация сторон дискуссионны), не предполагающее, однако, активного раскаяния в совершённых преступлениях;
- *раскаяние* – помимо признания вины за несомненные и не заслуживающие оправдания преступления против других стран, выражается глубокое раскаяние по отношению к жертвам (Dian 2017: 24-25).

Произведённый нами анализ музеев выстроен на следующих уровнях: 1) уровень авторов музейных экспозиций, а также лиц и групп, которые стоят за его созданием; 2) уровень репрезентаций, т.е. механизмов (объектов, организации пространства), с помощью которых музей доносит до посетителей нарратив; 3) уровень дискурса, в рамках которого рассматриваются воспроизводящиеся музеем нарративы(Махотина 2018: 82).

В литературе принято выделять две традиции исторической памяти в Японии: консервативную, ассоциированную с правыми силами, националистическими и синтоистскими организациями, а также со значительной частью Либерально-демократической партии (ЛДП), и прогрессистскую, связанную с левыми, правозащитными и женскими организациями, профсоюзами и оппозиционными партиями (Dian 2017: 41), среди которых основной была Социалистическая партия Японии (СПЯ), после её ухода с политической арены – Демократическая партия Японии (ДПЯ), а затем Конституционно-демократическая партия (КДП) (Нелидов 2022: 47). В рамках консервативной традиции выделяют радикальное («ревизионистское») и умеренное крыло, компромиссные представления которого послужили основой для официального нарратива о прошлом в период существования «системы 1955 года»[3] (Dian 2017: 62).

Рассматриваемые музеи репрезентативны с точки зрения данных нарративов и мнемонических акторов.

Музей Юсюкан находится под эгидой синтоистского храма Ясукуни, в котором среди божеств присутствуют военные преступники «класса А». Храм, имеющий статус религиозного юридического лица, стал одним из важнейших символов для носителей ревизионистских взглядов.

Мемориальный музей солдат, интернированных в Сибирь, и послевоенных репатриантов (далее Мемориальный музей мира) подведомствен Министерству внутренних дел и коммуникаций и ассоциирован, таким образом, с официальным, умеренно-консервативным нарративом. Тот же нарратив лежит в основе экспозиции Музея «северных территорий», который находится в ведении муниципалитета г. Нэмуро.

[3] Период электорального доминирования Либерально-демократической партии Японии, в течение которого основной оппозиционной силой являлась Социалистическая партия Японии.

Яркий пример музея, продвигающего прогрессистский нарратив, представляет собой Женский активный музей войны и мира. Его создание связано с деятельностью женской правозащитной организации «Сеть по борьбе с насилием в отношении женщин на войне», сыгравшей ключевую роль в организации в конце 2000 г. Международного женского трибунала по военным преступлениям 2001 г., который был посвящён проблеме «женщин для утешения». Для информирования о выводах и решениях Трибунала и был учреждён музей.

Нарратив героизации прошлого в музее Юсюкан

Основанный в 1882 г., музей Юсюкан был закрыт в рамках курса оккупационной администрации на борьбу с японским милитаризмом и национализмом и полностью возрождён только в 1982 г., а 2002 г. обновлён и расширен (Yoshida 2007: 3). С точки зрения механизмов репрезентаций музей организован по хронологическому принципу, что соответствует его задаче донесения до посетителей последовательной интерпретации событий определённого периода истории. Информация преподносится главным образом посредством текстовых справок, которые дополняются фотографиями и экспонатами. Юсюкан предлагает нарратив, кардинально ревизионистский по отношению к решениям Токийского трибунала и Сан-Францисской мирной конференции. Характерна интерпретация мотивов развязывания Японией военных действий в Восточной Азии: в экспозиция описывает империалистскую экспансию Великобритании, Франции, Германии, России и США, между тем как японская экспансия описана либо как вынужденная мера для защиты собственной военной и экономической безопасности, защиты японцев за рубежом, либо как миссия по освобождению азиатских народов от «колониального ига» западных стран. Интерпретация какой бы то и было из японских акций в качестве агрессии в экспозиции отсутствует.

Например, мотивы продвижения в Корею и начала русско-японской войны объясняются заботой о национальной безопасности, так как Корея могла стать плацдармом для внешней агрессии. Аналогичным образом, описывая причины развязывания войны с США, экспозиция вновь акцентирует внимание на необходимости поддержать безопасность, на этот раз экономическую, ввиду введённого США нефтяного эмбарго, которое де-факто лишило Японию доступа к энергоресурсам. Отмечаются усилия Токио по предотвращению войны как до, так и после эмбарго. Агрессию по отношению к Китаю музейная экспозиция оправдывает необходимостью защиты японцев за рубежом. К примеру, причиной создания Маньчжоу-го в 1932 г. представлено ксенофобское рвение китайских властей, с которым «в нарушение существующих договоров» была начата националистическая кампания, а также антияпонские «преследования и терроризм» в Маньчжурии, угрожавшие тамошним японским гражданам. Ответственность за решение продолжить в 1937 г. экспансию Квантунской армии в Китае возложена на китайскую сторону. В частности, утверждается, что

антияпонские настроения привели к серии столкновений, якобы спровоцированных Китаем, вдоль линии контроля между японской и китайской армиями, в результате чего Квантунская армия была вынуждена пойти на дальнейшее «продвижение».

Важное место в музейной экспозиции занимает версия, по которой японская политика на материке, нацеленная на освобождение азиатских народов от «белых колонизаторов», противопоставлена эксплуататорскому и расистскому западному империализму. Так, в части экспозиции, посвящённой восстанию ихэтуаней (1899-1901), проводится различие между японскими войсками, которым якобы рукоплескали жители Пекина, и иностранными войсками, которые повсеместно занимались «грабежом». Аналогичным образом, описывая итоги русско-японской войны 1904-1905 гг., экспозиция подчёркивает, что победа Японии вдохновила народы Азии на антиколониальную борьбу.

Следующим аргументом, направленным на оправдание японского империализма, выступает противопоставление двух групп китайского и корейского населения: первой – настроенной на сотрудничество и мир с Японией, и второй, которую составляли приверженцы «националистических» и «ксенофобских» настроений, оказывавшие сопротивление японским властям. Например, при описании ситуации в Корее до её аннексии в 1910 г. отмечается, что в стране существовали прогрессивные «реформаторские прояпонские» и «консервативные прокитайские» движения. Сходная позитивная оценка дана сотрудничавшим с японскими властями китайцам, в том числе Ван Цзинвэю, главе «Национального правительства Китайской республики» в оккупированном Нанкине.

Отражение в экспозиции информации о военных преступлениях Японии рассмотрим на примере репрезентации Нанкинской резни, сведения о которой ограничены упоминаниями о том, что генерал Мацуи Иванэ приказал армии «поддерживать строгую военную дисциплину» и обещал «суровое наказание» всем, кто совершит «противоправные действия», и о том, что «переодетые в гражданскую одежду [китайские военные - авт.] были строго наказаны». Из такой интерпретации нетрудно сделать ошибочный вывод о том, что при захвате города не было совершено преступных действий. Часть экспозиции, посвящённая Токийскому процессу, выстроена таким образом, чтобы у посетителя сложилось впечатление о неоправданности решений Трибунала и появились сомнения в обоснованности признания членов милитаристского руководства Японии военными преступниками. В этой части доминирует изображение Радхабинода Пала – единственного из судей, кто настаивал на оправдании подсудимых, в итоге признанных военными преступниками «класса А».

Как отмечалось выше, нарратив, транслируемый музеем Юсюкан, можно отнести к ревизионистскому крылу консервативной традиции исторической памяти в Японии. С точки зрения типологизации нарративов, предложенной М. Дианом, нарратив этого музея полностью соответствует категории героизации прошлого. Насилие, совершённое во время войны, представляется как

оправданное либо национальными интересами («интересы безопасности», «интересы защиты японских граждан»), либо мессианскими целями («освобождение от западного колониализма»). Страдания гражданского населения других стран преуменьшены или замалчиваются (как было показано выше на примере репрезентации Нанкинской резни). Руководство и солдаты милитаристской Японии рассматриваются как герои, которые жертвовали своей жизнью из патриотических соображений и заслуживают полной реабилитации в глазах общества.

Радикально консервативная традиция, элементы которой представлены данным нарративом, зародилась в начальный период послевоенной истории. «Обратный курс», который оккупационная администрация во главе с США проводила с 1947 г. в условиях нарастания противостояния с СССР, заключался в свёртывании реформ по демилитаризации и демократизации Японии; в политику вернулись многие деятели военного прошлого, что обусловило преемственность элиты (Нелидов 2022: 31). Большая её часть придерживалась националистических взглядов, которые разделяли синтоистские и некоторые ветеранские организации. Эти взгляды строились на утверждении о континуитете между довоенной и послевоенной Японией, культе героической жертвенности военного поколения, отрицании агрессивной природы довоенной внешней политики, неприятии послевоенного пацифистского статуса страны, в частности, пацифистской конституции. Своими задачами консерваторы видели преодоление пацифистской идентичности, отрицание решений Токийского процесса, восстановление национальной гордости и статуса «державы первого эшелона» (Dian 2017: 45).

Мемориальный музей мира и Музей «северных территорий» как носители нарративов самовиктимизации и частичной исторической амнезии

Нарратив исторической памяти представлен Мемориальным музеем мира, который был основан в 2000 г. Общественным фондом «Мир и утешение», ассоциированным с Министерством внутренних дел и коммуникаций, а в 2010 г. – передан под прямое управление Министерства. Это яркий пример мемориальных музеев, которые концентрируются не на выстраивании последовательного повествования о событии или об историческом периоде, а на скорби о жертвах. Механизмы репрезентации в подобных музеях нацелены на вызов у посетителей сострадания (Махотина 2018: 82), и важную, если не преобладающую по сравнению с информативными материалами, роль в экспозициях играют экспонаты, которые должны вызвать чувство эмпатии к жертвам. В тематических разделах Мемориального музея описано положение трёх групп японцев, пострадавших в годы Второй мировой войны.

Первая группа – это солдаты, оставившие свои семьи и ушедшие воевать за Родину, рискуя жизнью, выполняя свой долг и терпя большие лишения. Большую роль играют личные письма и иные экспонаты, демонстрирующие связь между солдатами и их семьями. Особое место среди экспонатов и текстовых материалов занимает образец повестки о призыве в армию (яп. *акагами*), намекающий, что у солдат не было выбора.

Вторая группа – это бывшие военнослужащие императорской армии, которые после войны подверглись насильственной трудовой мобилизации и провели несколько лет в трудовых лагерях в регионах с экстремальными климатическим условиями бывшего СССР и Монголии. Согласно документам, представленным на выставке, советское руководство издало директиву, на основании которой до 500 тыс. японских военнопленных были использованы в качестве рабочей силы. Имеется макет трудового лагеря, подробно описаны тяготы лагерной жизни – непомерные нормы выработки, скудный рацион питания, антисанитария и холод в бараках.

Третья группа – это послевоенные репатрианты, которым после поражения в войне пришлось выживать в ужасных бытовых условиях. Экспозиция описывает положение бывших колонистов, оставшихся за пределами Японии после ликвидации японской оккупационной администрации.

Во всех трёх разделах, помимо общего описания, акцент сделан на семейных связях и личных историях конкретных людей, а в последнем разделе много внимания уделено оказавшимся в отчаянном положении детям. Для усиления эмпатического эффекта второй и третий разделы содержат композиции из восковых фигур, воссоздающие сцену жизни японских военнопленных в лагерных бараках и сцену репатриации семей японских колонистов на борту корабля.

Нарратив Мемориального музея мира, в отличие от музея Юсюкан, не стремится опровергнуть исторические факты или изменить их интерпретацию. К примеру, в музее Юсюкан для оправдания экспансии описаны антияпонские настроения, хотя рефлексия о причинах таких настроений полностью отсутствует. Нарратив Мемориального музея мира, наряду с описанием тягот японских колонистов, уделяет внимание и политике сегрегации, проводившейся японскими властями на оккупированных территориях в отношении местного населения. Несмотря на указанные различия, оба рассмотренных нарратива носят апологетический характер по отношению к действиям Японии. Если первый нарратив откровенно оправдывает японскую имперскую политику, то второй акцентирует внимание на виктимизации японского народа и при этом замалчивает негативные аспекты военного прошлого страны, избегая упоминания военных преступлений и анализа причин военной экспансии на материке. Например, трагедия судьбы японских солдат, согласно этому нарративу, объясняется не их участием в реализации милитаристской политики, а исключительно необходимостью выполнять свой воинский долг и неизбежными страданиями в ходе военных действий.

Нарратив, представленный в Мемориальном музее мира, отражает логику официального государственного дискурса Японии, который, согласно классификации М. Диана, сочетает в себе элементы самовиктимизации и исторической амнезии. С одной стороны, центральным сюжетом экспозиции является изображение простых японцев как жертв, лишённых возможности влиять на принятие политических решений, вследствие чего они были вынуждены страдать от последствий войны и послевоенных событий. Показательными примерами такой виктимизации служат акценты на принудительный характер мобилизации японских солдат, а также тяжёлое положение гражданского населения после краха колониальной администрации. С другой стороны, в музее полностью отсутствуют упоминания о военных преступлениях японской армии, а также рефлексия о виновниках трагических событий — будь то японское государство, его милитаристская элита или другие колониальные державы. Подобный подход указывает на проявления исторической амнезии и стремления представить события в пассивном залоге, избегая анализа причин и последствий совершённых действий (Gluck 1990: 12).

Таким образом, важнейшей характеристикой официального нарратива о военном прошлом остаётся сильный мотив виктимизации народа (Стрельцов 2014: 12). Будучи умеренной разновидностью консервативного нарратива, этот нарратив образовался в результате компромисса между консервативной и прогрессистской традициями памяти о военном времени. Именно этот компромисс, сочетающий в себе элементы виктимности и исторической амнезии, по мнению М. Диана, лёг в основу всей послевоенной японской политики исторической памяти. Это, в свою очередь, стало причиной отсутствия примирения Японии с другими азиатскими странами (Dian 2017: 61).

В 1990-е гг. официальный нарратив на некоторое время сместился в сторону прогрессистской традиции. Причин было много: окончание холодной войны, амбиции Японии как глобальной политической державы, «возвращение» в Азию - активизация японской региональной политики в Восточной Азии, усилившееся давление на Японию со стороны экономически усилившихся восточноазиатских соседей с целью заставить её принести новые извинения за довоенную милитаристскую политику, первое за десятилетия поражение ЛДП на выборах с приходом к власти «прогрессистской» семипартийной коалиции (Стрельцов 2020: 38-41). Однако к 2010-м гг. в результате обострения противоречий в восточноазиатском регионе, а также ответной реакции со стороны ревизионистской части элиты, стремившейся «закрыть» вопрос об ответственности Японии, элементы раскаяния и виктимизации материковых жертв японской агрессии перестали воспроизводиться официальным нарративом (при том, что заявления Коно 1993 г. и Мураямы 1995 г. не были формально отменены[4]).

[4] Заявления Коно (1993 г.) и Мураямы (1995 г.) являются ключевыми официальными документами, в которых японское правительство признало ответственность страны за военные преступления и выразило сожаление по поводу действий Японии в период Второй мировой войны.

На центральное место в памяти о войне снова вернулись страдания, перенесённые японцами (Нелидов 2022: 45).

Логика официального нарратива, отражённая, в том числе, в музейных экспозициях, состоит в исключении тех компрометирующих Японию моментов, которые теоретически могут быть поставлены под сомнение из-за отсутствия «надёжных» документальных доказательств, например, фотографий и свидетельских показаний. Среди японских историков имеется сильное националистическое крыло, представители которого на этом основании энергично оспаривают достоверность доказательств военных преступлений японской императорской армии (Iwasaki, Richter 2008: 511-512). Кроме того, «умеренная» поддержка со стороны государства прогрессисткой традиции определяется целями воспитания патриотизма в соответствии с Базовым законом об образовании. Поэтому в исторических музеях, с помощью которых в школьных учреждениях ведётся «образовательная политика мира», практически отсутствуют однозначно критические оценки действий Японии в годы войны (Seaton 2015: 9). Следует отметить, что многие японские музеи (например, Сёвакан и Сёкэйкан) в своих экспозициях, посвящённых ужасам войны, апеллируют к сочувствию жертвам японского гражданского населения и рядовых японских военнослужащих, но не пытаются привлечь внимание к ответственности за эту войну Японии как государства или её руководства, которое эту войну инициировало (Allen, Sakamoto 2013: 1051-1052).

Нарратив самовиктимизации представляет также городской Музей «северных территорий» в г. Нэмуро на восточной оконечности острова Хоккайдо. Особенность нарратива этого муниципального музея заключается в его двояком смысле, политическом и эмоционально-психологическом. Л.М. Шляхтина отмечала, что современная модель музейной коммуникации «подразумевает множественность способов освоения реальности, включая нерациональные – интуицию, воображение, ассоциации, эмпатию» (Шляхтина 2011: 15-16).

Политические аспекты данного нарратива заключаются прежде всего в аргументации официальной позиции по проблеме границы с Россией: СССР «незаконно оккупировал» Южные Курилы - «исконную территорию» Японии. Мотив самовиктимизации проявляется, с одной стороны, в том, чтобы представить японскую нацию жертвой «агрессивной» и «захватнической» политики

Заявление Коно (1993) было сделано генеральным секретарём кабинета министров Ёхэем Коно и касалось признания ответственности Японии за создание системы «женщин для утешения» (сексуального рабства женщин на оккупированных территориях). В заявлении впервые на официальном уровне было признано, что японская армия принимала участие в создании и поддержании этой системы принуждения женщин к сексуальному труду. Коно выразил «искренние извинения и раскаяние» перед всеми жертвами системы «женщин для утешения».

Заявление Мураямы (1995) было сделано премьер-министром Томиити Мураямой по случаю 50-летия окончания Второй мировой войны. В своём обращении Мураяма официально признал, что Япония проводила колониальную и агрессивную политику, причинившую огромные страдания многим странам, прежде всего, азиатским народам. В заявлении подчёркивалось глубокое осознание ответственности Японии и выражалось «искреннее извинение и раскаяние» за причинённый ущерб и страдания.

Кремля, а, с другой стороны, - позиционировать в качестве невинно пострадавших японцев, которые проживали на Южных Курилах в момент окончания Второй мировой войны и были насильственно переселены на территорию Японии в 1946-1948 гг.

В экспозиции имеются несколько тематических разделов, содержащих текстовую и визуализированную фактуру, посвященную истории появления японцев на «северных территориях» и хозяйственного их освоения, а также истории формирования границы в японской интерпретации. Представлены копии документов, карты, фотографии и иные материалы, подтверждающие «законность» японского владения территориями. Указанные материалы предполагают рациональное осмысление посетителями.

Другая часть тематических рядов содержит в себе чётко выраженную апелляцию к эмоциональному отклику посетителей на тяготы, выпавшие на долю жертв. Ш. Уотсон, исследовавшая методологию работы исторических музеев, отмечала, что эмоциональные связи, в числе прочего, создаются с помощью нарративных приёмов, позволяющих посетителям ощутить себя внутри повествования (Watson 2015: 293). Повествование истории с особой точки зрения, например, от лица отдельного человека, стимулирует эмоциональную вовлечённость, позволяя людям отождествлять себя с мыслями и чувствами исторических субъектов (Savenije & de Bruijn 2017: 834). Страдания простых островитян показаны через демонстрацию «ужаса советского вторжения», который расписан буквально по часам, через воспоминания и свидетельства бывших островитян, в которых упор сделан на моральные страдания после прихода чужеземной армии и связанной с этим неопределённостью, с бегством на любых доступных плавсредствах на основную территорию страны, а для оставшихся - с принуждением покинуть родные места, оставив нажитое имущество, и с невозможностью свободного посещения могил предков[5]. Особую коннотацию экспозиции придаёт демонстрация в закольцованном режиме мультфильма «Остров Джованни», где события августа – сентября 1945 г., представленные глазами японского мальчика, изображены чёрными красками.

Следует отметить, впрочем, что, даже судя по материалам музея, советские военные и гражданские власти не предпринимали в отношении японцев никаких незаконных действий. Более того, опыт совместного проживания (японские и русские семьи в течение двух с лишним лет после окончания войны зачастую делили кров из-за недостатка жилья) не давал оснований для его исключительно негативного восприятия: в экспонируемых музеем воспоминаниях и на фотографиях представлены эпизоды взаимопонимания и даже взаимопомощи

[5] В реальности японцы могли посещать могилы своих родственников на Южных Курилах в соответствии с межправительственным соглашением между СССР и Японией от 1964 г., за исключением периода 1976-1986 гг., когда советская сторона для посещения требовала от японцев загранпаспорт и визу.

между советскими переселенцами и островитянами[6]. Тем не менее, эмоциональный посыл музея очевиден и однозначен: посетители должны сопереживать страданиям японских «жертв».

Как и полагается музеям памяти, Музей «северных территорий» учреждён на месте исторических событий, в данном случае - на мысе Носаппу, что позволяет посетителям с расстояния 3,7 км рассматривать в бинокль принадлежащие России острова Малой Курильской гряды и даже получить «свидетельство о посещении “северных территорий”». В составе комплекса имеется символическая арка, «соединяющая» Японию с её «северными территориями», а также многочисленные памятные знаки, изображающие «мольбу японского народа» о воссоединении с «исконными территориями». Таким образом, географическая близость, вкупе с представленными экспонатами, пробуждают у посетителей чувство личного сопереживания с «жертвами несправедливости», а также ощущение сопричастности с событиями почти восьмидесятилетней давности, представленными в тенденциозной интерпретации. Даже малейшей попытки изложить советский/российский взгляд на причины утраты Японией Курильских островов в целом и Южных Курил, в частности, а также на события, связанные с репатриацией японского населения с Курильских островов и Сахалина, в музейной экспозиции не сделано[7].

Прогрессистская традиция в Женском активном музее войны и мира

Кардинально отличный от консервативной традиции нарратив предлагает Женский активный музей войны и мира. Целями его создания в 2005 г. были: сохранение протоколов и документов, подготовленных для Международного женского трибунала по военным преступлениям 2001 г., на котором рассматривался вопрос японского сексуального рабства во время войны; выражение почтения женщинам, пережившим психологические и физические страдания в результате учреждения системы «станций для утешения»; создание базы для правозащитной деятельности (Nishino 2007: 2).

Механизмы репрезентации данного музея отражают сочетание задач широкого информирования посетителей по определенному историческому вопросу и вызова у них сострадания к жертвам. С одной стороны, в экспозиции доминирующее положение занимают информационно-справочные материалы, описывающие общую военную ситуацию, структуру военно-политического командования и функционирование системы «станций для утешения». Важное место отведено документам и протоколам Женского трибунала 2001 г., представлены

[6] Воспоминания бывших островитян на странице музея см.: URL: https://www.hoppou.go.jp/problem-info/know/tesimony-of-history.html

[7] Подробнее о российском видении данной проблемы см.: (Георгиев 1998: 174-182; Кузин 2019).

личные истории жертв, многочисленные книги, сборники статей, буклеты и видеоматериалы. С другой стороны, экспозиция фокусируется на конкретной группе жертв («женщинах для утешения») с особым акцентом на их личных историях, и включает эмоционально наполненные фотографии и картины. На основании документов и свидетельств в музее представлены истории «женщин для утешения», рекрутированных с территорий Кореи, Китая, Филиппин, а также европейских колоний в Юго-Восточной Азии., а также самой Японии. Приводятся свидетельства того, что рекрутёры, действовавшие на фоне бедственного социально-экономического положения населения оккупированных территорий, запугивали и обманывали девушек, не брезгуя и насилием. Названы причины, по которым жертвы долго хранили молчание: опасения социальной дискриминации из-за доминирования в обществе патриархальных норм, при терпимости к сексуальному насилию в военное время, которое зачастую не рассматривалась в качестве военного преступления, в том числе в силу распространённости этой практики (там же).

Экспозиция отражает особенности системы «станций для утешения». На основании документов Женского трибунала 2001 г., включавших показания жертв и японских ветеранов, а также заключений историков, юристов-международников и психологов, экспозиция утверждает, что создание и функционирование этой системы происходили с одобрения высшего военного командования страны – либо по принятым им решениям, либо с его молчаливого одобрения. На этом основании музей возлагает прямую ответственность за совершённые преступления против человечности на японские военные власти. Виновным в преступлениях наравне с девятью членами руководства страны назван император Хирохито как верховный главнокомандующий имперской армией и флотом[8]. Эмоциональность данному элементу нарратива придаёт представленная в экспозиции картина корейской художницы, бывшей «женщины для утешения» Кан Дук Кён «Наказать виновных! – Ради мира», на которой изображен император Хирохито с завязанными глазами, находящийся в преддверии своей казни.

Нарратив, представленный Женским музеем, соответствует современной прогрессистской традиции в японской исторической памяти. В соответствии с классификацией Диана, экспозицию этого музея можно рассматривать как сочетающую нарратив раскаяния с некоторыми элементами самовиктимизации. Нарратив раскаяния проявляется в ключевом для музея акценте на преступлениях японской армии против населения других стран, которые признаются несомненными и не подлежащими оправданию (оправдания в экспозиции отсутствуют). Кроме того, экспозиция явным образом содержит призыв японцам к

[8] Women's International War Crimes Tribunal Archives. URL: https://archives.wam-peace.org/wt/en/judgement (дата обращения: 10.04.2024)

искреннему раскаянию и деятельным извинениям, в т.ч. через ссылки на отсутствие такового в настоящее время. В то же время элементы нарратива самовиктимизации проявляются в присутствии в музейной экспозиции информации о «женщинах для утешения» из самой Японии, а также в склонности рассматривать, согласно решениям Трибунала 2001 г. виновными не страну в целом, а только её военное командование.

Прогрессистская традиция в исторической памяти Японии, как и консервативная, уходит корнями в середину XX в. Важную роль в её формировании сыграл рост влияния левых сил, оппозиционных милитаристской элите военного времени, осуждение последней решениями Токийского процесса, а также принятие пацифистской конституции. Ключевым элементом данного нарратива была т.н. «двойная виктимизация» японского населения, которое стало жертвой одновременно тягот войны, прежде всего воздушных бомбардировок, и милитаристской элиты, втянувшей его в эту войну (Dian 2017: 51-52). Другим важным элементом нарратива была тотальная демилитаризация: радикальный разрыв с довоенным милитаристским прошлым и пацифизм во внешней политике, предполагающие нейтральный статус страны на международной арене, полный отказ от собственных вооружённых сил и от военного присутствия США на своей территории (Hook 2003: 32). Как отмечалось выше, элементы данной версии нарратива были инкорпорированы в консенсусный официальный нарратив «системы 1955 г.». После налаживания отношений с КНР в 1970-х гг., а также окончания холодной войны пацифистский нарратив был переосмыслен и в стремлении следовать «модели Германии» акцент переместился на виктимизацию жертв японской агрессии в других странах и на достижение с ними примирения (Seraphim 2007: 33). Вместе с тем элементы виктимизации самих японцев из этого нарратива полностью не исчезли.

Заключение

Специфика японских музеев памяти заключается в существовании множественности исторических нарративов. Рассмотренные выше примеры демонстрируют наличие трёх различных подходов к отображению прошлого: радикально-консервативного (музей Юсюкан), умеренно-консервативного (Мемориальный музей мира и, с некоторыми оговорками, музей «северных территорий») и прогрессистского (Женский активный музей войны и мира). Подобный нарративный плюрализм объясняется тем, что в японском обществе одновременно существуют и конкурируют различные традиции памяти, поддерживаемые многочисленными мнемоническими акторами — политическими партиями, государственными органами, религиозными объединениями, правозащитными и другими общественными организациями.

Важную институциональную основу такого множественного подхода обеспечивает параллельное существование государственных (муниципальных) и негосударственных музеев. Государственные и муниципальные учреждения (например, Мемориальный музей мира, музей «северных территорий») склонны демонстрировать более сдержанный и компромиссный умеренно-консервативный нарратив, тогда как негосударственные музеи, напротив, выбирают более радикальные подходы: либо выраженно консервативные (Юсюкан), либо явно прогрессистские (Женский активный музей войны и мира).

Учитывая ограниченный формат данной статьи, авторы не ставили задачей определить, какой из этих подходов преобладает в современной Японии. Вместе с тем, опираясь на устойчивость пацифистских ценностей в японском общественно-политическом дискурсе, можно предположить, что большинство музеев памяти подчёркивают прежде всего трагические последствия войны. Таким образом, нарративы самовиктимизации, признания ответственности перед народами Азии и раскаяния, вероятно, превалируют над нарративами героизации и исторической амнезии. Эту гипотезу подтверждает японская исследовательница А. Такэнака, отмечающая, что экспозиции большинства из более чем двухсот музеев, посвящённых Второй мировой войне, фокусируются не на военных действиях и героических сюжетах, а прежде всего на тыле и страданиях гражданского населения от военных действий, особенно воздушных налётов (Takenaka 2014: 77).

Об авторах:

Дмитрий Викторович Стрельцов – доктор исторических наук, заведующий кафедрой востоковедения МГИМО МИД России, ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН, Москва 119454, просп. Вернадского, 76.
E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Ярослав Павлович Фокин – магистрант МГИМО МИД России, Москва 119454, просп. Вернадского, 76.
E-mail: fokin_a_p@my.mgimo.ru

Конфликт интересов:
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:
Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00109).

UDC: 94(520)"1939/1945":069.01
Received: December 11, 2024
Accepted for publication: March 15, 2025

Narratives of the Traumatic Past in the Japanese Historical Memory Museums

Dmitry V. Streltsov, Iaroslav P. Fokin
DOI 10.24833/2071-8160-2025-3-102-115-133

MGIMO University

Abstract: The article explores narratives of traumatic historical events presented in Japanese museums of historical memory, with a particular focus on representations related to Japan's involvement in World War II and its colonial past. Utilizing theoretical frameworks of historical memory as a form of social construction and symbolic politics, the authors analyze museum exhibitions as tools for disseminating specific historical narratives, which significantly influence contemporary public discourse and collective identity in Japan. The research is structured around an analysis of four representative case studies: the Yushukan Museum, the Memorial Museum for Soldiers, Detainees in Siberia, and Postwar Repatriates, the Northern Territories Museum, and the Women's Active Museum on War and Peace. Each museum reflects distinct mnemonic traditions—radical conservative, moderate conservative, and progressive—and employs varied strategies and methodologies to convey their particular historical narratives. Through these case studies, the article identifies five ideal-typical memory models as defined by Matteo Dian: glorification of the past, self-victimization, historical amnesia, acknowledgment of guilt, and genuine repentance. The analysis demonstrates how each museum utilizes different representational mechanisms—such as textual information, visual displays, personal narratives, and emotional appeals—to foster specific interpretations of history. The authors argue that the diversity of historical narratives within Japanese memory museums results from competing mnemonic traditions and actors within society, including political parties, government institutions, religious organizations, and civic groups. The coexistence of state-supported and private museums further reinforces narrative pluralism. This pluralism reflects ongoing societal debates around Japan's wartime actions and continues to shape national identity, historical consciousness, and international relations.

Keywords: Japan, traumatic past, historical narratives, museums of historical memory, peace museums, World War II.

About the authors:

Dmitry V. Streltsov – Professor, Head of the Department of Afro-Asian Studies, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University); Leading Research Fellow at the Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (RAS). Address: 76, Prospekt Vernadskogo, 119454, Moscow, Russia. E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Iaroslav P. Fokin – Graduate student, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University). Address: 76, Prospekt Vernadskogo, 119454, Moscow, Russia. E-mail: fokin_a_p@my.mgimo.ru

Acknowledgements:
This research was supported by the Russian Science Foundation under grant No. 23-18-00109.

Conflict of interests:
The authors declare absence of conflict of interests.

References:

Akaha T. 2008. The Nationalist Discourse in Contemporary Japan: The Role of China and Korea in the Last Decade. *Pacific Focus.* 23 (2). P. 156-188. DOI: 10.1111/j.1976-5118.2008.00009.x

Allen M., Sakamoto R. 2013. War and Peace: War Memories and Museums in Japan. *History Compass.* 11 (12). P. 1047-1058. DOI: 10.1111/hic3.12108

Barrand J. 1969. Museums and the Teaching of History. *Teaching History.* 1(2). P. 65–71.

Dian M. 2017. *Contested Memories in Chinese and Japanese Foreign Policy.* Oxford: Elsevier. 304 p.

Gluck C. 1990. The idea of Showa. *Daedalus*. 119(3). P. 1–26.

Hook G.D. 2003. *Militarisation and demilitarisation in contemporary Japan.* London: Routledge.

Iwasaki M., Richter S. 2008. The Topology of Post-1990s Historical Revisionism. *Positions. Asia Critique.* 16 (3). P. 507-538. DOI: 10.1215/10679847-2008-012

Nishino R. 2007. The Women's Active Museum On War And Peace: Its Role In Public Education. *Asia-Pacific Journal.* 5 (12). P. 1-7.

Poulot D. 2011. Preface. Uses of the Past – Historical Narratives and the Museum. In: Poulot D., F. Bodenstei, J.M.L. Guira (eds). *Great Narratives of the Past. Traditions and Revisions in National Museums.* Conference proceedings from EuNaMus. European National Museums: Identity Politics, the Uses of the Past and the European Citizen. Paris, 29 June – 1 July & 25-26 November 2011. Linköping University Electronic Press. http://www.ep.liu.se/ecp_home/index.en.aspx?issue=078

Savenije G.M., de Bruijn P. 2017. Historical empathy in a museum: uniting contextualisation and emotional engagement. *International Journal of Heritage Studies.* 23(9). P. 832-845. DOI: 10.1080/13527258.2017.1339108

Seaton P. 2015. The Nationalist Assault on Japan's Local Peace Museums: The Conversion of Peace Osaka. *Asia-Pacific Journal.* 13 (30). No. 3. P. 1-20.

Seraphim, F. 2007. Relocating War Memory as the century's end. In S. M. Jager & R. Mitter (Eds.). *Ruptured Histories: war, memory, and the post-Cold War in Asia.* Cambridge: Harvard University Press. P. 14-46.

Takenaka A. 2014. Reactionary Nationalism and Museum Controversies: The Case of "Peace Osaka". *The Public Historian.* 36 (2). P. 75-98. DOI: 10.1525/tph.2014.36.2.75

Watson S. 2015. Emotions in the History Museum. In *The International Handbooks of Museum Studies* (eds S. Macdonald and H. Rees Leahy). P. 283-301. DOI: 10.1002/9781118829059.wbihms992

Yoshida T. 2007. Revising the Past, Complicating the Future: The Yushukan War Museum in Modern Japanese History. *Asia-Pacific Journal.* 5(12). P. 1–8.

Chugrov S.V. 2020. Pereosmysleniye itogov Vtoroy mirovoy voyny v sovremennoy Yaponii [Rethinking the Results of World War II in Contemporary Japan]. *Polis. Political Studies.* 5. P. 22-45. DOI: 10.17976/jpps/2020.05.03 (in Russian).

Georgiev Y.V. (ed.) *Kurily – ostrova v okeane problem.* [Kuriles – islands in an ocean of problems]. Moscow: Rosspen. (in Russian).

Ivanova O.V. 2022. Kommemorativnye praktiki muzeev pamjati: opyt Muzeja istorii GULAGa [Commemorative practices of Memory Museums: the experience of the Gulag History Museum]. *Historia provinciae – the journal of regional history.* 6(4). P. 1366–1418. DOI: 10.23859/2587-8344-2022-6-4-7 (in Russian).

Kulneva P.V. 2020. Yaponskaya agressiya v Kitaye i chuvstvo viny [Japanese aggression in China and the feeling of guilt]. *Japanese Studies in Russia.* 4. P. 21–39. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10026 (in Russian).

Kuzin A.T. 2010. Problemy poslevoennoj repatriacii japonskogo i korejskogo naselenija Sahalina [The problems of the post-war repatriation of the Japanese and Korean population of Sakhalin]. *Russia and the Asia-Pacific region.* 2(68). P.76-83. (In Russian).

Malinova O.Ju. 2018. Politika pamjati kak oblast′ simvoličeskoj politiki. [Memory policy as an area of symbolic policy]. In: A.I. Miller, D.V. Efremenko (ed.). *Metodologičeskie voprosy izučenija politiki pamjati* [Methodological issues of studying memory policy]. Moscow-St. Petersburg: Nestor- Istorija. P. 27-53 (in Russian).

Mahotina E.I. 2018. Narrativy muzealizacii, politika vospominanija, pamjat′ kak šou: Novye napravlenija memory studies v Germanii. [Narratives of musealization, politics of memory, memory as a show: New directions of memory studies in Germany]. In: A. I. Miller, D. V. Efremenko (ed.). *Metodologičeskie voprosy izučenija politiki pamjat*i [Methodological issues of studying memory policy]. Moscow-St. Petersburg: Nestor- Istorija. P. 57-92 (in Russian).

Nelidov V.V. 2022. Istoričeskaja pamjat′ vo vnešnepolitičeskom diskurse Japonii [Historical memory in the foreign policy discourse of Japan]. In: V: D.V.Streltsov (ed.). *Problemy istoričeskogo prošlogo v otnošenijah Japonii so stranami-sosedjami* [Problems of the historical past in Japan's relations with neighboring countries]. Moscow: Aspekt Press. P. 29-52. (in Russian).

Streltsov D.V. 2014. Problemy istoričeskogo prošlogo v poslevoennyh otnošenijah Japonii so stranami Vostočnoj Azii. [Problems of the historical past in Japan's post-war relations with East Asian countries]. *Yearbook Japan 2014.* 43. P. 7-27. (in Russian).

Streltsov D. V. 2020. «Diplomatiya izvineniy» vo vneshney politike poslevoyennoy Yaponii. ["The Diplomacy of Apologies" in the Foreign Policy of Postwar Japan]. *Yearbook Japan 2020.* 49. P. 29-61. DOI: 10.24411/2687-1432-2020-10002 (in Russian).

Streltsov D.V. (ed.). 2022. *Problemy istoričeskogo prošlogo v otnošenijah Japonii so stranami-sosedjami* [Problems of the historical past in Japan's relations with neighboring countries]. Moscow: Aspekt Press. 352 p. (in Russian).

Shlyakhtina L.M. 2011. Sovremennyj muzej: idei i realii [The Modern Museum: ideas and realities]. *Voprosy muzeologii.* 2(4). P. 14-19. (in Russian).

Список литературы на русском языке:

Георгиев Ю.В. (ред.). 1998. *Курилы: острова в океане проблем.* М.: Росспен.

Иванова О.В. 2022. Коммеморативные практики музеев памяти: опыт Музея истории ГУЛАГа. *Historia provinciae – журнал региональной истории.* Т.6. № 4. С. 1366–1418. DOI: 10.23859/2587-8344-2022-6-4-7

Кузин А.Т. 2010. Проблемы послевоенной репатриации японского и корейского населения Сахалина. *Россия и АТР.* №2(68). С.76-83.

Кульнева П.В. 2020. Японская агрессия в Китае и чувство вины. *Японские исследования.* № 4. С. 21–39. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10026

Малинова О.Ю. 2018. Политика памяти как область символической политики. В: Миллер А. И., Ефременко Д. В. (ред.). *Методологические вопросы изучения политики памяти.* М.-СПб: Нестор История. С. 27-53.

Махотина Е.И. 2018. Нарративы музеализации, политика воспоминания, память как шоу: Новые направления memory studies в Германии. В: Миллер А.И., Ефременко Д.В. (ред.) *Методологические вопросы изучения политики памяти.* М.-СПб: Нестор История. С. 57-92.

Нелидов В.В. 2022. Историческая память во внешнеполитическом дискурсе Японии. В: Стрельцов Д.В. (ред.). *Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями.* Москва: Аспект Пресс. С. 29-52.

Стрельцов Д.В. 2014. Проблемы исторического прошлого в послевоенных отношениях Японии со странами Восточной Азии. *Ежегодник Япония 2014.* Т. 43. С. 7-27.

Стрельцов Д.В. 2020. «Дипломатия извинений» во внешней политике послевоенной Японии. *Ежегодник Япония 2020.* Т. 49. С. 29-61. DOI: 10.24411/2687-1432-2020-10002

Стрельцов Д.В. (ред.) 2022. Историческая память во внешнеполитическом дискурсе современной Японии. *Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями.* Москва: Аспект Пресс, 2022. 352 с.

Чугров С.В. 2020. Переосмысление итогов Второй мировой войны в современной Японии. *Полис. Политические исследования.* № 5. С. 22-45. DOI: 10.17976/jpps/2020.05.03.

Шляхтина Л.М. 2011. Современный музей: идеи и реалии. *Вопросы музеологии.* 2(4). С. 14-19.

Вестник МГИМО-Университета. 2025. 18(3). С. 134–161
DOI 10.24833/2071-8160-2025-3-102-134-161

Check for updates

Реакция Всемирного совета церквей на Украинский кризис (2022–2024 гг.)

Д.Э. Аракелян

Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата;
Комиссия Всемирного совета церквей «Молодёжь в экуменическом движении»

В статье исследуется реакция Всемирного совета церквей (ВСЦ) на Украинский кризис (2022–2024 гг.) с позиций критической теории международных отношений. Автор предлагает рассматривать ВСЦ как специфический тип транснациональной «органической интеллигенции» глобального христианства, действующей на основе собственного постоянного бюрократического аппарата и финансовых ресурсов, поступающих преимущественно от протестантских церквей Европы и Северной Америки. Методическую базу исследования составил качественный анализ официальных документов и публичных заявлений ВСЦ, позволяющий показать, как Совет в роли органической интеллигенции активно транслирует и утверждает универсалистские ценности, соответствующие западной либеральной модели современности. Отдельное внимание уделяется тому факту, что, несмотря на жёсткую критику России в контексте Украинского кризиса, ВСЦ воздержался от исключения Русской православной церкви. Автор аргументирует, что это решение обусловлено стремлением Совета сохранить межцерковный диалог, обеспечить возможность своего влияния на РПЦ и таким образом расширить собственную роль и позиции в глобальном христианском сообществе. Делается вывод о том, что институциональная природа и западная направленность ВСЦ ограничивают его нейтральность.

Ключевые слова: Всемирный совет церквей, Украинский кризис, экуменическое движение, критическая теория международных отношений, органическая интеллигенция, межхристианские отношения, теория множественных современностей, Русская православная церковь

Нынешний конфликт на Украине является одним из наиболее значительных событий в современных международных отношениях. Начало Специальной военной операции в феврале 2022 г. спровоцировало кризис в отношениях между Россией и странами Запада. Не только государства, но

УДК: 261.7:327(4+470+571)"2022/2024"
Поступила в редакцию: 20.04.2025
Принята к публикации: 10.06.2025

и многие межправительственные и негосударственные организации, компании и институты посчитали необходимым отреагировать на это событие и, в том числе, дать ему моральную оценку.

Среди акторов, публично выразивших позицию по Украинскому кризису и предпринявших в связи с ним активные действия, заметную роль сыграли церкви. Учитывая преимущественно христианский характер обществ Америки и Европы (включая Россию и Украину)[1], церкви занимают здесь особое положение. Объединяя значительную часть населения указанных регионов, церковные организации стремятся укрепить своё влияние и активно участвовать в процессах социального и общественного взаимодействия[2].

В связи с этим многие церкви и церковные организации выступили с публичными заявлениями, развернули гуманитарную деятельность и активно попытались содействовать разрешению конфликта. При этом, хотя часть из них стремилась занять нейтральную позицию в отношении кризиса, многие чётко обозначили свою поддержку одной из сторон[3].

Свою реакцию на этот конфликт сформулировал и Всемирный совет церквей (ВСЦ) – крупнейшая площадка межцерковного взаимодействия, объединяющая 352 церкви[4] из более чем 120 стран с общей численностью верующих до 580 млн человек5. В серии документов, выпущенных с 2022 г., ВСЦ последовательно выступал против Специальной военной операции и позволял себе критиковать, в том числе, крупнейшего участника Совета – Русскую православную церковь (далее – Московский патриархат или РПЦ)[6], тем самым солидаризировавшись с Украиной и западными странами. Занятая Всемирным советом

---

[1] Christians. The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010-2050. *Pew Research Center.* URL: https://www.pewresearch.org/religion/2015/04/02/christians/ (accessed 10.04.2025).

[2] См. «A Call to Act Together»: Message of the WCC 11th Assembly in Karlsruhe, Germany. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/resources/documents/message-of-the-wcc-11th-assembly-a-call-to-act-together (accessed 10.04.2025).

[3] Public Statement on the War against Ukraine. *Lutheran World Federation website.* URL: https://2023.lwfassembly.org/public-statement-war-against-ukraine (accessed 10.04.2025); ACT Alliance statement on Ukraine. *ACT Alliance website.* URL: https://actalliance.org/wp-content/uploads/2022/02/ACT-Alliance-statement-on-Ukraine.pdf (accessed 10.04.2025); Vatican Committed to Return of Ukrainian Minors and Prisoners. *Vatican News website.* URL: https://www.vaticannews.va/en/vatican-city/news/2024-11/gallagher-ukraine-vatican-return-of-minors-and-prisoners.html#:~:text=The%20Vatican%20has%20reiterated%20its,%2C%20military%20personnel%2C%20and%20civilians (accessed 10.04.2025) и др.

[4] Из крупных церквей в ВСЦ не входит Римско-католическая церковь (хотя её представители активно участвуют в работе Совета, например, в комиссии «Вера и устройство»). Из общепризнанных поместных православных церквей – Грузинская церковь (с 1997 г.) и Болгарская церковь (с 1998 г.).

[5] What is the World Council of Churches? *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/about-the-wcc (accessed 10.04.2025).

[6] Заявление Центрального комитета ВСЦ о войне в Украине. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/ru/resources/documents/wcc-central-committee-statement-on-the-war-in-ukraine (дата обращения: 10.04.2025); War in Ukraine, Peace and Justice in the European Region. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/resources/file/war-in-ukraine-peace-and-justice-in-the-european-region (accessed 10.04.2025); ВСЦ «не может согласиться» с Наказом Всемирного русского народного собора, где конфликт в Украине назван «Священной войной». *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/ru/news/wcc-cannot-reconcile-world-russian-peoples-council-decree-describing-ukraine-conflict-as-holy-war (дата обращения: 10.04.2025) и др.

церквей позиция, в то же время, примечательна по нескольким причинам. Во-первых, единственной церковью – членом ВСЦ, действующей одновременно на территории России и Украины, является именно РПЦ. В этой ситуации можно было бы ожидать солидарности ВСЦ с Московским патриархатом, что напрямую следует из его собственных уставных документов (Конституция ВСЦ, п. 3)[7]. Данный факт вызывает также определённые недоумения ещё и в связи с тем, что, согласно официальным данным самого ВСЦ, верующие Московского патриархата составляют более четверти всех христиан, которых представляет организация[8]. В предыдущих неоднозначных международных конфликтах ВСЦ, как правило, занимал позицию в поддержку своих церквей-членов, чего не произошло в данном случае[9]. Во-вторых, в ситуации с Украиной Всемирный совет церквей активно включился в деятельность, характер которой противоречит предыдущему подходу организации к конфликту в этой стране, продолжающемуся с 2014 г.[10].

Учитывая важность Всемирного совета церквей для межхристианских отношений, представляется целесообразным более детально рассмотреть случай реакции ВСЦ на Украинский кризис (2022–2024 гг.), чтобы определить причины того, почему он негативно воспринял Специальную военную операцию и поддержал Украину.

Всемирный совет церквей уже становился предметом изучения в российской научной литературе. Вопросам истории и развитию Совета посвящены статьи С. Э. Алескеровой (Алескерова 2011), К. Кунтера (Кунтер 2017) и А. Шишкова (Шишков 2017). Взаимодействие Русской православной церкви с ВСЦ и рассматривается в работах Л.А. Городиловой (Городилова 2022), И.Э. Кечкина и И.Н. Письменюка (Кечкин, Письменюк 2021, 2022), В.А. Ливцова (Ливцов 2010a, 2010b, 2010c) и С.Л. Звонарёва (Звонарёв 2025). Всемирный совет церквей также упоминается в работах. посвящённых роли религиозных организаций,

---

[7] WCC Central Committee. Constitution and Rules of the World Council of Churches. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/sites/default/files/2023-01/Constitution-and-Rules-of-the-WCC-June-2022.pdf (accessed 10.04.2025).

8 Несмотря на то, что существуют различные оценки численности верующих Русской православной церкви, автор указывает именно статистику ВСЦ, т. к. она говорит о том, как сам Совет рассматривает Московский патриархат. Установление реальной численности верующих РПЦ выходит за рамки данного исследования.

[9] Это ярко видно на примере последнего конфликта в Секторе Газа. См. Statement on the Escalating Crisis in Gaza. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/resources/documents/statement-on-the-escalating-crisis-in-gaza#:~:text=The%20executive%20committee%20of%20the,of%20them%20children%20and%20women%2C (accessed 10.04.2025).

[10] В частности, после эскалации конфликта в 2022 г. ВСЦ начал активно взаимодействовать с Православной церковью Украины (ПЦУ), контактов с которой (а также с её институциональными предшественниками) он избегал ранее, в том числе в связи с позицией Русской православной церкви. См. WCC Delegation Visits Ukraine. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/news/wcc-delegation-visits-ukraine (accessed 10.04.2025) и His Beatitude Metropolitan Epiphany of Kyiv and All Ukraine visits WCC. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/news/his-beatitude-metropolitan-epiphany-of-kyiv-and-all-ukraine-visits-wcc (accessed 10.04.2025).

в первую очередь Московского патриархата, в мировой политике, в связи с чем можно упомянуть статьи П.И. Касаткина (Касаткин 2010), Д.А. Лактюхина (Лактюхин 2022) и Н. Пивоварова (Пивоваров 2017).

В то же время в основном эти работы носят исторический характер, сконцентрированы на взаимодействии ВСЦ с РПЦ и мало касаются современных вопросов мировой политики.

Деятельность Всемирного совета церквей довольно хорошо изучена в зарубежной научной литературе. Сам ВСЦ на протяжении многих лет издаёт два научных журнала – *Ecumenical Review* и *International Review of Mission,* значительная часть публикаций которых посвящена различным аспектам его деятельности.

В этом контексте, обращаясь непосредственно к изучению политико-социальной деятельности Всемирного совета церквей (ВСЦ), следует выделить классические исследования Д. Форрестера (Forrester 1997) и Л. Расмуссена (Rasmussen 1997), посвящённые взаимосвязи богословских основ Совета с его общественной деятельностью. Также заслуживают внимания «Словарь экуменического движения» под редакцией Н. Лосского[11] и опубликованный в начале 2020-х годов трёхтомный труд комиссии ВСЦ «Вера и устройство» — «Церкви и моральное различение»[12]. Эти работы характеризуются глубоким проникновением в исследуемую тему, однако преимущественно имеют богословский характер, а политическое измерение в них рассмотрено менее детально.

Среди более политически ориентированных исследований, близких к тематике настоящей работы, стоит выделить статьи А. Куранович (Curanović 2024) и К. Говоруна (Hovorun 2023). Последний автор напрямую затрагивает реакцию Всемирного совета церквей (ВСЦ) на Украинский кризис. Однако подход Говоруна характеризуется высокой степенью политизированности и не соответствует стандартам академической объективности.

Настоящая работа направлена на преодоление обозначенных недостатков и предлагает именно политологический, а не богословский анализ позиции ВСЦ относительно Специальной военной операции. В частности, в статье изучаются причины негативного восприятия операции Советом и его отказа проявить солидарность с Русской православной церковью. Опираясь на концептуальные рамки критической теории международных отношений, а также используя методы сравнительного анализа, автор стремится выявить и объяснить мотивы, побудившие ВСЦ занять именно такую позицию.

---

[11] Lossky N. 2002. Dictionary of the Ecumenical Movemen. Geneva: WCC Publications.

[12] Wijlens M., Shmaliy V. 2021. Learning from Traditions, Faith and Order Paper No.228. *Churches and Moral Discernment. Vol. 1.* Geneva: WCC Publications;
Wijlens M., Shmaliy V., Sinn S. 2021. Learning from History, Faith and Order Paper No.229. *Churches and Moral Discernment. Vol. 2.* Geneva: WCC Publications;
Wijlens M., Shmaliy V., Sinn S. 2021. Facilitating Dialogue to Build Koinonia Faith and Order Paper No 235. *Churches and Moral Discernment. Vol. 3.* Geneva: WCC Publications.

Роль религиозных организаций в современной международной политике

Вместе с тем, в исследовании представляется необходимым обратиться не только к непосредственной хронологии событий последних лет, но и рассмотреть более широкий контекст участия религиозных организаций в международных отношениях.

Несмотря на значительные различия между религиозными институтами, в их политической и общественной деятельности можно выделить определённые общие черты и закономерности. Как подчёркивает российский исследователь П.И. Касаткин, в сфере международных отношений деятельность религиозных организаций преимущественно реализуется через механизмы «мягкой силы» (Касаткин 2010: 141). Иными словами, они оказывают воздействие на политические процессы, прежде всего формируя мировоззрение и ценностные ориентации акторов международной политики. В свою очередь, другой российский автор, В.В. Толкачёв, связывает возросшую значимость «религиозного фактора» в международной политике непосредственно с укреплением религиозного сознания людей (Толкачёв 2013: 76).

Из этого можно заключить, что религиозные организации существуют и развиваются во многом благодаря привлечению новых сторонников и расширению сферы влияния своих идей. Если верно утверждение Дж. Миршаймера, согласно которому любой актор международных отношений прежде всего стремится обеспечить своё выживание (Mearsheimer 1994: 10), то для религиозных организаций это означает, что их активность на международной арене направлена на создание условий, при которых возможно не только сохранение, но и расширение числа последователей, а также укрепление авторитета и распространение ценностей, которые они продвигают.

В то же время некоторые исследователи считают, что стремление религиозных организаций расширить своё влияние вступает в противоречие с господствующим направлением развития современного мира. Российский учёный А.С. Агаджанян, опираясь на теорию множественных современностей израильского социолога Ш.Н. Эйзенштадта, подчёркивает, что «религиозные смыслы могут допускаться и даже частично интегрироваться в публичную сферу, однако структурно они не входят в ядро господствующей программы современности» (Агаджанян 2012: 107). Под понятием «современность» в данном контексте подразумевается нынешний этап развития общества, определяемый прежде всего западной культурной моделью, центральными элементами которой являются капиталистическая экономика, национальное государство (nation-state), демократия и научная рациональность (Агаджанян 2012: 90). Дополнительно в этот список могут быть включены идеи прав человека, международного права, интеграции, универсализма и многостороннего подхода к международному

порядку. Согласно Эйзенштадту, данная модель характеризует «гегемонистскую структуру глобального мира, в которой западная секулярная современность доминирует и поддерживается посредством «легитимного насилия» со стороны ведущих национальных государств и наднациональных институтов» (Агаджанян 2012: 94).

Таким образом, интересы и стремления многих религиозных организаций неизбежно сталкиваются с западной гегемонистской моделью современности. Как отмечает Ш. Н. Эйзенштадт, «большинство современных религиозных движений занимает конфронтационную позицию по отношению к Западу» (Штекль 2012: 96).

Это, однако, не обязательно относится к межхристианским, или иначе, экуменическим организациям. Большая российская энциклопедия определяет экуменизм или экуменическое движение как «идеологию всехристианского единства; форму межхристианского диалога; движение за сближение церквей»[13]. Российский учёный А.В. Шишков со ссылкой на датского исследователя П. Лодберга, называет экуменизм «христианским проявлением модернизма» (Шишков 2017: 276), что созвучно с упомянутым содержанием идеи современности. Католический богослов Г. Кюнг, также связывая экуменизм с другими идеями модерна, называет его «парадигмой», господствующей в настоящее время теологии, указывая на его в том числе социальную устремлённость к созданию более справедливого мира (Кюнг 2020: 389).

Всемирный совет церквей как транснациональный институт органической интеллигенции

Для более детальной проработки вопроса отношения экуменических организаций к Западу представляется возможным обратиться к некоторым идеям итальянского философа А. Грамши. В «Тюремных тетрадях» он рассматривает людей, профессионально занимающихся религией и руководящих религиозными организациями (в том числе священнослужителей) в качестве представителей традиционной интеллигенции (Грамши 1959: 460), то есть категории интеллектуалов, не связанных органически с современными социальными группами (такими как наёмные работники или предприниматели). Следствием этого является чувство «непрерывной исторической преемственности», «особых качеств», наличие «корпоративного духа» и самоощущение своего сообщества как «автономного и независимого от господствующей социальной группы» (Грамши 1959: 460). Ей противопоставляется категория органической интеллигенции, которая создаётся социальной группой, непосредственно занятой

[13] Филиппов И.С. 2017. Экуменизм. Б*ольшая российская энциклопедия*. Том 35. Москва: Большая российская энциклопедия. С. 293.

в экономическом производстве в целях «придания ей однородности и сознания её собственной роли не только в экономике, но также и в социальной и политической области» (Грамши 1959: 457). Грамши также отмечает, что задачами органической интеллигенции являются, с одной стороны, «ассимиляция и “идеологическое” завоевание традиционной интеллигенции» (Грамши 1959: 463) и обслуживание интересов «господствующей группы» для «осуществления функций, подчинённых задачам социальной гегемонии и политического управления», с другой (Грамши 1959: 465). Обращает на себя внимание определённое сходство концепций Грамши и Эйзенштадта.

Таким образом, традиционная интеллигенция — это социальная группа, которая считает себя автономной от доминирующих классов, обладая собственной историей и институциональными формами, такими как церковь, университеты и научные академии. На международном уровне традиционная интеллигенция проявляется в виде международных научных и образовательных институций, неправительственных организаций и аналитических центров, претендующих на независимость от конкретных государственных или классовых интересов (Anievas, 2010).

Органическая интеллигенция, напротив, тесно связана с конкретными классами, выступая агентом и выразителем их интересов и идеологий. Органические интеллектуалы непосредственно участвуют в формировании и продвижении гегемонии доминирующего класса, конструируя и легитимируя соответствующие политические, экономические и культурные модели. На международном уровне ярким примером органической интеллигенции выступают транснациональные экспертные сообщества и «мозговые центры», тесно связанные с политическими элитами и корпоративными структурами, такие как группы Bilderberg, Всемирный экономический форум и экспертные круги, формирующие глобальный консенсус вокруг неолиберальных реформ и глобализации (Gill, 1990; Graz, 2003; Sklair, 2001).

Возникает вопрос относительно того, к какой группе интеллигенции относятся представители экуменических организаций и, в частности, Всемирного совета церквей, который иногда определяется в качестве «руководящего органа экуменического движения». Для ответа на этот вопрос стоит определить, имеет ли ВСЦ самостоятельный аппарат (можно ли рассматривать его как отдельную транснациональную группу), а также ассоциирует ли он себя с идеями «господствующих групп», которые можно отождествить с упомянутой программой современности (интересами доминирующих западных государств). Кроме того, необходимо рассмотреть, какую роль мог бы играть Совет, как институт органической интеллигенции по отношению к традиционной интеллигенции церквей.

Всемирный совет церквей был создан в 1948 г. как организация, призванная содействовать христианскому единству. В Конституции ВСЦ организация определяется как «содружество церквей, исповедующих Господа Иисуса Христа Богом и Спасителем согласно Священному Писанию и стремящихся к

совместному выполнению общего призвания во славу единого Бога — Отца, Сына и Святого Духа»[14]. Согласно этому документу, Всемирный совет церквей обладает правом «предоставлять церквам консультации и создавать условия для совместных действий по вопросам, представляющим общий интерес», «предпринимать действия от имени входящих в него церквей», если поступает соответствующее обращение (статья IV), а также делать публичные заявления относительно ситуаций, затрагивающих интересы его членов (Правило XII)[15].

Учитывая, что основные руководящие органы ВСЦ — Ассамблея, Центральный комитет и Исполнительный комитет — созываются редко (соответственно раз в восемь лет, раз в два года и два раза в год на несколько дней), ключевая роль в повседневной деятельности принадлежит избираемому на пятилетний срок генеральному секретарю и постоянно действующему бюрократическому аппарату. Подобная структура даёт ВСЦ возможность действовать относительно автономно от своих церквей-членов и формировать собственную позицию по вопросам международной политики и общественной жизни.

Некоторая автономия Совета подчёркивается в документе «Общее понимание и видение ВСЦ», принятом в 2006 г. Генеральной ассамблеей в Порто-Аллегре. Так, указывается, что «Совет является более чем только функциональной ассоциацией церквей, основанной для организации деятельности в сферах общих интересов» (п. 3.2)[16]. Авторы документа называют его «содружеством церквей на пути к полной *койнонии*» (п. 3.5.2)[17]. Это греческое слово, взятое из христианского богословия, определяется как единство или содружество «в вере, жизни и свидетельстве»[18]. Несмотря на то, что постоянно подчёркивается, что ВСЦ не является церковью и никогда не должен стать «суперцерковью» (п. 3.2), наименование уже наличествующего Совета содружеством, как отмечают сами авторы документа, представляет определённый «экклезиологический вызов» (п. 3.4) для церквей-членов и, как следствие, позволяет говорить о собственной агентности Всемирного совета церквей[19]. Об этом же говорят и некоторые исследователи. Так, шотландский теолог Дункан Форрестер отмечал, что «экуменическое движение стало не просто форумом для разговоров о морали и доктрине, но нормативной моделью “церкви”» (Forrester 1997: 101). Американский

---

[14] См. Базис Всемирного совета церквей (Статья 1 Устава ВСЦ). *Православие и экуменизм*. Москва: Изд-во МФТИ. 998 с. С. 198.

[15] WCC Central Committee. Constitution and Rules of the World Council of Churches. *World Council of Churches website*. URL: https://www.oikoumene.org/sites/default/files/2023-01/Constitution-and-Rules-of-the-WCC-June-2022.pdf (accessed 10.04.2025).

[16] WCC 9th Assembly. Common Understanding and Vision of the WCC (CUV). *World Council of Churches website*. URL: https://www.oikoumene.org/resources/documents/common-understanding-and-vision-of-the-wcc-cuv (accessed 10.04.2025).

[17] Ibid.

[18] Ibid.

[19] WCC 9th Assembly. Common Understanding and vision of the WCC (CUV). *World Council of Churches website*. URL: https://www.oikoumene.org/resources/documents/common-understanding-and-vision-of-the-wcc-cuv (accessed 10.04.2025).

исследователь Л. Расмуссен, подчёркивая экклезиологическую роль экуменического движения, даже утверждает, что «отдельные церкви не являются церквями в полном смысле этого слова, если не отождествляют себя с экуменическими задачами справедливости, мира и целостности творения» (Rasmussen 1997: 105). При этом данный подход вызывает критику некоторых членов Совета, в частности, Русской православной церкви, которая заявляла, что не признаёт «экклезиологического характера» ВСЦ и видит в нём «лишь межцерковный форум»[20]. Таким образом, можно констатировать, что Совет обладает собственной самостоятельной бюрократией, которая хотя и подчинена церквам-членам, но действует автономно и может рассматриваться как отдельная субъектная группа.

Анализируя идеологическое содержание деятельности ВСЦ, следует отметить, что помимо основной цели — содействия единству христиан, — Совет активно формулирует и отстаивает свою позицию по широкому спектру социальных, экономических и политических вопросов. В экономической сфере организация последовательно поддерживает идеи социально ориентированного капитализма[21]. В политической области ВСЦ выступает за демократию и многосторонний (мультилатеральный) международный порядок[22]. В социальной сфере Совет уделяет особое внимание вопросам защиты окружающей среды, включая отказ от ископаемого топлива[23], продвигает идеи гендерного равенства[24] и активно поддерживает миграционные процессы[25].

Примечательно, что ВСЦ как институциональная структура не противодействует секуляризационным тенденциям, характерным для стран Западной Европы и Северной Америки. На основании этого можно утверждать, что социально-политическая повестка, продвигаемая Всемирным советом церквей, в целом соответствует публично декларируемым интересам и ценностям доминирующих западных государств.

Наконец, обратимся к вопросу об отношениях между Советом и церквами-членами. На протяжении всей своей истории ВСЦ был преимущественно протестантской организацией. Так, за православными и древними восточными

---

[20] Внешние церковные связи в 1997 г. *Сайт Отдела внешних церковных связей Московского патриархата.* URL: https://old.mospat.ru/archive/1997/12/ecr_ru97/ (дата обращения: 10.04.2025)

[21] Social Justice and Common Goods – Policy Paper. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/resources/documents/social-justice-and-common-goods-policy-paper (accessed 10.04.2025).

[22] Так, в ноябре 2024 г. Исполнительный комитет Всемирного совета церквей выпустил заявление «Подтверждая приверженность многостороннему подходу», в котором отмечается, что «Совет разделяет фундаментальную приверженность ООН сотрудничеству сквозь границы и разделения, миру, правам человека, справедливости, защите окружающей среды и устойчивому развитию». WCC Executive Committee Statement: Recommitting To Multilateral Cooperation. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/resources/documents/wcc-executive-committee-statement-recommitting-to-multilateral-cooperation (accessed 10.04.2025)

[23] WCC Supports Call to Divest from Fossil Fuel Industries. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/news/wcc-supports-call-to-divest-from-fossil-fuel-industries (accessed 10.04.2025)

[24] Gender Justice Principles with Code of Conduct. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/resources/documents/gender-justice-principles-with-code-of-conduct (accessed 10.04.2025)

[25] Statement on People on the Move: Migrants and Refugees. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/resources/documents/statement-on-people-on-the-move-migrants-and-refugees (accessed 10.04.2025)

церквами закреплена 25% квота во всех руководящих органах Совета, а 75% распределяется между различными протестантскими объединениями. Практически все протестантские церкви-члены по происхождению являются либо европейскими или американскими, либо бывшими миссионерскими провинциями европейских или американских церквей. В целом из 352 церквей восемь относятся к пятидесятническим, две – к евангелическим, десять – к «африканским», 22 – к православным и древневосточным и 310 – к «традиционным» протестантским церквам (лютеранам, пресвитерианам, англиканам, баптистам и проч.)[26]. Как отмечает болгарская исследовательница Д. Калканджиева, состав ВСЦ даже навлекал на него обвинения в том, что он «де-факто является англо-американской организацией, которая… работает на присоединение как можно большего числа стран к империалистическому лагерю во главе с США» (Калканджиева Д. 2017: 74). Исследователь С.Л. Звонарёв также характеризовал «вектор» развития Всемирного совета церквей как «проамериканский» (Звонарёв 2025: 167). Вкупе с указанной ранее позицией ВСЦ по основным социальным, политическим и экономическим вопросам эти данные дают основания полагать, что Совет способствует продвижению западных идей в церквах-членах, в частности, незападного происхождения.

В связи с этим важно также учитывать, что, несмотря на формальное равенство всех церквей-членов, особенности отдельных «семей» церквей приводят к тому, что некоторые из них, в частности, расположенные в Европе, обладают большим влиянием, чем другие (примером этого является Англиканское сообщество, насчитывающее 42 церкви, лидером которого считается Архиепископ Кентерберийский).

Географический дисбаланс в пользу европейских и североамериканских церквей связан также с тем, что, с одной стороны, Римско-католическая церковь не входит в состав Совета, а с другой стороны, что такие крупные государства мира, как Китай и Индия имеют сравнительно небольшое число христиан.

Для оценки влияния западных церквей на ВСЦ важно обратить внимание на статистику финансирования организации. Так, согласно отчёту за 2023 г.[27], из 14,1 млн швейцарских франков дохода 11,4 млн поступило от европейских церквей, преимущественно от протестантов. Ещё 1,8 млн поступило от церквей Северной Америки. Таким образом, хотя всего из этих регионов в ВСЦ состоят 120 церквей (90 из Европы и 30 из США), то есть они составляют 34% от общего числа членов, на них приходится 93,6% бюджета организации.

---

[26] Member Churches. *World Council of Churches website.* https://www.oikoumene.org/member-churches (accessed 10.04.2025)

[27] World Council of Churches Financial Report 2023. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/sites/default/files/2024-07/Financial%20Report%202023_Web.pdf (accessed 10.04.2025)

Также обращает на себя внимание выраженная финансовая диспропорция в деятельности ВСЦ. При общем бюджете организации в 14,1 млн франков расходы на программную деятельность, включающую образовательные мероприятия, гуманитарные инициативы и миротворческие проекты, составляют около 10,5 млн франков. Из этой суммы подавляющая часть приходится на страны Европы и Северной Америки — более 9,9 млн франков (соответственно 9,1 млн и 0,835 млн франков). Дополнительно около 500 тыс. франков поступает от других международных и экуменических организаций.

Таким образом, можно заключить, что финансовая деятельность Всемирного совета церквей практически полностью обеспечивается западными, преимущественно европейскими протестантскими церквами, которые берут на себя основные расходы, связанные с программами Совета в экономической, политической и социальной сферах. С учётом того, что в деятельности ВСЦ участвуют представители более чем 120 стран, это позволяет говорить о существовании транснациональной группы, объединённой экуменическим движением и организованной вокруг ВСЦ, при доминирующем финансовом участии европейских и североамериканских церковных институтов.

Следует отдельно сказать, что, несмотря на глобальный статус Совета, возможности его прямого влияния на церкви-члены довольно ограничены. Один из основополагающих документов ВСЦ – «Торонтская декларация» 1950 г. – запрещает Всемирному совету церквей не только «законодательствовать или действовать за своих членов», но и что-либо «решать за них» (Церковь, церкви… 1998: 188). Конституция ВСЦ (правило 12.2) указывает, что «авторитет (заявлений Совета) основывается лишь на той правде и мудрости, которая содержится в них самих, а потому их публикация не может иметь никакой устанавливающей власти над церквами-членами и не может считаться выражением их собственной позиции»[28] Более того, правило 19.5.e того же документа отдельно подчёркивает невозможность наложения санкции на церковь-члена, если она отвергает какое-либо решение Совета[29], возможность для членов «отвергнуть» предыдущие решения Всемирного совета церквей без какой-либо санкции. Это позволило протоиерею Иоанну Сауке в докладе перед Ассамблеей в Карлсруэ сказать, что «до тех пор, пока речь не шла о богословских вопросах, изложенных в базисе, ВСЦ не исключал никого, если они разве что исключали сами себя»[30]. В этом смысле влияние Совета можно понимать как непрямое, связанное с интересами самих церквей участвовать в экуменическом движении и неизбежно

[28] WCC Central Committee. Constitution and Rules of the World Council of Churches. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/sites/default/files/2023-01/Constitution-and-Rules-of-the-WCC-June-2022.pdf (accessed 10.04.2025).
[29] Ibid.
[30] Report of the Acting General Secretary. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/sites/default/files/2022-08/A02-Report-of-the-Acting%20General-Secretary-ENG.pdf (accessed 10.04.2025).

как ограниченное, что имеет значение как для позиционирования Всемирного совета церквей в межхристианских отношениях, так и для его реальной роли в мировой политике.

Необходимо дополнительно остановиться на задачах, которые ставит перед собой экуменическое движение. Согласно заявлению Ассамблеи ВСЦ, состоявшейся в 2022 г. в Карлсруэ, нынешнее «содружество церквей» характеризуется как «несовершенное»[31]. Достижение поставленной цели «видимого единства» предполагает достижение общности в апостольской вере, взаимного признания таинств крещения, евхаристии и служения, формирование совместного механизма принятия решений и осуществление общего действия, направленного на преодоление препятствующих единству социальных и моральных явлений, таких как «кастовая система, сексизм, эйджизм, эйблизм, колониализм, экономическая эксплуатация, неравное распределение власти и ресурсов, искажённое отношение к творению и многие другие формы отчуждения».

Как справедливо замечает американская исследовательница Х. Хадселл, подобный универсалистский подход, охватывающий богословскую, социальную и этическую сферы, в той или иной степени всегда был присущ экуменическому движению. Причины этого она связывает прежде всего с влиянием европейских и североамериканских церквей (Hadsell 2006: 22). В этой связи следует вспомнить утверждение Л. Расмуссена, ранее процитированное в статье, согласно которому быть церковью «в полном смысле этого слова» означает отождествлять себя с целями экуменизма (Rasmussen 1997: 105).

Таким образом, можно заключить, что Всемирный совет церквей (ВСЦ) представляет собой преимущественно западноориентированную организацию, действующую в качестве органической интеллигенции по отношению к традиционной интеллигенции входящих в него церквей-членов. В этом качестве ВСЦ активно распространяет идеи, совпадающие с западной программой современности, включающей универсалистские ценности демократии, многостороннего международного порядка и прав человека.

Вместе с тем следует учитывать, что общества стран Европы и Северной Америки неоднородны в культурном, идеологическом и политическом отношении, что приводит к определённому плюрализму интересов и подходов. В результате по отдельным вопросам мировой политики ВСЦ может занимать критическую позицию по отношению к конкретным действиям западных государств, в особенности, когда среди них нет единства. Это особенно ярко проявлялось в отношении операций НАТО в Югославии (1999 г.)[32], вторжения США

[31] Unity Statement of the WCC 11th Assembly. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/sites/default/files/2022-09/A05rev1-Unity-Statement.pdf (accessed 10.04.2025);

[32] Yugoslavia (Former) – Appeal for an immediate moratorium on the NATO military intervention. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/resources/documents/yugoslavia-former-appeal-for-an-immediate-moratorium-on-the-nato-military-intervention (accessed 10.04.2025);

в Ирак[33] (2003 г.) и конфликта в секторе Газа[34] (с 2023 г.). В каждом из этих случаев Всемирный совет церквей открыто выступал с осуждением политики отдельных западных стран, однако неизменно опирался при этом на авторитет наднациональных институтов, таких как Организация Объединённых Наций, международное право, международное гуманитарное право и мнение церквей-членов из этих стран. Кроме того, критика Совета всегда была обусловлена его уже упомянутой антивоенной позицией, напрямую созвучной европейским универсалистским ценностям. Таким образом, выступая против конкретных действий западных государств, ВСЦ одновременно действовал от имени и во имя западных же ценностей, опираясь на часть западного общества и исходя из собственного понимания его долгосрочных интересов[35].

При этом важно отметить, что ВСЦ никогда не выступал против единой позиции стран Запада. Существует пример, когда он отказывался от своей антивоенной позиции. Так в 1950 г. ЦК Совета принял «Заявление о ситуации в Корее и мировом порядке», в котором прямо поддержал «использование полицейских мер» (то есть вооруженных сил) для борьбы с войсками Северной Кореи (Kim Heung Soo 2011: 137). Нынешняя реакция ВСЦ на конфликт в Секторе Газа, также показывает, что со временем она становилась все более критической по отношению к Израилю, параллельно с изменением общественного мнения на Западе. Если в ноябре 2023 года Исполком Совета ограничивался призывами к прекращению огня, примирению и уважению международного гуманитарного права[36], то уже в 2025 году этот же орган в уже упомянутом заявлении обвинял Израиль в «совершении зверств» в Секторе Газа. Учитывая то, что значительный масштаб жертв этого конфликта был очевиден уже в его первый месяц[37], можно предположить, что изменение реакции ВСЦ было связано не с гуманитарными причинами, а с трансформацией позиции западного общества по данному конфликту[38].

---

[33] Statement on the threats of military action against Iraq. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/resources/documents/statement-on-the-threats-of-military-action-against-iraq#:~:text=Adopted%20by%20the%20Central%20Committee,and%20a%20degradation%20of%20man.&text=Reiterates%20its%20expression%20of%20solidarity,churches%20and%20people%20of%20Iraq. (accessed 10.04.2025);

[34] WCC executive committee minute on Gaza. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/resources/documents/wcc-executive-committee-minute-on-gaza (accessed 15.05.2025);

[35] Это, в частности, также заметно сейчас, когда представители ВСЦ активно выступили против нового Президента США Д. Трампа. См. WCC Statement on the Future of Gaza. *World Council of Churches website.* URL: https://oikoumene.org/resources/documents/wcc-statement-on-the-future-of-gaza (accessed 10.04.2025);

[36] Statement on the War in Palestine and Israel. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/resources/documents/statement-on-the-war-in-palestine-and-israel (accessed 10.04.2025)

[37] Daily Casualties – Gaza. Palestinian Datasets. URL: https://www.oikoumene.org/resources/documents/statement-on-the-war-in-palestine-and-israel (accessed 10.04.2025)

[38] Public support for Israel in western Europe at lowest ever recorded by YouGov. The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/world/2025/jun/03/public-support-for-israel-in-western-europe-lowest-ever-recorded-yougov (accessed 03.06.2025)

Также стоит указать, что во всех упомянутых конфликтах, где Всемирный совет церквей выступал против действий отдельных западных стран, он опирался, как это видно из приведенных примеров, на позицию своих церквей-членов из зон конфликтов. Единственным исключением, как уже было сказано, является Украинский кризис, где Совет не солидаризировался со своей церковью-членом – Русской православной церковью. Как представляется, подобная ситуация объясняется, как особенностями исследуемого конфликта, где ВСЦ, как организация западной органической интеллигенции не могла выступить против единогласной позиции Западных стран, так и идеологическими особенностями самого экуменического движения.

Именно поэтому подход, отождествляющий руководство Всемирного совета церквей с западной органической интеллигенцией, как видится, остаётся продуктивным и логически оправданным. Данная перспектива позволяет объяснить, почему ВСЦ и отдельные церкви-члены (в руководстве которых преобладает традиционная интеллигенция) могут расходиться в позициях по отдельным вопросам международной политики. Наиболее отчётливо этот механизм проявился в реакции Совета и церквей-членов на Украинский кризис, что требует отдельного анализа и обращения к хронологии конкретных действий ВСЦ в рамках данного конфликта.

Позиция ВСЦ по Украинскому кризису (2022–2024 гг.)

В первые месяцы Специальной военной операции позиция ВСЦ выражалась в заявлениях и письмах исполняющего обязанности генерального секретаря протоиерея Иоанна Сауки. В девяти опубликованных от его лица документах с февраля по апрель 2022 г. можно зафиксировать несколько основных идей[39].

[39] WCC Calls for an Immediate End to the Current Armed Hostilities. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/news/wcc-calls-for-an-immediate-end-to-the-current-armed-hostilities (accessed 10.04.2025);
WCC Urges to Stop This War and to Restore Peace to the People and Nation of Ukraine. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/resources/documents/wcc-urges-to-stop-this-war-and-to-restore-peace-to-the-people-and-nation-of-ukraine (accessed 10.04.2025);
Letter to His Holiness Kirill, Patriarch of Moscow and all Russia – Russian Orthodox Church. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/resources/documents/letter-to-his-holiness-kirill-patriarch-of-moscow-and-all-russia-russian-orthodox-church (accessed 10.04.2025);
Statement of Rev. Prof. Dr. Ioan Sauca, WCC Acting General Secretary on Ukraine. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/resources/documents/statement-of-rev-prof-dr-ioan-sauca-wcc-acting-general-secretary-on-ukraine (accessed 10.04.2025);
WCC Acting General Secretary Letter to Mme Olena Zelenska, First Lady of Ukraine. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/resources/documents/wcc-acting-general-secretary-letter-to-mme-olena-zelenska-first-lady-of-ukraine (accessed 10.04.2025);
WCC Acting General Secretary Letter to the Presidents of Russia and Ukraine. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/resources/documents/wcc-acting-general-secretary-letter-to-the-presidents-of-russia-and-ukraine (accessed 10.04.2025);
WCC Statement on Evidence of Atrocities in Ukraine. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/resources/documents/wcc-statement-on-evidence-of-atrocities-in-ukraine (accessed 10.04.2025);
Condolences to Caritas upon Death of Staff in Ukraine. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/resources/documents/condolences-to-caritas-upon-death-of-staff-in-ukraine (accessed 10.04.2025);

Во-первых, Саука призывал к немедленному прекращению боевых действий. Во-вторых, он указывал на необходимость разрешить конфликт через «диалог» в соответствии с принципами международного права и при уважении «национальных границ». В-третьих, генсек ВСЦ часто в разных выражениях говорил о «недопустимости» нарушения международного гуманитарного права и использования насилия для разрешения международных споров. Также он упоминал негативное влияние конфликта на мировую экономику и политику, призывая к скорейшему нахождению его мирного решения.

Идеи, озвученные генеральным секретарём ВСЦ, в частности, имели своим основанием антимилитаристскую позицию Всемирного совета церквей (которая, однако, как было показано, выше не была безусловной). Будучи институтом, созданным после Второй мировой войны, ещё на своей первой Ассамблее в Амстердаме Совет постановил, что «война противна воле Божией»[40]. Далее эта тема получила значительное развитие в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в доктрине «справедливого мира», которая должна была заменить теорию справедливой войны. Данная доктрина, принятая в качестве официальной Ассамблеей ВСЦ в Пусане (2013 г.), затрагивая большой круг тем – от устойчивого развития до экономической политики, в вопросе войны указывала, что «хотя признавая авторитет ООН в соответствии с международным правом отвечать на угрозы международному миру… мы как христиане чувствуем себя обязанными бросить вызов любому богословскому или иному обоснованию использования военной силы»[41].

К этим идеям, в частности, апеллировали участники организованных ВСЦ весной-летом 2022 г. круглых столов, посвящённых Украинскому кризису: «Мы подтверждаем наше отвержение войны как действия, противного воле Божией, а также неприятие использования военной силы как средства разрешения конфликта – на Украине или где-либо ещё»[42].

В то же время именно в документах этих круглых столов, в которых принимали участие только представители западных церквей – членов ВСЦ, были сформулированы тезисы, ставшие частью практически всех публичных реакций

WCC Acting General Secretary Letter to His Holiness Kirill, Patriarch of Moscow and all Russia. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/resources/documents/wcc-acting-general-secretary-letter-to-his-holiness-kirill-patriarch-of-moscow-and-all-russia-russian (accessed 10.04.2025);

[40] См. WCC 11th Assembly shares message: "A Call to Act Together". *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/news/wcc-11th-assembly-shares-message-a-call-to-act-together (accessed 10.04.2025)

[41] Ecumenical Call to Just Peace. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/resources/documents/ecumenical-call-to-just-peace (accessed 10.04.2025)

[42] Message from Participants in Ecumenical Round Table on Ukraine. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/resources/documents/message-from-participants-in-ecumenical-round-table-on-ukraine (accessed 10.04.2025);

Message from Participants in the Second Ecumenical Round Table on Ukraine. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/resources/documents/message-from-participants-in-the-second-ecumenical-round-table-on-ukraine (accessed 10.04.2025);

Всемирного совета церквей на дальнейшее развитие ситуации на Украине[43]. Они полностью повторяют политическую антироссийскую риторику западных стран. При этом признавалась важность сохранения диалога и, в частности, консультаций с Московским патриархатом.

Практически все эти идеи были включены в итоговые документы проводившихся в том году заседаний Исполнительного комитета (май), Центрального комитета (июнь) и X Ассамблеи в Карлсруэ (сентябрь). Если Исполком сосредоточился на «гуманитарных аспектах» конфликта на Украине[44], то ЦК ВСЦ от имени всей организации то Центральный комитет ВСЦ от имени всей организации охарактеризовал действия России как незаконные и не имеющие оправданий[45]. С другой стороны, Центральный комитет также поддержал заявление православной предассамблеи ВСЦ на Кипре (10–15 мая 2022 г.), принявшей нейтральное заявление по теме Украинского кризиса, поприветствовал визиты делегаций Совета в Венгрию и Румынию (14–18 марта 2022 г.) и в Россию (21–26 мая 2022 г.) для знакомства с деятельностью по помощи беженцам со стороны местных церквей и призвал к активной роли Всемирного совета церквей для достижения мира через диалог, в том числе с Русской православной церковью.

Наконец, Генеральная Ассамблея ВСЦ в Карлсруэ приняла наиболее авторитетный для организации документ, посвящённый данному конфликту «Война на Украине, мир и справедливость в европейском регионе»[46]. Помимо формального подтверждения решений ЦК, в документе содержалось «осуждение незаконной и не имеющей оправдания войны», призыв к немедленному прекращению огня и переговорам, уважению к международному гуманитарному праву и отказу от использования религиозного языка и авторитета «для оправдания вооружённой агрессии и ненависти». Кроме того, церкви в России и на Украине призывались «возвысить свой голос, чтобы остановить смерти и разрушения на Украине». Наконец, в тексте содержалось утверждение о том, что участники Ассамблеи «признают, что на войне нет “победителей», и никто никогда не должен прибегать к войне». Отдельно указывалось, что Совет должен сохранить свою миротворческую роль и способствовать мирному разрешению конфликта, в частности, посредством организации визитов в Россию и на Украину.

---

[43] Представители Русской православной церкви, как указывается в соответствующих документах, были приглашены, однако не смогли участвовать.

[44] Statement on Global Humanitarian Impacts of the War in Ukraine. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/resources/documents/statement-on-global-humanitarian-impacts-of-the-war-in-ukraine (accessed 10.04.2025);

[45] Заявление Центрального комитета ВСЦ о войне в Украине. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/ru/resources/documents/wcc-central-committee-statement-on-the-war-in-ukraine (дата обращения: 10.04.2025);

[46] War in Ukraine, Peace and Justice in the European Region. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/resources/file/war-in-ukraine-peace-and-justice-in-the-european-region (accessed 10.04.2025).

С самого начала Специальной военной операции ВСЦ подвергался значительному давлению со стороны СМИ, государственных структур и некоторых церквей-членов, которые требовали от него не только занять чёткую антироссийскую позицию, но даже исключить Русскую православную церковь из своего состава за «соучастие в агрессии против Украины»[47]. Как отмечал и.о. генерального секретаря Всемирного совета церквей протоиерей Иоанн Саука в докладе на Ассамблее в Карлсруэ, «более 7000 статей упоминали ВСЦ в связи с этой войной», а вопрос исключения Московского патриархата стал предметом длительного обсуждения в рамках заседания ЦК в июне 2022 г.[48].

В то же время в связи с подобным давлением итоговую реакцию ВСЦ можно было бы считать довольно умеренной, о чём косвенно упоминается в комментарии главы делегации Русской православной церкви митрополита Волоколамского Антония, который, хотя и отметил, что Московский патриархат «не смог поддержать» итоговое заявление вследствие его значительной «политизации», указал, что позицию Совета можно рассматривать «с осторожным оптимизмом», т. к. в принятом тексте не содержалось обвинений в адрес РПЦ и даже отмечалась его «гуманитарная миссия» по помощи беженцам[49].

Причины, по которым реакция Всемирного совета церквей приняла именно такой вид, можно определить следующим образом. Во-первых, как западный институт ВСЦ не мог не осудить Россию. К этому его подталкивала как его институциональная история (в частности, выражавшаяся в идее «справедливого мира»), так и идеологическое содержание экуменического проекта, о котором было сказано выше. Во-вторых, будучи институтом органической интеллигенции, ВСЦ был заинтересован в том, чтобы сохранить возможность определять «правила поведения» для как можно большего числа членов. В связи с этим исключение Русской православной церкви, являющейся, согласно собственной статистике Совета, крупнейшей церковью-членом, было «практически нереальным», что отмечал уже упомянутый протоиерей Иоанн Саука ещё в апреле 2022 г.[50]. Напротив, сохранив Московский патриархат в своём составе ВСЦ формально сохранил и возможные рычаги воздействия на него, остался

[47] World Council of Churches faces calls to expel Russian Orthodox Church. *Religion News Service (RNS) website.* URL: https://religionnews.com/2022/04/11/world-council-of-churches-faces-calls-to-expel-russian-orthodox-church/ (accessed 10.04.2025).
WCC: The Decision of the Church of Russia to Participate in the Assembly is Unanimous. *Orthodox Times website.* URL: https://orthodoxtimes.com/wcc-the-decision-of-the-church-of-russia-to-participate-in-the-assembly-is-unanimous/ (accessed 10.04.2025).

[48] Report of the Acting General Secretary. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/sites/default/files/2022-08/A02-Report-of-the-Acting%20General-Secretary-ENG.pdf (accessed 10.04.2025).

[49] Комментарий митрополита Волоколамского Антония в связи с принятием документа ВСЦ «Война на Украине, мир и справедливость в европейском регионе». *Сайт Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата.* URL: https://mospat.ru/ru/news/89613/ (дата обращения: 10.04.2025).

[50] Отец Иоанн Саука: «Бог на стороне страждущих». *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/ru/news/fr-ioan-sauca-god-is-on-the-side-of-those-who-are-suffering (дата обращения: 10.04.2025).

институтом, который может к чему-то его призывать. Совет зафиксировал для себя возможность выступать в качестве миротворческой силы. Стоит отметить, что ВСЦ использовал сохранение членства РПЦ в этой организации в качестве возможности требовать от неё отказаться от так называемого «использования религиозного языка и авторитета для оправдания вооружённой агрессии и ненависти».

Таким образом, Совет, с одной стороны, осудил действия России[51] и потребовал от Русской православной церкви как минимум не препятствовать её изоляции, а во-вторых, сохранил определённые рычаги воздействия на Московский патриархат. В связи с этим сложно согласиться с украинским исследователем К. Говоруном, критикующим позицию ВСЦ с точки зрения интересов экуменического движения, настаивая на необходимости более жёсткой позиции (Hovorun 2023: 52). Напротив, Совет, в данном случае действовал в русле своих основных интересов.

Решения лета-осени 2022 г. определили дальнейшие действия Всемирного совета церквей в данном конфликте. Ещё до Ассамблеи в Карлсруэ делегация ВСЦ во главе с протоиереем Иоанном Саукой, в соответствии с решением ЦК, 1–5 августа 2022 г. посетила Украину, где встретилась с представителями местных христианских церквей, а также с высокопоставленными украинским чиновниками и «выразило солидарность с народом Украины»[52]. Обращает на себя внимание, что представители Совета встретились не только с руководством Украинской православной церкви (УПЦ) Московского патриархата (эта церковь как часть Русской православной церкви ранее уже принимала участие в работе Всемирного совета церквей), но и с первыми лицами Православной церкви Украины (ПЦУ) – не признаваемой ни в РПЦ, ни в УПЦ – хотя более ранняя позиция ВСЦ, как уже указывалось, состояла в том, чтобы избегать контактов с этой структурой и воздерживаться от «вмешательства в межправославные отношения»[53]. Кроме того, Саука пригласил представителей УПЦ и ПЦУ принять участие в Ассамблее в Карлсруэ. Таким образом, данный визит обозначил разрыв с предыдущей политикой. Можно предположить, что в условиях конфликта России со странами Запада Совет решил воспользоваться возможностью усилить своё влияние на Украине, представители которой в предшествующие годы были менее активны в экуменическом движении.

Во исполнение того же решения в октябре 2022 г. Иоанн Саука посетил Россию. 17 октября состоялась его встреча с предстоятелем РПЦ Патриархом Кириллом, на которой Саука озвучил несколько основных тезисов[54].

---

[51] И даже отказал её позиции в праве на существование, называя её действия «не имеющими оправдания».

[52] WCC Delegation Visits Ukraine amidst the Ongoing War. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/news/wcc-delegation-visits-ukraine-amidst-the-ongoing-war (accessed 10.04.2025).

[53] Metropolitan Hilarion Visits the World Council of Churches in Geneva. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/news/metropolitan-hilarion-visits-the-world-council-of-churches-in-geneva (accessed 10.04.2025).

[54] «Коммюнике ВСЦ: Встреча Святейшего Патриарха Кирилла с исполняющим обязанности генерального секретаря ВСЦ». *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/ru/resources/documents/wcc-communique-his-holiness-patriarch-kirill-meets-with-wcc-acting-general-secretary (дата обращения: 10.04.2025).

Дальнейшая публичная реакция Всемирного совета церквей на Украинский кризис определялась тремя основными факторами. Во-первых, действиями государственной власти России или Украины. Во-вторых, действиями Русской православной церкви. В-третьих, взятым на себя ранее обязательством «поддерживать диалог» между церквами конфликтующих стран и внутри них.

Продолжая линию предыдущих месяцев, ВСЦ в том числе при новом генеральном секретаре Джерри Пиллэе, который приступил к исполнению своих полномочий в феврале 2023 г., активно комментировал резонансные события, связанные с российско-украинским конфликтом: прекращение «зерновой сделки», гибель «гуманитарных работников» в Херсонской области, разрушение Каховской ГЭС и проч. Примечательно, что из 18 посвящённых данной теме официальных заявлений и сообщений Совета с октября 2022 г. по декабрь 2024 г. 14 носили критический характер по отношению к России[55]. Из оставшихся четырёх два заявления содержали умеренную критику в адрес и России, и Украины, и два носили более нейтральный характер.

Критика украинских властей, как представляется, была вызвана двумя параллельными процессами. Первый из них связан с инициативой Ассамблеи в Карлсруэ способствовать «диалогу» между церквами России и Украины и тем

[55] WCC welcomes Nobel Peace Prize Award to Human Rights Advocates from Belarus, Russia, and Ukraine. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/news/wcc-welcomes-nobel-peace-prize-award-to-human-rights-advocates-from-belarus-russia-and-ukraine (accessed 10.04.2025);
Statement on Ongoing Russian Attacks on Civilian Infrastructure in Ukraine. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/resources/documents/statement-on-ongoing-russian-attacks-on-civilian-infrastructure-in-ukraine (accessed 10.04.2025);
Statement of the WCC General Secretary on Continuing Attacks on Civilians in Ukraine. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/resources/documents/statement-of-the-wcc-general-secretary-on-continuing-attacks-on-civilians-in-ukraine (accessed 10.04.2025);
500 Churches and Religious Sites Destroyed in Ukraine during the War. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/news/500-churches-and-religious-sites-destroyed-in-ukraine-during-the-war (accessed 10.04.2025);
Ukrainian Council of Churches Calls for Day of National Fasting and Prayer. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/news/ukrainian-council-of-churches-calls-for-day-of-national-fasting-and-prayer (accessed 10.04.2025);
WCC Statement on Ukraine. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/resources/documents/wcc-statement-on-ukraine-0 (accessed 10.04.2025);
Minute on Various Pressing Issues. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/resources/documents/minute-on-various-pressing-issues (accessed 10.04.2025);
WCC calls for Russia to Restore Black Sea Grain Deal. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/news/wcc-calls-for-russia-to-restore-black-sea-grain-deal (accessed 10.04.2025);
WCC Denounces Russian Campaign to Terrorize People of Ukraine. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/news/wcc-denounces-russian-campaign-to-terrorize-people-of-ukraine (accessed 10.04.2025);
WCC Condemns Attacks against Aid Workers in Southeast Ukraine. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/news/wcc-condemns-attacks-against-aid-workers-in-southeast-ukraine (accessed 10.04.2025);
WCC Statement for 2nd Anniversary of Russia's Invasion of Ukraine. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/resources/documents/wcc-statement-for-2nd-anniversary-of-russias-invasion-of-ukraine (accessed 10.04.2025);
WCC Comment on Russian Missile Attacks on Kharkiv. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/resources/documents/wcc-comment-on-russian-missile-attacks-on-kharkiv (accessed 10.04.2025);
Minute on the Escalation of the War in Ukraine. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/resources/documents/minute-on-the-escalation-of-the-war-in-ukraine (accessed 10.04.2025);
WCC Comment on Russian Strike on Children's Hospital. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/resources/documents/wcc-comment-on-russian-strike-on-childrens-hospital (accessed 10.04.2025);

самым содействовать прекращению боевых действий. Второй – с начавшейся на Украине в конце 2022 г. полномасштабной кампанией против УПЦ, что привело к ответным действиям со стороны Московского патриархата, инициировавшего активную информационную поддержку Украинской православной церкви[56].

Так, в марте 2023 г. на сайте ВСЦ было опубликовано заявление Д. Пиллэя, в котором отмечалась «обеспокоенность и огорчение в связи с предполагаемыми действиями, направленными против Украинской православной церкви» в связи с вопросом о принадлежности Киево-Печерской лавры[57]. В этом же документе упоминалось стремление Всемирного совета церквей «поощрять диалог ради мира, в том числе среди своих церквей-членов и экуменических партнёров в России, Украине и по всему миру».

Следующим шагом в этом направлении стали визиты делегации ВСЦ во главе с генеральным секретарём на Украину 10–12 мая и в Россию 17 мая. Целью этих поездок называлось желание «навести мосты мира и примирения посредством встреч и диалогов и положить конец военным конфликтам, войнам и насилию»[58]. На встрече с Патриархом Кириллом Д. Пиллэй сформулировал четыре задачи, которые на данном этапе ставил перед собой ВСЦ: «1) необходимость положить конец нынешней войне, 2) работать во имя единства православной семьи, столь глубоко разделённой в этом контексте, 3) обсудить роль церквей в миростроительстве как между самими христианами, так и во внешнем мире, решая вопросы войны и насилия, и 4) предложить проведение первоначального заседания круглого стола для обсуждения этих вопросов с участием всех заинтересованных сторон»[59]. Как и в 2022 г., представители Совета встретились с руководством как РПЦ и УПЦ, так и ПЦУ, и по итогам визитов сообщили, что «начнут подготовку к проведению заседания круглого стола в конце (2023) года». В этом их поддержал ЦК ВСЦ, выпустивший соответствующую резолюцию по итогам своего заседания 21–27 июня 2023 г.[60].

---

[56] Всего в 2023–2024 гг. Патриарх Кирилл направил в адрес генсека ВСЦ Д. Пиллэя четыре обращения, посвящённых положению Украинской православной церкви. Они касались ситуации вокруг Киево-Печерской лавры, ареста митрополита Тульчинского и Брацлавскго Ионафана и митрополита Святогорского Арсения, а также закона о запрете УПЦ.

[57] WCC concerned over Dormition Kiev Caves Lavra, Plans to Convene Roundtable for Peace. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/resources/documents/wcc-concerned-over-dormition-kiev-caves-lavra-plans-to-convene-roundtable-for-peace (accessed 10.04.2025).

[58] Генеральный секретарь ВСЦ посетил Москву и встретился с Патриархом Кириллом. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/ru/news/wcc-general-secretary-visits-moscow-and-patriarch-kirill (дата обращения 10.04.2025).

[59] После визита в Москву генеральный секретарь ВСЦ заявил: «ВСЦ послужит инструментом диалога». *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/ru/news/wcc-general-secretary-after-the-visit-to-moscow-wcc-to-be-an-instrument-of-dialogue (дата обращения: 10.04.2025).

[60] Minute on Various Pressing Issues. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/resources/documents/minute-on-various-pressing-issues (accessed 10.04.2025).

Тем не менее в октябре 2023 г. было объявлено о переносе проведения круглого стола (на начало 2025 г. так и не состоявшегося), в связи с «практическими и политическими препятствиями к участию Украинской православной церкви и Православной церкви Украины»[61].

В 2024 г. вовлечённость ВСЦ в Украинский конфликт относительно снизилась, однако, и в этот период Совет предпринял несколько значимых действий. Так, в апреле 2024 г. состоялся визит главы ПЦУ Епифания Думенко в Женеву, в рамках которого он встретился с руководством Всемирного совета церквей и обсудил перспективы членства Православной церкви Украины в этой организации[62]. Хотя стороны не сообщили о принятии каких-либо решений по итогам данной встречи, сам факт подобного визита и публичного обсуждения вопросов членства можно рассматривать не только в качестве стремления максимально расширить состав Совета, но и как свидетельство поддержки Украины и выпад в сторону Русской православной церкви, не признающей данную церковную структуру[63].

Другим важным событием этого года стала реакция ВСЦ на Наказ XXV Всемирного русского народного собора (ВРНС) – общественной организации, возглавляемой Патриархом Московским и всея Руси. Указанный документ ВРНС «Настоящее и будущее Русского мира», опубликованный 27 марта 2024 г., был во многом посвящён теме Специальной военной операции. В нём она, в частности, называлась «новым этапом национально-освободительной борьбы русского народа против преступного киевского режима и стоящего за ним коллективного Запада, ведущейся на землях Юго-Западной Руси с 2014 года» и «Священной войной» с духовно-нравственной точки зрения, по завершении которой «вся территория современной Украины должна войти в зону исключительного влияния России»[64].

В реакции Всемирного совета церквей указывалось, что данный документ «вызвал серьёзную обеспокоенность среди членов»[65]. Отмечалось, что ВСЦ «не может согласовать утверждение о том, что “специальная военная операция

---

[61] WCC Statement on Postponement of Roundtable Dialogue on Ukraine. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/resources/documents/wcc-statement-on-postponement-of-roundtable-dialogue-on-ukraine (accessed 10.04.2025).

[62] Блаженнейший Митрополит Киевский и всея Украины Епифаний посетил ВСЦ. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/ru/news/his-beatitude-metropolitan-epiphany-of-kyiv-and-all-ukraine-visits-wcc (дата обращения: 10.04.2025).

[63] Стоит отметить, что впервые тему принятия ПЦУ в ВСЦ поднял протоиерей Иоанн Саука в своем интервью по итогам визита в Москву в октябре 2022 г.: Эксклюзивное интервью с исполняющим обязанности генерального секретаря ВСЦ после визита в Москву. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/ru/news/exclusive-interview-with-wcc-acting-general-secretary-after-the-visit-to-moscow (дата обращения: 10.04.2025).

[64] Наказ XXV Всемирного русского народного собора «Настоящее и будущее Русского мира». *Сайт ВРНС.* URL: https://vrns.ru/news/nakaz-xxv-vsemirnogo-russkogo-narodnogo-sobora-nastoyashchee-i-budushchee-russkogo-mira/ (дата обращения: 10.04.2025).

[65] WCC statement on Decree of XXV World Russian People's Council. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/resources/documents/wcc-statement-on-decree-of-xxv-world-russian-peoples-council (accessed 10.04.2025).

(на Украине) является священной войной". Генеральный секретарь Д. Пиллэй «запросил срочную встречу» для обсуждения данного документа, о проведении которой, однако, в открытых источниках не сообщалось.

Причины, побудившие ВСЦ подобным образом отреагировать на данный документ, как представляется, также могут быть объяснены в рамках описанной нами концепции. Как западная организация Совет не мог согласиться на обозначенные в Наказе цели, предполагающие стратегическое поражение стран Европы и Северной Америки в Украинском конфликте. Также прямая поддержка боевых действий со стороны России, выраженная в документе, свидетельствовала о неэффективности влияния Всемирного совета церквей на действия Русской православной церкви (или связанных с нею институтов) в данном вопросе, что могло поставить под сомнение роль ВСЦ как института транснациональной органической интеллигенции.

Возвращаясь к реакции ВСЦ на события Украинского кризиса, стоит отметить, что с середины 2024 г. публикации ВСЦ по российско-украинской тематике претерпели некоторое качественное изменение. Во-первых, сократилось количество заявлений, прямо направленных на обличение России (последнее подобного рода в 2024 г. было опубликовано 11 июля). Во-вторых, риторика Совета стала более нейтральной. Так, в заявлении Д. Пиллэя о саммите в Бюргенштоке 15–16 июня[66] отмечалось, что «устойчивый мир может быть обеспечен не военной силой, а только диалогом и дипломатией», поэтому «хотя ожидается, что Россия не будет представлена на этом первом саммите, последующие искренние шаги к устойчивому миру не могут обойтись без взаимодействия с Россией»[67]. Это также проявилось в заявлении Исполнительного комитета ВСЦ «Жажда справедливого мира в Европе» от 26 ноября 2024 г., в котором, в отличие от подобного же заявления Исполкома от 11 июня того же года, не только не содержалось явного упоминания действий России как «незаконных и неоправдываемых», но и впервые для документов подобного уровня отмечалось стремление к миру, не только на Украине, но и в России, а «просьба воздержаться от дальнейшей эскалации» была обращена «ко всем сторонам»[68].

В этом контексте также примечательно заявление ВСЦ от 28 августа 2024 г. «О новом законе, принятом Верховной радой 20 августа 2024 г.», в котором отмечалась «глубокая обеспокоенность» Совета приятым законом в связи с «возможностью неоправданного коллективного наказания целого религиозного со-

[66] Имеется в виду организованный западными государствами саммит, посвящённый урегулированию украинского кризиса.

[67] Statement on the high-level Summit on Peace in Ukraine hosted by the Government of Switzerland. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/resources/documents/statement-on-the-high-level-summit-on-peace-in-ukraine-hosted-by-the-government-of-switzerland (accessed 10.04.2025).

[68] Заявление: Жажда справедливого мира в Европе. *World Council of Churches website.* URL: https://www.oikoumene.org/ru/resources/documents/wcc-executive-committee-statement-yearning-for-just-peace-in-europe (дата обращения: 10.04.2025).

общества и нарушения принципов свободы религии и убеждения»[69]. Данный закон, предусматривающий возможность роспуска религиозной организации за её связь со «страной-агрессором», на протяжении нескольких месяцев его подготовки подвергался критике в упомянутых обращениях Патриарха Кирилла как направленный против верующих Украинской православной церкви. Возможную связь между действиями Московского патриархата (последнее подобное обращение, как раз посвящённое данному закону было направлено 24 августа[70]) и реакцией ВСЦ отмечал председатель Национального совета церквей Дании епископ Церкви Дании П. Бирх, который в открытом меморандуме даже обвинил организацию в том, что она продвигает «нарративы Русской православной церкви»[71].

Как бы то ни было, официальные заявления ВСЦ второй половины 2024 г. дают основания говорить об изменении риторики Совета применительно к Украинскому кризису. Можно предположить, что это связано с действиями Вооружённых сил Украины в Курской области с августа 2024 г., которые, хотя и не критиковались этой организацией прямо, могли повлиять на то, что она стала сдержаннее подходить к вопросу критики России.

Заключение

В целом рассматривая реакцию Всемирного совета церквей на Украинский кризис в 2022–2024 гг. с точки зрения критической теории международных отношений можно сделать вывод о том, что Всемирный совет церквей — это своеобразная «органическая интеллигенция» глобального христианства. Совет обладает постоянным бюрократическим аппаратом, действует преимущественно на средства западных протестантских церквей и продвигает универсалистские ценности, созвучные западной модели современности. Это определяет его повестку и объясняет, почему организация заняла недвусмысленную антироссийскую позицию, но при этом воздержалась от исключения Русской православной церкви. Подобная двойственность объясняется стремлением ВСЦ сохранять диалог, расширять собственное влияние и служить проводником западных ценностей в широком пространстве христианских церквей. Важным методологическим инструментом в данном анализе стала грамшианская концепция

[69] WCC Statement on the New Law Passed by the Ukraine Rada on 20 August 2024. *World Council of Churches website.* URL: https://oikoumene.org/resources/documents/wcc-statement-on-the-new-law-passed-by-the-ukraine-rada-on-20-august-2024 (accessed 10.04.2025).

[70] Святейший Патриарх Кирилл обратился к религиозным деятелям и представителям международных организаций в связи с принятием Верховной радой Украины законопроекта, направленного на ликвидацию Украинской православной церкви. *Сайт Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата.* URL: https://mospat.ru/ru/news/92137/ (дата обращения: 10.04.2025).

[71] Denmark Churches Criticise WCC Stance on Ukrainian Law. *Church Times website.* URL: https://www.churchtimes.co.uk/articles/2024/22-november/news/world/denmark-churches-critise-wcc-stance-on-ukrainian-law (accessed 10.04.2025).

органической интеллигенции. В перспективе подобный подход может помочь исследовать деятельность других религиозных объединений, выявляя, в какой степени их участие в мировой политике определяется внутренними корпоративными интересами и внешними международно-политическими факторами.

Об авторе:

Данил Эдуардович Аракелян – сотрудник Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, вице-модератор Комиссии «Молодёжь в экуменическом движении» Всемирного совета церквей. Адрес: 115191, Россия, г. Москва, ул. Даниловский Вал, д. 22. E-mail: arakelyan.den@gmail.com

Конфликт интересов:
Автор заявляет о наличии конфликта интересов в связи с профессиональной деятельностью.

UDC: 261.7:327(4+470+571)"2022/2024"
Received: April 20, 2025
Accepted for publication: June 10, 2025

The World Council of Churches' Response to the Ukrainian Crisis (2022–2024)

Danil E. Arakelian
DOI 10.24833/2071-8160-2025-3-102-134-161

Department for External Church Relations of Moscow Patriarchate.
WCC Commission «Young People in Ecumenical Movement»

Abstract: The article examines the World Council of Churches' (WCC) response to the Ukrainian crisis (2022–2024) through the lens of critical international relations theory. The author conceptualizes the WCC as a distinctive form of transnational 'organic intellectuals' within global Christianity, operating via its established bureaucratic apparatus and relying primarily on financial resources provided by Protestant churches in Europe and North America. The methodological approach is based on qualitative analysis of the WCC's official documents and public statements, highlighting how the Council, in its capacity as organic intellectuals, actively promotes and institutionalizes universalist values aligned with the Western liberal model of modernity. Particular attention is given to the Council's decision to refrain from excluding the Russian Orthodox Church despite strongly criticizing Russia's actions in the Ukrainian conflict. The author argues that this decision reflects the WCC's aim to preserve interchurch dialogue and maintain influence over the Russian Orthodox Church, thus expanding its position and role within the global Christian community. The article concludes that the institutional characteristics and Western orientation of the WCC constrain its capacity to act as a neutral mediator.

Keywords: World Council of Churches, Ukrainian crisis, ecumenical movement, critical theory of international relations, organic intellectuals, inter-Christian relations theory of multiple modernities, Russian Orthodox Church

About the author:

Danil E. Arakelian – Officer at the Department for External Church Relations of the Moscow Patriarchate, Vice-Moderator of the World Council of Churches' Commission on Youth in the Ecumenical Movement. Address: 22 Danilovskiy Val Street, Moscow, 115191, Russia.
E-mail: arakelyan.den@gmail.com

Conflict of interests:
The author declares a conflict of interest related to his professional activities.

References:

Anievas A. (2010). *Marxism and World Politics: Contesting Global Capitalism.* Routledge.

Cox R.W. 1983. Gramsci, Hegemony and International Relations: An Essay in Method. *Millenium – Journal of International Studies.* 12(162). P. 162–175.

Curanović A. 2024. The Russian Orthodox Church and the West: On a Quest to Bring Down the Liberal Project. *The Palgrave Handbook of Non-State Actors in East-West Relations* Cham: Palgrave Macmillan.

Forrester D. 1997. Living in Truth and Unity: The Church as a Hermeneutic of Law and Gospel. *Ecclesiology and Ethics: Ecumenical Ethical Engagement, Moral Formation and the Nature of the Church.* Geneva: WCC Publications. P. 92–104.

Gill S. (1990). *American Hegemony and the Trilateral Commission.* Cambridge University Press.

Graz J.-Ch. (2003). "How powerful are Transnational Elite Clubs? The Social Myth of the World Economic Forum". New Political Economy, 8(3), 321–340.

Hadsell H. 2006. Ecumenical Social Ethics Now. *Beyond Ideals: A Way Ahead for Ecumenical Social Ethics.* Grand Rapids, MI: William B. Eerdmans. P. 17–29.

Hovorun C. 2023. Can 'Ecumenism as Usual' Be Possible in the Wake of the War in Ukraine? *Ecumenical Trends.* 52(5). P. 25–31.

Kim Heung Soo. 2011. The Korean War (1950-1953) and Christianity: Pro-American Activities of the Christian Churches and the North Korean Reactions. *Madang.* 16. P. 135–158.

Mearsheimer J.J. 1994. The False Promise of International Institutions. *International Security.* 19(3). P. 5–49.

Rasmussen L. 1997. The Right Direction, but a Longer Journey. *Ecclesiology and ethics: ecumenical ethical engagement, moral formation and the nature of the church*. Geneva: WCC Publications. P. 105–111.

Sklair L. (2001). The Transnational Capitalist Class. Oxford: Blackwell.

Agadzhanyan A. 2012. «Mnozhestvennye sovremennosti», rossijskie «proklyatye voprosy» i nezyblemost' sekulyarnogo Moderna (teoreticheskoe esse) ["Multiple Modernities", Russian 'Cursed Questions' and the Immutability of Secular Modernity (Theoretical Essay)]. Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom. №1. P. 83–110. (In Russian)

Aleskerova S.E. 2011. Vsemirnyj sovet cerkvej: ekumenicheskoe dvizhenie ili organizaciya ob"edinyonnyh religij [The World Council of Churches: Ecumenical Movement or the United Religions Organization]. Sovremennye fundamental'nye i prikladnye issledovaniya. №2. P. 56–59. (In Russian)

Cerkov', cerkvi i Vsemirnyj sovet cerkvej: Ekkleziologicheskoe znachenie Vsemirnogo soveta cerkvej [The Church, Churches, and the World Council of Churches: The Ecclesiological Significance of the World Council of Churches]. 1998. *Pravoslavie i ekumenizm.* Moscow: Izd-vo MFTI. P. 188.

Gorodilova L. A. 2022. Modeli ekumenicheskogo dialoga v diskurse Russkoj pravoslavnoj cerkvi Moskovskogo patriarhata [Models of Ecumenical Dialogue in the Discourse of the Russian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate]. *Koncept: Filosofiya, religiya, kul'tura.* 2(22). P. 59–70. DOI: 10.24833/2541-8831-2022-2-22-59-70 (In Russian)

Gramsci A. 1959. *Izbrannye proizvedeniya v trekh tomah* [Selected Works in Three Volumes]. Vol. 3. Moscow: Izdatelstvo Foreign Literature. (In Russian)

Kalkandzhieva D. 2017. Bolgarskaya pravoslavnaya cerkov' i ekumenicheskoe dvizhenie posle Vtoroj mirovoj vojny [The Bulgarian Orthodox Church and the Ecumenical Movement after World War II]. *State, Religion, Church in Russia and Abroad.* №1. P. 64–80. DOI: 10.22394/2073-7203-2017-35-1-64-80 (In Russian)

Kasatkin P.I. 2010. Russkaya pravoslavnaya cerkov' kak aktor sovremennoj mirovoj politiki [Russian Orthodox Church as an Actor of Modern World Politics]. *MGIMO Review of International Relations.* 6(15). P. 141–155. (In Russian)

Kechkin I.E. 2021. Pravoslavnaya Cerkov' i ekumenizm: analiz dialoga i vzaimodejstviya na osnove oficial'nyh dokumentov Vsemirnogo soveta cerkvej (VSC) [The Orthodox Church and Ecumenism: An Analysis of Dialogue and Cooperation Based on Official Documents of the World Council of Churches]. NIR: grant №21-011-44111. *Rossijskij fond fundamental'nyh issledovanij.* (In Russian)

Kechkin I., Pis'menyuk I. 2022. Uchastie professorov Moskovskoj duhovnoj akademii v rabote Vsemirnogo soveta cerkvej (po dokumentam VSC) [Participation of professors from the Moscow Theological Academy in the World Council of Churches]. *Cerkovnyj istorik.* 2(8). P. 211–217. DOI: 10.31802/CH.2022.8.2.013 (In Russian)

Kunter K. 2017. Byl li tretij put'? Vsemirnyj sovet cerkvej v period holodnoj vojny [Was There a Third Way? World Council of Churches in the Period of Cold War]. Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom. №1. P. 147–163. DOI: 10.22394/2073-7203-2017-35-1-147-163 (In Russian)

Küng G. 2020. *Velikie hristianskie mysliteli* [Great Christian Thinkers]. Saint Petersburg: Aleteia. (In Russian)

Laktyuhin D.A. 2022. Vneshnyaya cerkovnaya deyatel'nost' Moskovskogo Patriarhata v gody «novogo kursa» Sovetskogo gosudarstva v otnoshenii Cerkvi (1946–1953 gg.) [External Church Activity of the Moscow Patriarchate during the Years of the "New Deal" of the Soviet State in Relation to the Church (1946 – 1953)]. *Hristianstvo na Blizhnem Vostoke.* 6(4). P. 166–202. DOI: 10.24412/2587-9316-2022-00290. (In Russian)

Livcov V.A. 2010a. Formirovanie osnovnyh principov vzaimodejstviya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi so Vsemirnym sovetom cerkvej ot N'yu-Deli do Upsaly (1961–1968) [Formation of the Basic Principles of Cooperation between the Russian Orthodox Church and the World Council of Churches from New Delhi to Uppsala (1961–1968)]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki.* 1(35). P. 39–44. (In Russian)

Livcov V.A. 2010b. Uchastie Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi v formirovanii pravoslavnogo ekumenizm a v seredine XX v. [The Participation of the Russian Orthodox Church in the Formation of Orthodox Ecumenism in the Middle of the 20th Century]. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novye gumanitarnye issledovaniya.* 2(10). P. 66–70. (In Russian)

Livcov V.A. 2010c. Vzaimodejstvie Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi so Vsemirnym sovetom cerkvej ot Upsaly do Najrobi [Cooperation between the Russian Orthodox Church and the World Council of Churches from Uppsala to Nairobi]. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novye gumanitarnye issledovaniya.* 3(11). P. 63–67. (In Russian)

Pivovarov N. 2017. Kogo priglashali v SSSR i kogo otpravlyali za granicu po religioznoj linii (1943–1985) [What Kind of Religious Persones Were Invited ti the USSR, and Who Was Allowed to Go Abroad (1943–1985)]. Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom. №1. P. 185–215. DOI: 10.22394/2073-7203-35-1-185-215 (In Russian)

Pravoslavie i ekumenizm [Orthodoxy and Ecumenism]. 1998. Moscow: Izd-vo MIPT. (In Russian)

Shishkov A. 2017. Dva ekumenizma: konservativnye hristianskie al'yansy kak novaya forma ekumenicheskogo vzaimodejstviya [Two Ecumenisms: Conservative Christian Alliances as a New Form of Ecumenical Interaction]. *State, Religion, Church in Russia and Abroad.* №1. P. 269–300. (In Russian)

Steckel K. 2012. Evropejskaya integraciya i russkoe pravoslavie: dve perspektivy v ramkah paradigmy mnozhestvennyh sovremennostej [European Integration and Russian Orthodoxy: Two Perspectives within the Paradigm of Multiple Modernities]. *State, Religion, Church in Russia and Abroad.* №1. P. 89–111. (In Russian)

Tolkachev V.B. 2013. Religioznye aktory v sovremennoj mirovoj politike: rol', vozmozhnosti, perspektivy razvitiya [Religious Actors in Contemporary World Politics: Preconditions, Possibilities and Development Prospects]. *MGIMO Review of International Relations.* 3(30). P. 75–80. DOI: 10.24833/2071-8160-2013-3-30-75-80 (In Russian)

Zvonarev S.L. 2025. Vstuplenie Russkoj pravoslavnoj cerkvi vo Vsemirnyj sovet cerkvej v kontekste cerkovno-gosudarstvennyh otnoshenij v SSSR [The Entry of the Russian Orthodox Church into the World Council of Churches in the Context of Church-State Relations in the USSR]. *Vestnik PSTGU.* №122. P. 164–180. DOI: 10.15382/sturII2025122.164-180 (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Агаджанян А. 2012. «Множественные современности», российские «проклятые вопросы» и незыблемость секулярного Модерна (теоретическое эссе). *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. №1. С. 83–110.

Алескерова С.Э. 2011. Всемирный совет церквей: экуменическое движение или организация объединённых религий. *Современные фундаментальные и прикладные исследования.* №2. С. 56–59.

Городилова Л.А. 2022. Модели экуменического диалога в дискурсе Русской православной церкви Московского патриархата. *Концепт: Философия, религия, культура.* 2(22). С. 59–70. DOI: 10.24833/2541-8831-2022-2-22-59-70

Грамши А. 1959. *Избранные произведения в трех томах.* Том 3. Москва: Издательство иностранной литературы.

Звонарёв С.Л. 2025. Вступление Русской православной церкви во Всемирный совет церквей в контексте церковно-государственных отношений в СССР. *Вестник ПСТГУ.* №122. С. 164–180. DOI: 10.15382/sturII2025122.164-180

Калканджиева Д. 2017. Болгарская православная церковь и экуменическое движение после Второй мировой войны. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом.* №1. С. 64–80. DOI: 10.22394/2073-7203-2017-35-1-64-80

Касаткин П.И. 2010. Русская православная церковь как актор современной мировой политики. *Вестник МГИМО-Университета.* 6(15). С. 141–155.

Кечкин И.Э. 2021. Православная Церковь и экуменизм: анализ диалога и взаимодействия на основе официальных документов Всемирного совета церквей (ВСЦ). НИР: грант № 21-011-44111. *Российский фонд фундаментальных исследований.*

Кечкин И., Письменюк И. 2022. Участие профессоров Московской духовной академии в работе Всемирного совета церквей (по документам ВСЦ). *Церковный историк.* 2(8). С. 211–217. DOI: 10.31802/CH.2022.8.2.013

Кунтер К. 2017. Был ли третий путь? Всемирный совет церквей в период холодной войны. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом.* №1. С. 147–163. DOI: 10.22394/2073-7203-2017-35-1-147-163

Кюнг Г. 2020. *Великие христианские мыслители.* Санкт-Петербург: Алетейя.

Лактюхин Д. А. 2022. Внешняя церковная деятельность Московского Патриархата в годы «нового курса» Советского государства в отношении Церкви (1946–1953 гг.). *Христианство на Ближнем Востоке.* 6(4). DOI: 10.24412/2587-9316-2022-00290. С. 166–202.

Ливцов В. А. 2010a. Формирование основных принципов взаимодействия Русской православной церкви со Всемирным советом церквей от Нью-Дели до Упсалы (1961–1968). *Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки.* 1(35). С. 39–44.

Ливцов В.А. 2010b. Участие Русской православной церкви в формировании православного экуменизма в середине XX в. *Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования.* 2(10). С. 66–70.

Ливцов В.А. 2010c. Взаимодействие Русской православной церкви со Всемирным советом церквей от Упсалы до Найроби. *Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования.* 3(11). С. 63–67.

Пивоваров Н. 2017. Кого приглашали в СССР и кого отправляли за границу по религиозной линии (1943–1985). *Государство, религия, церковь в России и за рубежом.* №1. С. 185–215. DOI: 10.22394/2073-7203-35-1-185-215

Православие и экуменизм. 1998. Москва: Изд-во МФТИ.

Толкачёв В.В. 2013. Религиозные акторы в современной мировой политике: роль, возможности, перспективы развития. *Вестник МГИМО-Университета.* 3(30). С. 75–80. DOI: 10.24833/2071-8160-2013-3-30-75-80

Церковь, церкви и Всемирный совет церквей: Экклезиологическое значение Всемирного совета церквей. 1998. *Православие и экуменизм.* Москва: Изд-во МФТИ. С. 188.

Шишков А. 2017. Два экуменизма: консервативные христианские альянсы как новая форма экуменического взаимодействия. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом.* №1. С. 269–300.

Штекль К. 2012. Европейская интеграция и русское православие: две перспективы в рамках парадигмы множественных современностей. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом.* №1. С. 89–111.